

КУЛЬТУРА ПОВСЕДНЕВНОСТИ

АЛЬБИН КОНЕЧНЫЙ
БЫЛОЙ ПЕТЕРБУРГ

ПРОЗА БУДНЕЙ И ПОЭЗИЯ ПРАЗДНИКА

Альбин Конечный

**Былой Петербург: проза
будней и поэзия праздника**

«НЛО»

2020

Конечный А.

Былой Петербург: проза будней и поэзия праздника /
А. Конечный — «НЛО», 2020

ISBN 978-5-44-481430-7

Праздничные гуляния и маршруты героев Достоевского, петербургские дачи, трактирные заведения и мелочные лавки, уличные вывески, купеческие дома и мастерские художников, звуки и зрелища... Эта книга – собрание работ о повседневной жизни старого Петербурга, написанных известным историком культуры и литературоведом Альбином Конечным. Читатель узнает, какое место в жизни петербуржцев занимали Нева и белые ночи; как горожане проводили досуг и развлекались; как был организован быт торговцев и живописцев; существовали ли адреса героев «Преступления и наказания» и стоит ли продолжать их поиски. Многие газетные публикации, воспоминания и документы, ставшие источниками этих изысканий, автор вводит в оборот впервые. Особый раздел посвящен петербурговедам прошлого: от Фаддея Булгарина, нарисовавшего в своих очерках настоящую панораму современной ему столицы, до общества «Старый Петербург», сохранявшего городское наследие в годы, когда память о нем оказалась под угрозой.

ISBN 978-5-44-481430-7

© Конечный А., 2020

© НЛО, 2020

Содержание

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ	6
ОТ АВТОРА	9
Часть I. Проза будней и поэзия праздника	10
НЕВА И БЕЛЫЕ НОЧИ: БЫЛЬ И МИФ ⁷	10
ПЕТЕРБУРГСКАЯ ДАЧА ⁷⁰	24
ПЕТЕРБУРГСКИЕ НАРОДНЫЕ ГУЛЯНЬЯ НА МАСЛЕННОЙ И ПАСХАЛЬНОЙ НЕДЕЛЯХ ¹³¹	34
РАЕК В СИСТЕМЕ ПЕТЕРБУРГСКОЙ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ ¹³⁹⁸	67
Приложение	83
«ТРАКТИРНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ» КАК ФАКТ БЫТА И ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ СТАРОГО ПЕТЕРБУРГА ⁴⁵¹	87
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Альбин Конечный
Былой Петербург Проза
будней и поэзия праздника
Ксане

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

В кратком вступлении «От автора» автор пишет о том, как он пришел к изучению города¹. Следует сказать несколько слов и о месте исследований Альбина Конечного в более широком дисциплинарном контексте.

К изучению дореволюционного Петербурга в контексте российской культурологии исследователи вернулись в начале 1980-х годов, спустя много лет после разгрома в 1920–1930-х Экскурсионного института и общества «Старый Петербург». (Гонения коснулись и одного из зачинателей петербургского градоведения, Н. П. Анциферова.)

Изучение быта Петербурга конца XVIII – первой трети XIX вв. началось, однако, раньше, в 1970-е годы, в «Семинаре по быту» Ю. М. Лотмана, который был организован при кафедре Русской литературы в Тартуском университете и просуществовал около пяти лет. Здесь по материалам документов и мемуаристики эпох Павла I и Александра I студенты писали рефераты и делали доклады по отдельным сферам быта этого времени (ордена и медали, городские экипажи, городское освещение, военный и штатский мундир, карточные игры, дуэли и т. д.). В летние каникулы для участников семинара устраивались городские экскурсии в Москве и Ленинграде. Теоретические разработки были предложены в хорошо известных трудах Тартуско-московской семиотической школы (работы Ю. М. Лотмана, Вяч. Вс. Иванова, В. Н. Топорова, Т. В. Цивьян), в частности в программном сборнике «Семиотика города и городской культуры. Петербург», выпущенном по материалам одноименной конференции, устроенной в Тарту 11–13 февраля 1983 года. В практико-этнографическом ключе петербургские темы освещались в докладах в Институте этнографии Академии наук на ежегодных научных чтениях «Этнография Петербурга-Ленинграда», начавшихся в том же 1983 году.

В Соединенных Штатах и Западной Европе, совершенно независимо, существовала и существует обширная междисциплинарная область урбанистики (*urban studies*). Большинство исследований в рамках этой области включают социологические, демографические и экономические аспекты, а также практические стороны, связанные с городским планированием. Однако в изучении урбанистики участвуют и гуманитарные дисциплины. Среди них – популярная отрасль под названием «культурная география» (*cultural geography*), в рамках которой выходят работы о различных культурных аспектах природного и городского ландшафта, включая и символику. Как в рамках *urban studies*, так и просто в рамках исторических и культурологических штудий существует интерес к культурной истории и исторической этнографии города, однако в отдельную субдисциплину такие труды не оформились.

Отвлекаясь от темы города: в западном научном обиходе история быта также не оформилась в отдельную дисциплину. Большое место занимает «история частной жизни», которая оформилась во Франции в 1980-е годы и затем проникла в англоязычную практику. В этой области имеется авторитетное издание (в пяти томах) под общей редакцией Ф. Арьеса и Ж. Дюби². Тома организованы хронологически, от древнего Рима и Византии в первом до современности в пятом. В каждом томе имеются тематические разделы, например, дом и семья, включая и пространство дома, и ритуалы семейной жизни, и интимные документы, такие как дневники, письма и фотографии. (На исчерпывающий охват всех областей частной жизни эта история не претендует.) Город – скорее, формы уличной жизни – присутствует в каждом томе. Во всех томах имеется обширная библиография, которая показывает, что область

¹ Подробнее об этом см.: Конечный А. Как все начиналось // Литературный факт. Научный журнал. 2017. № 4. С. 326–357.

² *Histoire de la vie privée* / dir. par P. Ariès, G. Duby. Paris: Editions du Seuil, 1985–1987. В русском переводе: История частной жизни: В 5 т. / под общ. ред. Ф. Арьеса и Ж. Дюби. М.: Новое литературное обозрение, 2014–2018. Англ. пер.: *A History of Private Life* / ed. by P. Ariès, G. Duby. Cambridge, MA: The Belknap Press of Harvard University Press, 1987–1991.

эта вполне эклектическая (в некоторых аннотациях она связывается с исторической школой «Анналов»).

Что касается собственно славистики, то здесь можно указать на отдельные исследования, которые – как часто бывает в западной славистике – опираются и на западную систему университетских дисциплин, и на русскую научную традицию, а потому занимают промежуточное положение. В этой связи следует назвать два исследования. Прежде всего, это монография Джули Баклер (Julie Buckler) «Mapping St. Petersburg: Imperial Text and Cityshape» (Princeton: Princeton University Press, 2007). Это исследование, которое можно причислить к культурной географии, включает в себя главы о физическом пространстве и эклектической архитектуре города, от дворцов до трущоб; о путеводителях; о городских легендах; о «коллективном тексте Петербурга» в литературе – а в связи с этим концептом наряду с представлениями западных теоретиков города употребляется и понятие Топорова «петербургский текст», и «Душа Петербурга» Анциферова. В работе Д. Баклер используются и труды А. Конечного, приведенные в обширной библиографии.

Другая книга посвящена самому явлению изучения Петербурга. Мы имеем в виду исследование Эмили Джонсон (Emily Johnson) «How St. Petersburg Learned to Study Itself: The Russian Idea of Kraevedenie» (University Park, PA: Penn State University Press, 2006). Автор называет анализируемый круг работ о Петербурге «краеведением», указывая в предисловии, что в системе западных гуманитарных дисциплин нет точного соответствия российскому увлечению градоведением. Э. Джонсон использует разработки А. Конечного и приводит в библиографии его труды. Назовем также коллективную монографию о формировании мифологизированного образа Петербурга, созданного многими поколениями авторов и институций, от основания города до наших дней: «Preserving Petersburg: History, Memory, Nostalgia» (ed. by Helena Goscilo, Stephen M. Norris; Bloomington, IN: Indiana University Press, 2008).

Едва ли будет преувеличением сказать, что публикуемые в настоящем сборнике статьи А. Конечного по быту и зрелищной культуре Петербурга нельзя отнести ни к одной из существующих отраслей изучения города (включая и Тартуско-московскую семиотику): они являются совершенно оригинальными исследованиями. Работы Конечного построены на огромном эмпирическом материале – найден и проработан массив печатных (работы по истории города, мемуары и опубликованная переписка, газетные публикации и рекламы, афиши, программы, разнообразный изобразительный материал, издания по регламентации частной и городской жизни и т. д.), а также рукописных источников. Восстановлена картина городского быта, как повседневного, так и праздничного: вывески, мелочные лавки, трактиры, дачи, народные гуляния, увеселительные сады, площадной театр (балаганы), краски (белые ночи) и звуки (мелодии) городской жизни и многое другое.

Эти труды, открывшие новые перспективы градоведения и петербурговедения, были замечены и использованы многими исследователями. Среди них – итальянские слависты Патриция Деотто, Антонелла Д'Амелия, Уго Перси, Джан Пьеро Пьеретто³. Публикации по истории быта Петербурга и городской культуре, подготовленные Конечным, используются не только в работах, посвященных собственно истории и символике Петербурга, но и в исследованиях на различные темы – такие как история народного театра и народной культуры, история моды, патриотическая культура в период Первой мировой войны и др.

Ссылки на труды и публикации Конечного можно найти в исследованиях Катрионы Келли (Catriona Kelly), Кристины Руане (Christine Ruane), Хубертуса Яна (Hubertus F. Jahn), Джеймса ван Гелдерна (James von Geldern), Токуаки Баннай (Tokuaki Bannai)⁴ и других уче-

³ См., например, изданные по материалам итальянских конференций сборники: Быт старого Петербурга. Т. 1–2. Salerno, 1997; *Pietroburgo capitale della Russa*. Т. 1–2. Salerno, 2004.

⁴ Баннай опубликовал, по-японски, и заметку о трудах Конечного: Bannai Tokuaki. A. Konechnyi's works on Pre-revolutionary Popular Fairs and Amusements – One of the First Researches of Russian Cultural Studies in the Last Period of Soviet Regime //

ных, опубликованных в Великобритании, США, Германии, Италии, Японии и других странах. А. М. Конечным подготовлена библиография «Быт и зрелищная культура Санкт-Петербурга – Петрограда. XVIII – начало XX века», ставшая незаменимым источником для всех исследователей города и комментаторов «петербургских текстов». Таким источником станет и предлагаемый вниманию читателей сборник.

Ирина Паперно (Университет Калифорнии, Беркли)

ОТ АВТОРА

Подзаголовок для сборника заимствован из названия статьи В. Н. Топорова⁵, – так Владимир Николаевич определил «тему быта и развлечений в петербургской жизни».

Мое изучение городского быта столицы началось с «Северной пчелы», которая с 1820-х годов стала регулярно сообщать о праздниках и развлечениях, фиксировать перемены в повседневной жизни Петербурга и его жителей. Впоследствии мною были фронтально просмотрены петербургская периодика и архивы, составлены тематические картотеки (в том числе по изобразительному ряду), на основе которых писались настоящие статьи, и была составлена аннотированная библиография с тематическим указателем⁶.

Все помещенные в сборнике статьи (кроме «Мелодии Питера» и «К истории появления статьи «Наблюдения над топографией „Преступления и наказания“») были написаны в 1976–2017 годах (дата и место первого обнародования указывается в примечании к заглавию). Незначительные исправления и дополнения специально не оговариваются.

В первом разделе прослеживается, какое место в жизни горожан занимали Нева, белые ночи, дачи и звуки города, как петербуржцы развлекались (площадные праздники, общедоступные увеселительные сады, «живые картины») и проводили досуг (прогулки, кафе, трактиры, рестораны), как был организован быт купцов, торговцев и художников.

Во втором разделе, «Петербурговедение», речь идет о забытых, ликвидированных новой властью институциях, которые занимались охраной, изучением и пропагандой наследия Старого Петербурга: обществе «Старый Петербург – Новый Ленинград» (1921–1938) и Гуманитарном отделе Петроградского научно-исследовательского экскурсионного института (1921–1924).

В этой же части помещена статья о первом бытописателе, Фаддее Булгарине, авторе своеобразной летописи повседневной жизни Северной столицы, которая предстает на страницах «Северной пчелы» и в его многочисленных очерках. Кроме того, в раздел включена работа о топографии «Преступления и наказания» Федора Достоевского, где поставлен вопрос, существовали ли адреса героев «Преступления и наказания» и стоит ли продолжать их поиски, а также статья, посвященная Петербургу в жизни и трудах Николая Анциферова, и очерк об отражении повседневного мира вещей в книгах Сергея Горного.

Особую благодарность выражаю Анне Федоровне Некрыловой, прочитавшей книгу в рукописи, за ценные замечания.

⁵ Топоров В. Н. Проза будней и поэзия праздника («Петербургские шарманщики» Григоровича) // Быт Старого Петербурга. Salerno: Europa Orientalis. 1997. № 2. С. 97–171.

⁶ Быт и зрелищная культура Санкт-Петербурга – Петрограда. XVIII – начало XX века: Материалы к библиографии // Быт Старого Петербурга. Salerno: Europa Orientalis. 1997. № 1. С. 9–149. Отдельное исправленное издание: Конечный А. Быт и зрелищная культура Санкт-Петербурга – Петрограда. XVIII – начало XX века: Материалы к библиографии. СПб.: Российский институт истории искусств, 1997.

Часть I. Проза будней и поэзия праздника

НЕВА И БЕЛЫЕ НОЧИ: БЫЛЬ И МИФ⁷

Александру Николаевичу Мецзякову – московскому петербуржцу

«*Быль и миф Петербурга остаются неотделенными и, быть может, неотделимыми, – писал Николай Анциферов. – В истории Петербурга одно явление природы приобрело особое значение, придавшее петербургскому мифу совершенно исключительный интерес. Периодически повторяющиеся наводнения, напор гневного моря на дерзновенно возникший город, возвещаемый населению в жуткие осенние ночи пушечной пальбой, вызывал образы древних мифов. Хаос стремился поглотить сотворенный мир*»⁸.

«Наводнения для Петербурга то же, что извержение Везувия для Неаполя, – говорил актер Петр Петрович Каратыгин. – Одно стоит другого: там – огонь, здесь – вода; но нельзя не сознаться, что на долю Петербурга выпало из двух зол меньшее»⁹.

Ощущая угрозу, не спешили обосноваться в молодом граде и его первые поселенцы (точнее – переселенцы). «В первых годах основания Петербурга жители довольно часто терпели бедствия от наводнений; по преданию, первые обитатели побережья Невы никогда не строили прочных домов, но небольшие избушки, которые, как только приближалась бурная погода, тотчас ломали, складывали доски на плоты, привязывали их к деревьям, а сами спасались на Дудерову гору»¹⁰.

Постоянная опасность затопления города порождала легенды о его гибели.

«В 1720 г. явился какой-то пророк-пустосвят, предсказывавший, что ко дню зачатия Предтечи, 23 сентября, с моря нахлынет вода на город выше всех прежних вод. Она затопит Петербург и изведет весь народ за отступление от православия. Жители Петербурга приуныли и стали переселяться с низменных побережий Невы на места более высокие»¹¹.

Нева явно не хотела мириться с городом на ее берегах и сразу же бросила вызов Петербургу и его основателю. Свирепый зев реки почти ежегодно напоминал о себе, особенно осенью и в начале зимы.

Нева оказала воздействие не только на формирование архитектурного пейзажа города, но и на повседневную жизнь его обитателей.

«В нашей жизни Нева играла... большую роль, и день наш располагался по ее норову, – свидетельствует граф Владимир Соллогуб. – То развернется она белою сахарною степью, и по ней играют лучи зимнего солнца. Это обозначало: дети, идите гулять. То вдруг прозрачная лазурная высь начинает туманиться быстро бегающими сизыми валунами, разрывающимися в лохмотья. Ветер стучится в окна и воеет в печные трубы. Белыми бархатными пауками спускается на белую равнину густая рассыпчатая занавесь. Вдруг все завертелось, закружилось сверху вниз, снизу вверх. На Неве разыгралась метель. Дети, сидите дома! Зато в светлые, как день, весенние ночи каким очарованием дышала Нева! Влажное и неподвижное ее зеркало,

⁷ Статья объединяет две публикации: 1. Вступительная преамбула к альбому: Быль и миф Невы: А. С. Пушкин. Медный всадник. А. С. Чежин. Фотографии. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 1999. С. VII–XI; 2. Петербургские белые ночи (быль и миф) // Петербург – столица русской культуры. II. Salerno: Europa Orientalis, 2004. С. 255–266. Дополненный и расширенный вариант.

⁸ Анциферов Н. П. Быль и миф Петербурга. Пг.: Брокгауз-Ефрон, 1924. С. 5, 57.

⁹ Каратыгин П. П. Летопись петербургских наводнений. 1703–1879. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1889. С. 3.

¹⁰ Пыляев М. И. Старый Петербург. СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1887. С. 105.

¹¹ Каратыгин П. П. Летопись петербургских наводнений... С. 8.

широко обрамленное дремлющими и в воде отражающимися зданиями, далеко и спокойно тянулось к заливу, сливаясь с сонно-безмолвным и гладко-ровным небосклоном. Много видал я впоследствии и рек, и морей, и гор беловершинных, и степей беспредельных. Ничто никогда не внушало мне такого привольного чувства, как затишье Невы в весеннюю ночь. И теперь не могу глядеть на него без задумчивого наслаждения. <...>

Часто приходит мне на ум Нева, дремлющая в огненных отливах солнечного заката. Еще чаще вижу я ее сизо-серую, как сталь, подернутую зыбью под серыми тучами, между гранитом набережных и суровых стен Петропавловской крепости. И с ужасом припоминаю я, как однажды река перестала быть рекою и обратилась в море бешеное, разъяренное, смывающее Петербург с лица земли.

Это было 7 ноября 1824 года»¹².

Особенно много страшных эпизодических рассказов и преданий сохранилось о наводнении 7 ноября 1824 года.

«Скажу тебе, что знаю о следствиях страшной свирепой пятницы, в которую разверзались подземные хляби поглотить нас, – писал художник Алексей Венецианов Николаю Милюкову 24 ноября 1824 года. – <...> Все улицы наполнились водою, в пенистых которой волнах скрылись нижние этажи. <...> Я только выходил к Неве и увидел берег наш таким, каким он был, может быть, и в XVI веке – казался таковым. <...> Все мрачно молчало и леденело... <...> Описывать вам свирепости мокрой могилы, мрачную пасть свою расстилавшей, не стану, воспоминания действия, а более следствий, до гроба, кажется, станут цепенить каждого»¹³.

Упомянутый выше Владимир Соллогуб вспоминает: «Ничего страшнее я никогда не видывал. <...> Нельзя было различить, где была река, где было небо... <...> ...Забурлило, заклокотало одно сплошное судорожное море... <...> Мы бросились к окнам на Неву и увидели страшное зрелище. Перед ожесточенным натиском бури неслись в туманном коловороте разваливавшиеся барки с сеном. Ветер разметывал сено во все стороны целыми глыбами, барки разламывались в куски, и мы ясно видели, как посреди крушения какие-то тени стояли на коленях и подымали руки к небу. И видя это, мы тоже почувствовали ужас, и тоже стали на колени, и тоже начали молиться. Спасение казалось невозможным... <...> Существует предсказание, что он (Петербург. – А. К.) когда-нибудь погибнет от воды и что море его зальет. Лермонтов... любил чертить пером и даже кистью вид разъяренного моря, из-за которого подымалась оконечность Александровской колонны с венчающим ее ангелом. <...> После наводнения 7 ноября на Петербург легло томящее, свинцовое, все поглощающее уныние»¹⁴.

«В этой драме было много и смешных случаев: так, например, какая-то деревянная хлебопекарня всплыла, а находившиеся в ней люди и не подозревали, что изба их двинулась с места, и продолжали свою работу»¹⁵.

По свидетельству очевидцев, зрелище разбушевавшейся Невы, в первые часы подъема воды, вначале приковало внимание петербуржцев: «При постепенной прибыли воды толпы любопытных устремились на берега Невы и с любопытством смотрели на сей грозный феномен природы. <...> ...выражение какого-то недоумения, удивления или любопытства заменяло на лицах зрителей страх или робость. <...> Пока, наконец, вдруг в улицы со всех сторон не хлынула вода. Тогда всеобщее смятение и ужас объяли жителей»¹⁶.

¹² Соллогуб В. А. Повести. Воспоминания. Л.: Худ. лит., 1988. С. 373–374.

¹³ Алексей Гаврилович Венецианов. Статьи. Письма. Современники о художнике. Л.: Искусство, 1980. С. 78, 80.

¹⁴ Соллогуб В. А. Указ. соч. С. 374–376.

¹⁵ Бутковская А. Рассказы бабушки // Исторический вестник. 1884. Т. 18. № 12. С. 621.

¹⁶ Каратыгин П. П. Летопись петербургских наводнений... С. 40–42, 44.

Наводнение 7 ноября 1824 года быстро обрастало фантастическими слухами, закрепляло в сознании петербургский эсхатологический миф, а «наводненческая» тема стала достоянием русской литературы.

Одно из таких преданий (во многих из них мотив смерти, реже – чудесного спасения) приводит Михаил Пыляев. «Рассказывали, что одна молодая вдова, проживавшая в одной из линий Васильевского острова, накануне похоронила на Смоленском своего старого супруга, над прахом которого не расположена была долго плакать и терзаться, потому что покойный сожитель мучил ее своею ревностью. Проводив его на место вечного успокоения, она также думала найти, наконец, душевное спокойствие, но каков же был ее ужас, когда вечером рокового дня она увидела гроб своего сожителя у самого крыльца ее дома!»¹⁷

«Александр смотрел на ужасы наводнения с балкона Зимнего дворца, – утверждает Каратыгин. – Сохранилось предание, будто мимо дворца неслись по волнам колыбель с плачущим младенцем и гроб (быть может пустой). Это было как бы напоминанием императору о таинственной пророческой связи наводнений с его рождением и кончиной»¹⁸.

«Это страшное наводнение произвело сильное впечатление на государя, – вспоминает современник, – и расположение духа сделалось у него с тех пор мрачным. Он говорил, что это предсказывает ему конец и что он недолго проживет»¹⁹.

Бытовало и устойчивое мнение, что наводнение – возмездие за грехи. Когда вода спала, Александр I «отправился в Галерную [гавань]. Тут страшная картина разрушения предстала перед ним. Видимо пораженный, он остановился и вышел из экипажа; несколько минут стоял он, не произнося ни слова; слезы медленно текли по щекам; народ обступил его с воплем и рыданием. „За наши грехи Бог нас карает“, – сказал кто-то из толпы. – „Нет, за мои!“ – отвечал с грустью император»²⁰.

«Смотря на всю картину, нельзя было не подумать, что Господь прогневался за грехи наши и посылает на нас кару небесную»²¹.

Однако петербуржцы и не думали покидать обжитые места. «В Галерной гавани жили и прожили целые поколения, борясь, чуть не каждую осень, с наводнениями и не соглашаясь переселиться из низменного родимого уголка в более высокие и безопасные части города. Привычка – вторая натура»²².

Но и когда река не угрожала, вид на Неву пробуждал противоречивые чувства.

Достоевский признается, что «видение» о «самом отвлеченном и умышленном городе на всем земном шаре» («Записки из подполья») посетило его на берегу Невы в зимний январский вечер. «Подойдя к Неве, я остановился на минутку и бросил пронзительный взгляд вдоль реки в дымную, морозно-мутную даль, вдруг заалевшую последним пурпуром зари, догоравшей в мгlistом небосклоне. <...> Сжатый воздух дрожал от малейшего звука, и, словно великаны, со всех кровель обеих набережных подымались и неслись вверх по холодному небу столпы дыма, сплетаясь и расплетаясь в дороге, так что, казалось, новые здания вставали над старыми, новый город складывался в воздухе... <...> Казалось, наконец, что весь этот мир, со всеми жильцами его, сильными и слабыми, со всеми жилищами их, приютами нищих или раззолоченными палатами, в этот сумеречный час походит на фантастическую, волшебную грезу, на сон, который в свою очередь тотчас исчезнет и исcurится паром к темно-синему небу»²³.

¹⁷ Пыляев М. И. Старый Петербург. С. 126–127.

¹⁸ Каратыгин П. П. Летопись петербургских наводнений... С. 49.

¹⁹ Записки барона Велио // Русская старина. 1913. Т. 156. № 11. С. 435.

²⁰ Каратыгин П. П. Летопись петербургских наводнений... С. 48.

²¹ Романовский А. Воспоминание о наводнении // Русская старина. 1905. Т. 122. № 4–6. С. 425–426.

²² Каратыгин П. П. Летопись петербургских наводнений... С. 3.

²³ Достоевский Ф. М. Петербургские сновидения в стихах и прозе // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 19. Л.: Наука, 1979. С. 69.

Даже умиротворенная Нева навевала на знаменитого героя Достоевского – Раскольников, когда он стоял на Николаевском мосту, чувство мучительного беспокойства. «Небо было без малейшего облачка, а вода почти голубая, что на Неве так редко бывает. <...> Он стоял и смотрел вдаль долго и пристально; это место было ему особенно знакомо. Когда он ходил в университет, то обыкновенно, – чаще всего, возвращаясь домой, – случалось ему, может быть раз сто, останавливаться именно на этом же самом месте, пристально вглядываться в эту действительно великолепную панораму и каждый раз почти удивляться одному неясному и неразрешимому впечатлению. Необъяснимым холодом веяло на него всегда от этой великолепной панорамы; духом немым и глухим полна была для него эта пышная картина. <...> Дивился он каждый раз своему угрюмому и загадочному впечатлению и откладывал разгадку его»²⁴.

Зато Герцен, у которого было особое отношение к имперской столице, восторгался невиской панорамой: «Жизнь Петербурга только в настоящем; ему не о чем вспоминать, кроме о Петре I, его прошедшее сколочено в один век, у него нет истории, да нет и будущего; он всякую осень может ждать шквала, который его потопит. <...> В судьбе Петербурга есть что-то трагическое, мрачное и величественное. <...> В Москве на каждой версте прекрасный вид; плоский Петербург можно исходить с конца в конец и не найти ни одного даже посредственного вида; но, исходивши, надо воротиться на набережную Невы и сказать, что все виды Москвы – ничего перед этим»²⁵.

Дремлющую летнюю Неву описывает Константин Батюшков. «Ни малейший ветерок не струил поверхности величественной, первой реки в мире, и я приветствовал мысленно богиню Невы словами поэта:

Обтекай спокойно, плавно,
Горделивая Нева,
Государей зданье славно
И тенисты острова.

Великолепные здания, позлащенные утренним солнцем, ярко отражались в чистом зеркале Невы, и мы оба единогласно воскликнули: „Какой город! Какая река!“»²⁶

Владимир Петрович Бурьянов (настоящая фамилия Бурнашев) посвятил ей панегирик «Взгляд на Неву». «Как широка, как величественна эта голубая Нева, окаймленная гранитом... <...> Едва ли какая другая картина сравнится с тою, которую представляет нам наша державная Нева в хороший летний вечер, когда луна, взглянув сквозь темно-голубой покров небесного свода, глядится в ее воды, тихие зеркальные, отражающие в себе всю дивную красоту берегов, обставленных зданиями превосходной архитектуры, к которым привито так много высоких воспоминаний»²⁷.

С Невой связаны и городские праздники.

При Петре I летние празднества проходили на берегу Невы (в Летнем саду, на Троицкой площади) или на воде (торжества по случаю спуска кораблей, прием именитых гостей). «Одним из любимых удовольствий Петра в его „парадизе“ было катанье по Неве, которое тоже было организовано по указу и должно было происходить по особому регламенту. В определенные дни, в разных местах города вывешивались особые сигнальные флаги, а на флагштоке крепости взвивался морской штандарт. Для жителей тогдашнего Петербурга это означало, что их

²⁴ Достоевский Ф. М. Преступление и наказание // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений. Т. 6. С. 89–90.

²⁵ Герцен А. И. Москва и Петербург // Герцен А. И. Сочинения: В 9 т. Т. 2. М.: ГИХЛ, 1955. С. 390, 395, 396.

²⁶ Батюшков К. Н. Прогулка в Академию Художеств // Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе. М.: Наука, 1978. С. 75.

²⁷ Бурьянов В. Прогулка с детьми по С. Петербургу и его окрестностям. СПб.: в Тип. Гл. упр. путей сообщ. и публич. зданий, 1838. Ч. 1. С. 74.

приглашают выезжать на своих судах на Неву к крепости. <...> Царь бывал на месте на своем буере или шняве, т. е. яхте, один из первых»²⁸.

В XVIII – начале XIX века на льду Невы устраивались на Масленой неделе народные гулянья, на которые собирался весь город. Возводился (чаще всего напротив Петропавловской крепости) увеселительный городок: две огромные катальные горы, деревянные театры (баланы), карусели и другие постройки. Этот праздник привлекал петербуржцев обилием зрелищ и развлечений, атмосферой игровой активности и непринужденного веселья. Светская публика и состоятельные горожане выезжали на гулянья, чтобы продемонстрировать новые экипажи и моды, а также посмотреть на забавы народа, который, в свою очередь, с любопытством взирал на множество карет и саней, опоясывающих толпу и постройки. Место, где проходило празднество, превращалось в своеобразную сцену («театр в театре»), а участники «русского карнавала» были одновременно и зрителями, и действующими лицами.

Ежегодно 6 января²⁹ отмечалось Богоявление (Крещение). «Праздник Богоявления обыкновенно сопровождается большим воинским парадом, для которого собираются почти все находящиеся в столице и ее окрестностях войска, – сообщает Павел Свиньин. – Для совершения сего празднества воздвигается на Неве, против Эрмитажа, великолепный решетчатый храм. Сей храм снаружи украшается осмью вызолоченными изображениями ангелов и четырью живописными картинами, представляющими: крещение спасителя Иоанна, проповедующего в пустыне; переход израильтян чрез Чермное море и избрание апостолов Петра и Андрея. Сверх того, сей храм вокруг обносится широкою террасою и открытою галереею; в первой совершается молебен, а во второй помещаются знамена всех гвардейских полков, приносимые для окропления их святою водою.

Божественную службу обыкновенно совершает митрополит с многочисленным собором духовенства. Минута величественная! При появлении церковного хода, спускающегося по набережной из дворца, тысячи голов вдруг обнажаются и поклонением святым образам представляют море, внезапно всколыхавшееся. Процессия шествует на Иордан в сопровождении всей царской фамилии; гром артиллерии и перекатный огонь ружей возвещают погружение в реку святого креста, и сие мгновение не менее разительно и живописно! Народ, коим бывает устлана вся Нева, мгновенно стремится к прорубам и отверстиям, сделанным на льду реки: тот, стоя на коленях, пьет из горсти воду, другой черпает ее чашечкою, третий наполняет ею бутылку, четвертый умывается, всеми движет одна мысль – исполнить сей священный обычай. Во весь сей день и следующие народ толпится на Иордане, который для сего нарочно оставляется на трое суток»³⁰.

Вторым праздником, о котором говорил Свиньин, был день Преполовения (вскрытие реки ото льда). В этот день открывались навигация и переправа через Неву.

Вскрытие Невы принадлежит некоторым образом к истории [Петропавловской] крепости, и сие происшествие, столь вообще в России обыкновенное, есть эпоха для петербургских жителей. Премудрый Творец наших флотов и северной столицы, отворив русским плователям неизмеримое царство морей и превратив, так сказать, Неву в устье внутренних рек, желал всеми способами почтить важность и выгоды, от нее проистекающие. Для сего и установил он праздновать ежегодно вскрытие Невы.

При первом очищении Невы ото льду, по данному повелению, капитан над верфью пускается на катере с распущенным флагом вниз по реке

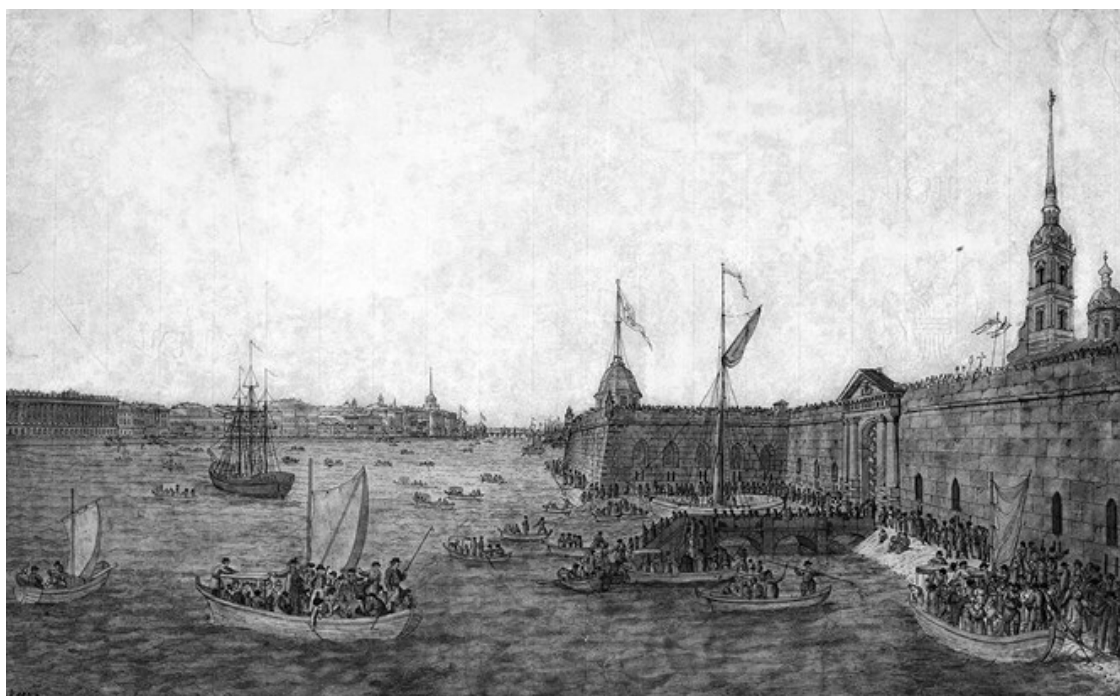
²⁸ Зарин А. Е. Царские развлечения и забавы за 300 лет. Л.: Междунар. фонд истории науки, 1991. С. 77.

²⁹ Все дореволюционные даты в книге даны по старому стилю. – *Примеч. ред.*

³⁰ Свиньин П. П. Достопамятности Санкт-Петербурга и его окрестностей. СПб.: Лига плюс, 1997. Кн. 5 (1828 г.). С. 371–372.

и в сопровождении множества всякого рода судов. Он салютует крепости, которая также ему отвечает. В то же время комендант крепости едет с рапортом к государю императору, и капитан над верфью получает тогда ежегодно Высочайший подарок дорогой цены.

В сие время оба берега бывают покрыты множеством зрителей, с нетерпением ожидающих первого выстрела из крепости. Он раздался – и Нева покрывается судами, и там, где за час мертвое молчание дремало на глыбах льда и снега – там все теперь изображает вид пробужденной природы, и самые воды, кажется, торжествуют свое освобождение. <...> Поистине картина сия чрезвычайно богата и ее можно всего ближе уподобить обручению *венецианского дожа с Адриатическим морем*. <...> В день Преполовения и 1 августа бывают в крепости крестные ходы для *водоосвящения*, при чем собирается великое множество всякого звания людей и Нева покрывается разноцветными шляпками. В первый день всякому позволяется гулять по крепостным валам³¹.

И. А. Иванов. Нева у Петропавловской крепости в день Преполовения. Офорт, акварель. 1815

До появления постоянных мостов через реку обитатели Петербургской стороны и Васильевского острова, ожидая, пока на Неве образуется прочный лед, отмечали свой праздник. «Большинство публики на Петербургской стороне, состоящее из чиновников, служащих в сенате, в губернских местах и т. п., имеет свой праздник, продолжающийся несколько дней, растягивающийся или укорачивающийся, смотря по силе мороза; этот праздник – *рекостав*. <...> В это время начинаются у жителей Петербургской стороны визиты, вечеринки, дружеский преферанчик, танцы и разные удовольствия»³².

В 1830-х годах модное светское гулянье перешло с Невского проспекта на набережные, и «взгляд на Неву» невольно стал атрибутом летнего фланёра. «На Невском проспекте

³¹ Там же. С. 165–168.

³² Гребёнка Е. П. Петербургская сторона // Петербург в русском очерке XIX века. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. С. 143.

гуляют только зимою и весной, – отмечал Александр Башуцкий в 1834 году, – с приближением лета толпы редуют и начинают переливаться отсюда на Адмиралтейский бульвар, Дворцовую и Английскую набережные и в Летний сад. Гулянье хорошей публики продолжается до четвертого часа»³³.

Не в силах был соперничать с коварной Невой парадный и деловой Невский. «С 1836 года Невский проспект, этот шумный, вечно шевелящийся, хлопотливый и толкающийся Невский проспект упал совершенно: гулянье перенесено на Английскую набережную, – писал Гоголь. – Когда Адмиралтейским бульваром достиг я пристани, перед которою блестят две яшмовые вазы, когда открылась перед мною Нева, когда розовый цвет неба дымился с Выборгской стороны голубым туманом, строения стороны Петербургской оделись почти лиловым цветом... и в этой лилово-голубой мгле блеснул один только шпиг Петропавловской колокольни, отражаясь в бесконечном зеркале Невы, – мне казалось, будто я был не в Петербурге. Мне казалось, будто я переехал в какой-нибудь другой город, где уже я бывал, где все знаю и где то, чего нет в Петербурге»³⁴.

Нева была и непременно атрибутом белых ночей.

* * *

В 1922 году Николай Анциферов ввел понятие «душа города»: «В каком смысле можно говорить о душе города? Исторически *проявляющееся единство* всех сторон его жизни (сил природы, быта населения, его роста и характера его архитектурного пейзажа, его участие в общей жизни страны, духовное бытие его граждан) и составляет душу города», отмечая при этом, что «через познание внешнего облика города» – путь «к постижению его души»³⁵.

Ставя на первое место фактор «сил природы», исследователь утверждает:

«Город мы воспринимаем в связи с природой, которая кладет на него свой отпечаток... <...> Большое значение для одухотворения города имеет *природа*. Смена дня и ночи заставляет чувствовать органическое участие города в жизни природы. Утро убирает его часто перламутровой тканью туманов, пронизанных солнечными лучами. Вечер набрасывает на него кроваво-блещущий покров... И белая ночь наполняет его своими чарами, делает Петербург самым фантастическим из всех городов мира (Достоевский). Мистерия времен года, породившая мифы всех народов, превращает самый город в какое-то мифическое существо»³⁶.

Самые ранние описания белой ночи встречаются у иностранцев, впервые посетивших новую столицу.

«Самым любопытным из виденного мною был путь и обращение солнца, – свидетельствует немецкий путешественник, побывавший в Петербурге в 1710–1711 годах. – Ибо я наряду со многими другими иностранцами и приезжими наблюдал, как солнце в июне и в июле не заходило, разве только в продолжение получаса бывали сумерки, так что я и ночью, и днем совершенно свободно и ясно мог читать и писать все, что угодно. И часто совершенно доподлинно видел, как солнце удивительным образом в полуночное время между 11, 12 и 1 часом лишь ненадолго заходило на востоке у горизонта, или края земного шара, так что мне казалось, будто для человеческого глаза от момента его захода ненадолго и до момента нового полного восхода оно проходило только шагов 200»³⁷.

³³ Башуцкий А. П. Панорама Санктпетербурга. СПб.: Тип. вдовы Плюшара с сыном, 1834. Ч. 3. С. 87.

³⁴ Гоголь Н. В. Петербургские записки 1836 года // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: [В 14 т.]. Т. 8: Статьи. Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 187, 188–189.

³⁵ Анциферов Н. П. Душа Петербурга. Пб.: Брокгауз-Ефрон, 1922. С. 48.

³⁶ Там же. С. 18, 36.

³⁷ Беспятовых Ю. Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л.: Наука, 1991. С. 59.

«Примечательно, что в два летних месяца солнце почти не заходит, а бывают только, так сказать, вечерние сумерки, когда люди хотя и лишены на три часа настоящего солнечного света, но все же небо остается светлым достаточно, чтобы всю ночь можно было совершенно свободно читать и писать, – вспоминает ганноверский резидент в Петербурге (в 1714–1717 годах) Ф.-Х. Вебер. – Я часто с удивлением замечал, что по утрам через час или два после восхода солнца на улицах еще не было ни единого человека и даже не открывалась ни одна дверь или окно, а все люди еще были погружены в сон. Зимой же, напротив, дни так коротки, что от них мало радости; солнце видишь не больше трех часов, да и то очень редко из-за тумана и испарений, которыми воздух над землей так насыщен, что зиму с полным основанием можно назвать долгой ночью, а зимние дни – постоянными сумерками»³⁸.

Итальянский поэт и драматург Витторио Альфиери сетовал: в белые ночи «я чувствовал тоску от этого постоянного печального дневного света и совершенно не помнил, какой был день недели»³⁹.

«Выспавшись хорошо, я несколько удивился, замечая, что еще ночь. Я снова засыпаю и просыпаюсь при солнечном свете. – Казанова признается, что он впервые в жизни потерял день для своих приключений, проспав тридцать часов. – Был тогда конец мая, а в это время года в Петербурге не бывает ночи. В полночь отлично можно читать письмо без помощи свечки. Великолепно, не правда ли?»⁴⁰

Маркиз де Кюстин, приближаясь к Петербургу на пароходе в 1839 году, отмечал: «Здесь серая земля вполне достойна бледного солнца, которое ее освещает. В России ночи поражают своим почти дневным светом, зато дни угнетают своей мрачностью»⁴¹.

В отеле, где он остановился, «нигде на окнах не было ни портьер, ни штор, ни жалюзи, и это при солнце, которое здесь теперь в течение чуть ли не 22-х часов в сутки не сходит с горизонта и косые лучи которого достигают отдаленнейших углов комнаты»⁴².

Белые ночи поразили Кюстина впервые в Зимнем дворце, где во время бала он был представлен императору:

Я хочу еще упомянуть о том, что доставило мне на этом балу неожиданное удовольствие и что осталось совершенно незамеченным всеми остальными: я говорю о том впечатлении, которое произвели на меня величественные явления северной природы. Днем температура воздуха достигала 30 градусов и, несмотря на вечернюю прохладу, атмосфера во дворце была душливая. Едва встав из-за стола, я поспешно направился в амбразуру открытого окна. Здесь я забыл обо всем окружающем и не мог оторваться от поразительных световых эффектов, которые можно наблюдать лишь на севере в волшебно-светлые полярные ночи. Гряды темных, густых облаков разделяли небо на отдельные зоны. Был первый час ночи. Ночи в Петербурге в это время уже начались, но были еще так коротки, что едва хватало времени их заметить, как на востоке появлялась предрассветная заря. Дневной ветер улегся, и в прорывах между неподвижными облаками виднелось ослепительно белое небо, похожее на отдаленные друг от друга серебряные пластинки. Этот свет отражался на поверхности заснувшей в своих берегах Невы, лениво катившей светлые, будто молочные или перламутровые воды.

³⁸ Там же. С. 121.

³⁹ Жизнь Витторио Альфиери из Асти, рассказанная им самим. М.: Книгоизд-во К. Ф. Некрасова, 1904. С. 110.

⁴⁰ Казанова Д. Д. Мемуары. СПб.: Изд. В. И. Губинского, 1887. С. 212, 216.

⁴¹ Кюстин А. де. Николаевская Россия / Пер. Я. Гессена. Л. Домгера. М.: Политиздат, 1990. С. 57.

⁴² Там же. С. 75.

Перед моими глазами расстилалась большая часть Петербурга с его набережными, церквами и колокольнями. Краски этой картины были неопишуты. Остатки погашенной утренней зарей иллюминации еще светились под портиком биржи, здания в греческом стиле, с театральной помпезностью обрамляющего остров, образуемый Невой в том месте, где она разделяется на два главных рукава. Освещенные колонны этого здания, неуместный стиль которого в этот час ночи и на отдельном расстоянии не так был заметен, отражались в белых водах Невы. Весь остальной город казался голубым, как даль в картинах старинных мастеров. Эта поистине фантастическая картина города в ультрамариновых тонах, обрамленная золоченым окном Зимнего дворца, создавала поразительный контраст со светом люстр и всей пышностью внутренней его обстановки. Казалось, будто весь город, небо, море, вся природа конкурируют с блеском Зимнего дворца и принимают участие в пышном празднестве⁴³.

В другом месте своей книги Кюстин говорит:

Сегодня ночью я прощался с Петербургом. <...> В начале одиннадцатого я возвращался с Островов⁴⁴. В этот час город имеет необычайный вид, прелесть которого трудно передать словами. Дело не в красоте линий, потому что все кругом плоско и расплывчато. Очарование – в магии туманных северных ночей, в их светлом сиянии, полном величавой поэзии.

Со стороны заката все было погружено во тьму. Город черным, словно вырезанным из бумаги, силуэтом вырисовывался на белом фоне западного неба. Мерцающий свет зашедшего солнца еще долго горит на западе и освещает восточную часть города, изящные фасады которой выделяются на темном с этой стороны небе. Таким образом, на западе – город во мраке и светлое небо, на востоке – темное небо и горящие в отраженном свете здания. Этот контраст создает незабываемую картину. Медленное, едва заметное угасание света, словно борющегося с надвигающейся неумолимой темнотой, сообщает какое-то таинственное движение природе. Кажется, что едва выступающий над водами Невы город колеблется между небом и землей и готов вот-вот исчезнуть в пустоте.

Стоя посредине моста (Исаакиевский наплавной мост. – А. К.), переброшенного через Неву, я долго любовался этой красотой, стараясь запечатлеть в памяти все детали двух столь различных ликов белой петербургской ночи⁴⁵.

Михаил Кузмин создает образ белых ночей в представлении иностранцев:

Лоренца долго не могла привыкнуть к петербургским белым ночам, она занавешивала тремя занавесками небольшие окна их квартиры близ Летнего сада, закрывалась с головою одеялом, даже прятала голову под подушку,

⁴³ Там же. С. 116.

⁴⁴ В 1830-х три острова, составляющие своеобразное единство, – Каменный, Елагин и Крестовский – получили имя собственное – Острова. На упомянутые Острова путь проходил через Аптекарский остров, который долгое время был изъят как из городской, так и из островной структуры и выполнял функцию своеобразного моста, соединяющего город с Островами (подробнее см.: *Топоров В. Н.* Аптекарский остров как городское урочище (общий взгляд) // *Топоров В. Н.* Петербургский текст. М.: Наука, 2009. С. 501–571). *Б. н.* Письма о Петербурге: Прогулка за город // *Литературные листки.* 1823. № 1. С. 1–7; № 2. С. 17–20; № 3. С. 29–32 (Исторический очерк. Прогулка на пароходе по Неве на острова. Рассказ об исторических зданиях на набережной Невы. Аптекарский остров. Дача Строганова. Каменный, Крестовский и Елагин острова).

⁴⁵ Там же. С. 208–209.

напрасно: болезненная белизна, словно тонкий воздух или запах, проникала через все препятствия и томила душу, заставляла ныть сердце и кровь останавливаться.

– Ах, Александр, я не могу! – говорила графиня, – мы живем слишком близко к полюсу!

На Калиостро целодневное светило не производило такого болезненного впечатления; наоборот, эти ночи нравились ему и удивляли его, как и всё в этом странном городе. Ему даже казалось, что призрачный свет – самое подходящее освещение для призрачного плоского города, где полные воды Невы и каналов, широкие перспективы улиц, как реки, ровная зелень стриженных садов, низкое стеклянное небо и всегда чувствуемая близость болотного неподвижного моря – все заставляет бояться, что вот пробьют часы, петух закричит, – и всё: и город, и река, и белоглазые люди исчезнут и обратятся в ровное водяное пространство, отражая желтизну ночного стеклянного неба. Все будет ровно, светло и сумрачно, как до сотворения мира, когда еще Дух не летал над бездной⁴⁶.

Немецких путешественников белые ночи удивляли тем, что можно было «свободно читать и писать»⁴⁷.

Альфieri «чувствовал тоску от этого постоянного печального дневного света». Лоренца (у Кузмина) не могла уснуть (Кюстин отмечает, что в домах окна на ночь не затемнялись), и «болезненная белизна, словно тонкий воздух или запах, проникала через все препятствия и томила душу, заставляла ныть сердце и кровь останавливаться». Кюстин был очарован «фантастической картиной города», который «казался голубым, как даль в картинах старинных мастеров».

Однако у Кюстина и Калиостро (опосредованно через Кузмина) проявляется бинарное восприятие белых ночей, характерное и для многих художественных текстов, – восхищение и ощущение угрозы зловещего пророчества «Петербургу быть пусту»⁴⁸:

«Кажется, что едва выступающий над водами Невы город колеблется между небом и землей и готов вот-вот исчезнуть в пустоте» (*Кюстин*).

«Ему даже казалось... вот пробьют часы, петух закричит, – и все: и город, и река, и белоглазые люди исчезнут и обратятся в ровное водяное пространство... Все будет ровно, светло и сумрачно, как до сотворения мира, когда еще Дух не летал над бездной» (*Кузмин*).

Вероятно, прогулки в белые ночи вошли в моду при Александре I, который любил прогуливаться по Английской набережной, и летом, когда жил на Каменном острове, каждое утро ходил по берегу вдоль реки.

⁴⁶ *Кузмин М. А.* Чудесная жизнь Иосифа Бальзамо, графа Калиостро // *Кузмин М. А.* Избранные произведения. Л.: Худ. лит., 1990. С. 455.

⁴⁷ Это отмечали и историки города: «*Лето* бывает вообще весьма хорошее. Должайший оно день продолжается 18½ часов и в сумерках прекрасных ночей можно читать без труда» (*Георги И. Г.* Описание российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопамятностей в окрестностях ононого. СПб.: Лига, 1996. С. 40; впервые: СПб., 1794).

⁴⁸ «Петербургу быть пусту» – известно два круга документальных источников, зафиксировавших это легендарное заклятие новой столицы: 1) Документы дознания царевича Алексея, в показаниях которого от 8 февраля 1718 года оно приписано его матери, царице Евдокии Лопухиной: «...сказывала, что Питербурх не устоит за нами: „Быть-де ему пусту“» (*Устрялов Н.* История царствования Петра Великого. СПб.: в Тип. Второго Отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, 1859. Т. 6. С. 457); 2) Бумаги Тайной канцелярии, но уже 1722 года, повествующие о распространившемся в Петербурге слухе: на колокольне собора Святой Троицы якобы завелась кикимора, и по поводу этого «таинственного явления» дьякон прихода высказал пророчество: «Питербурху пустеть будет» (*Семевский М. И.* Очерки и рассказы из русской истории XVIII в.: Слово и дело! 1700–1725. СПб.: Тип. В. С. Балашева; изд. ред. журн. «Русская старина», 1884. С. 88–89).

Георгий Полилов приводит свидетельство иностранца о ночных гуляньях в Петербурге в 1810-х годах:

«Интересны также ночные гулянья весною по Невскому, в обоих Летних садах и на бульварах, в настоящее время позабытых. Очевидец, итальянец, автор записок, рассказывает, что весною, между часом и двумя ночи, в вышеуказанных местах появлялись разряженные дамы и кавалеры из высшего общества, блестящие экипажи с шумом катились по мостовой, все скамьи на Невском, бульварах и садах были заняты. Светлая весенняя ночь давала возможность читать даже такие газеты, как напечатанные мелким шрифтом „Гамбургские ведомости“. Подобное ночное чтение газет считалось хорошим тоном лучшего общества. Кондитерские и рестораны были в это время открыты, но согласно предписанию полиции огня в них не зажигалось. Около четырех часов начинался разъезд. Пожелав друг другу спокойной ночи, гуляющие разъезжались по домам»⁴⁹.

Уже в 1830-х годах путеводители по городу рекламировали для приезжих белые ночи как одну из достопримечательностей Северной Пальмиры.

«Летние ночи петербургские очаровательны! Это не ночь, не день и не сумрак, а что-то среднее, какое-то таинственное смешение света и тени⁵⁰, ветер утихает, природа как будто покоится; воздух чист, легок и прозрачен; вы можете читать книгу в продолжение целой ночи. Едва вечерняя заря угаснет на горизонте, и новая уже румянит противоположный край неба! Должайший день петербургский заключает в себе 18 часов 20 минут»⁵¹.

«Но лучшим украшением здешнего лета его ночи, светлые, тихие, таинственная борьба света с мраком. Еще не успеет совершенно угаснуть вечерняя заря, как с другого края небосклона разливается свет томный, чуть брезжущий, осеребряя мало-помалу блестящие главы храмов и скользя на поверхности вод. Ежели вы не желаете читать книг в эти ночи, то идите на Дворцовую набережную, хоть к Летнему саду, прислушайтесь там к отдаленному городскому шуму, к резким звукам *шарманки*, мерным ударам весел плывущего ялика, посмотрите на противоположный берег Невы, объятый безмолвием, и вас ожидает очаровательная картина, какую могут дарить только летние петербургские ночи и расточительная природа в Крыму»⁵².

«Как широка, как величественна эта голубая Нева, окаймленная гранитом... <...> Едва ли какая другая картина сравнится с тою, которую представляет нам наша державная Нева в хороший летний вечер, когда луна, взглянув сквозь темно-голубой покров небесного свода, глядится в ее воды, тихие, зеркальные, отражающие в себе всю дивную красоту берегов, обставленных зданиями превосходной архитектуры, к которым привито так много высоких воспоминаний»⁵³.

В 1844 году Владимир Зотов в очерке «Заметки петербургского зеваки» писал:

«Но бывает в Петербурге время, за которое можно простить ему и его мостовую, и дождь, и все. Ни под небом Италии, ни среди развалин Греции, ни в платановых рощах Индии, ни на льяносах Южной Америки не бывает таких ночей, как в нашем красивом Петербурге. Бездна

⁴⁹ Северцев (Полилов) Г. Т. С.-Петербург в начале XIX века // Исторический вестник. 1903. Т. 92. Май. С. 632–633.

⁵⁰ Поделюсь своим наблюдением. Я приехал подростком в Петербург (еще Ленинград) с Крайнего Севера, где солнце не заходило за горизонт весной и летом, и какое-то время воспринимал здешние белые ночи как серые сумерки. Постепенно подпал под магию белых ночей, и ежегодные весенние ночные прогулки с близкими стали традицией и радостной потребностью. Однажды меня пригласил на спектакль кукол-марионеток известный режиссер Резо Габриадзе. Помимо самого спектакля, меня поразил необычайно красочный, какой-то волшебный вид кукольных платьев. Я спросил у Резо, как он добивается такого эффекта. Он отвел меня за кулисы и, показывая платья, сказал: «Я шью платья из старого материала (бархата и др.), который никогда не чищу. И вот эта пыль в складках и изношенная материя при определенной порции света и делает платья фантастическими». И я понял, что именно только определенная доза света (как в водке должно быть точно 40% спирта) превращает в Петербурге в белые ночи самые затертые, облупленные стены и разбитые дороги в мерцающие драгоценности.

⁵¹ Башуцкий А. П. Указ. соч. Ч. 2. С. 12.

⁵² Пушкирев И. И. Николаевский Петербург. СПб.: Лига Плюс, 2000. С. 36 (сокр. вариант: Пушкирев И. И. Описание Санкт-Петербурга и уездных городов... СПб., 1839–1842. Ч. 1–4.).

⁵³ Бурьянов В. Указ. соч. Ч. 1. С. 73–74.

поэтов описывала и восхваляла наши северные ночи, но выразить красоту их словами так же невозможно, как описать запах розы и дрожание струны, замирающей в воздухе. Не передать никакому поэту того невыразимого, таинственного молчания, полного мысли и жизни, которое ложится на тяжело дышащую Неву, после дневного зноя, при фосфорическом свете легких облаков и пурпурового заката. Не схватить никакому живописцу тех чудных красок и цветов, которые переливаются на небе, отражаются в реке, как на коже хамелеона, как в гранях хрустала, как в поляризации света. Не переложить музыканту на земной язык *тех* глубоко проникнутых чувством звуков, поднимающихся от земли к небесам и снова, по отражении их небесами, падающих на землю. Высокою, неразгаданною поэмою оканчивается пошло-прозаический день Петербурга. Дышит чувством, теплым и обаятельным, роскошная ночь его. Что-то похожее на мысль шевелится в голове, что-то близкое к чувству затеплится в сердце самого обыкновенного человека из человек, и с грустно-приятною мечтою задумывается о чем-то странном, непонятном, недосказанном бедный труженик, встречавший в течение скучного дня один низкий комизм, одну комическую низость. Забываются в эти ночи и отношения, и преферанс, и сплетни, и подлости, и скромный наблюдатель нравов много хорошего находит ночью в тех людях, в которых днем не видал ни искры теплого чувства, ни проблеска светлой мысли»⁵⁴.

Глеб Успенский в очерке «Нева» (1867) передает свое восторженное отношение к белым ночам:

«Мы прежде всего обратим внимание на некоторые декорации, обставляющие в летнюю пору физиономию Невы. Перемена начнется с весны. Ладожские льдины пронеслись в море, настали белые ночи, и как похорошела Нева! Еще недавно, возвращаясь темным зимним вечером с Васильевского острова, вы были испуганы тем непроницаемым мраком, тою бездною тьмы, которая наступала на вас со стороны взморья, яркие газовые пучки Николаевского моста не в силах были разогнать хоть на аршин эту непроницаемую тьму... <...> Но теперь белые петербургские ночи разогнали этот пугающий мрак и на Неве воцарилась только красота... Часу во втором летней ночи она вся покрыта белым туманом, протянувшимся над ней в виде бесконечно длинной и бесконечно высокой горной цепи; гряда белых дымящихся гор заслонила собою все берега Невы, гордо какими-то прихотливо очерченными фигурами рвется на вершины громадных зданий набережной, и только высокие мачты бесчисленных кораблей высовывают свои острые вершины из этого, поглотившего все, тумана. Где-то, в глубине белых гор, слышны крики людей, плещет одинокое весло, и вода, не умолкая, чмокает об гранитную набережную; но ни воды, ни весла, ни людей не видно... Туман. Вдруг загорелся первый луч солнца, загорелся шпиль Петропавловской церкви, сверкнув в тумане какою-то, упавшею с неба, золотою крапивою; в белой массе тумана сразу разлился какой-то розовый, или, вернее, перламутровый оттенок, и внутренность туманных гор озарилась чудным светом: глаз начинает различать кой-какие предметы, еще недавно погребенные туманом; вдали движутся барки, видны люди с шестами, видны мачты, паруса, натянутые веревки... Но все это еще не может явиться в своем настоящем виде, в своих действительных цветах: все это окрашено в тускло-перламутровый цвет, повсюду что-то фантастическое и чудесное. Даже крики уже видимых глазом рабочих, разговоры прохожих, появляющихся то в том, то в другом месте на набережной Невы, не в силах уничтожить чудес, сделанных туманом»⁵⁵.

Не было единого мнения о том, как влияют белые ночи на здоровье петербуржцев, и у врачей.

«Летние ночи наши доставляют поистине очаровательное зрелище и как нельзя более придают цены удовольствиям сего времени; они бывают столь светлы, что чрез всю ночь без

⁵⁴ Петербург в русском очерке XIX века. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. С. 70. В сборнике очерк ошибочно приписан А. Григорьеву.

⁵⁵ Успенский Г. И. Нева // Петербург в русском очерке XIX века. С. 238–239.

свечи можно читать книгу, напечатанную мелкими литерами, – говорилось в 1820 году в издании «Медиико-топографическое описание Санктпетербурга». – Едва угаснет на чистом горизонте вечерняя заря, как уже румянит оный соседственная Аврора. В должайшие дни от 2-х часов утра до 9-ти вечера солнце совершает круг небесного течения своего, и токмо пять часов сокрыто бывает от взоров наших»⁵⁶.

«Майские дни в Петербурге отличаются не столько приятностию, сколько своею долгою, – сообщалось в 1834 году в справочнике «Медиико-топографические сведения о С. Петербурге». – Вообще должно признаться, что весеннее время в Петербурге, а особливо до вскрытия Невы, есть и неприятное и для здоровья весьма трудное. Число занемогающих разными болезнями, преимущественно горячками: желчною, нервною и гнилою, бывает гораздо значительнее в марте, апреле и мае, нежели в другое время года»^{57, 58}.

С болезнью ассоциируется белая ночь у героя повести Тургенева «Призраки» (1864):

«Северная, бледная ночь! Да и ночь ли это? Не бледный, не больной ли это день? Я никогда не любил петербургских ночей; но на этот раз мне даже страшно стало... <...> Все видно кругом; все ясно, до жуткости четко и ясно, и все печально спит, странно громоздясь и рисуясь в тускло-прозрачном воздухе. Румянец вечерней зари – чахоточный румянец – не сошел еще, и не сойдет до утра с белого, беззвездного неба; он ложится полосами на шелковистой глади Невы, а она чуть журчит и чуть колышется, торопя вперед свои холодные синие воды»⁵⁹.

Подобного ощущения не разделяет Гаршин:

«Южанин родом, я полюбил бедную петербургскую природу, белые весенние ночи, которые – к слову сказать – ничем не хуже наших пресловутых украинских ночей»⁶⁰.

Сквозь «призму Достоевского» (выражение Анциферова) вглядываются в белую ночь символисты, разделяя состояние героев писателя.

«Но тревога поднимается во мне в такую ночь, – говорит писатель Евгений Иванов. – Что-то полубезумное, полупророческое в этом прозрачном полусвете белых ночей и что-то блудное – блуждающее»^{61, 62}.

«Белая ночь есть бездонное, неуловимо пронизательное созерцание, – утверждает Николай Ге. – Глубочайшее в мире, обнаженно живое и стыдное – это живая ночь бытия, то, чего не знает день»⁶³.

⁵⁶ *Аттензофер Г.-Л фон*. Медиико-топографическое описание Санктпетербурга, главного и столичного города Российской Империи / Пер. с нем. СПб.: Импер. Акад. наук, 1820. С. 87–88.

⁵⁷ Медиико-топографические сведения о С. Петербурге. СПб., 1834. С. 7–8; то же: Статистические сведения о Санктпетербурге. СПб., 1836. С. 35.

⁵⁸ Ср.: «Ни с чем несравнимая прелесть летней природы заключается в победоносном преобладании света над мраком. Петербургский летний день растягивается на целые 24 часа... зато петербургская летняя ночь съживается почти в незаметный комок. <...> Но не все одинаково свыкаются с красотами летней петербургской природы: многие замечают в ней только одни недостатки – безобразие флюсов, например, или корчи ревматизма» (Сколько лет, сколько зим! Или Петербургские времена. СПб.: Тип. Военно-уч. зав., литогр. Крайя, 1849. С. 9).

⁵⁹ *Тургенев И. С.* Сочинения: В 30 т. Т. 7. М.: Наука, 1981. С. 215.

⁶⁰ *Гаршин В.* Петербургские письма. 1882 // *Гаршин В.* Третья книжка рассказов. СПб.: Ком. «Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым», 1896. С. 187.

⁶¹ *Иванов Е.* Всадник: Нечто о городе Петербурге // Белые ночи: Петербургский альманах. СПб.: Изд. т-ва «Вольная типография», 1907. С. 79.

⁶² См. стихотворение Дмитрия Мережковского «Белая ночь» (12 мая 1893 года): Столица ни на миг в такую ночь не дремлет: Едва вечерняя слетает полутьма, Как снова бледная заря уже объемлет На небе золотом огромные дома. Как перья, облаков прозрачные волокна Сквозят, и на домах безмолвных и пустых Мерцают тусклые завешенные окна Зловещей белизной, как очи у слепых. Всегда открытые безжизненные очи. Уходит от земли светлеющая твердь. В такие белые томительные ночи — Подобен мраку свет, подобна жизни смерть. Когда умолкнет все, что дух мой возмущало, Я чувствую, что есть такая тишина, Где радость и печаль в единое начало Сливаются навек, где жизни смерть равна. А 28 мая 1908 года Александр Блок написал знаменитые строки: Май жестокий с белыми ночами! Вечный стук в ворота: выходи! Голубая дымка за плечами, Неизвестность, гибель впереди!

⁶³ *Ге Н. Н.* Белая ночь и мудрость // Белые ночи: Петербургский альманах. С. 95.

Как утверждает путеводитель, «для привычных петербуржцев белые ночи менее чувствительны», и традиционные ночные прогулки по городу продолжались в начале XX века:

«Петербургские лето отличается одной замечательной особенностью: здесь не бывает ночи – это так называемые белые ночи, напоминающие собою сумерки, продолжающиеся без перерыва от солнечного заката вплоть до рассвета. Как это ни странно, но для людей непривычных такие ночи весьма утомительны, лишая их необходимого ночного отдыха. Для привычных петербуржцев белые ночи менее чувствительны, хотя установившийся склад жизни всего лучше указывает, что ночному отдыху уделяется значительно меньше времени, чем где бы то ни было в другом городе России. Оживленное движение не прерывается в течение всей ночи, а трамваи, экипажи и пассажирские пароходы действуют круглые сутки без перерыва»^{64, 65}.

«Знаменитые „белые ночи“ – лучший прекрасный цветок бледного северного климата. На нервы впечатлительных людей эти „задумчивые ночи“ оказывают тревожное воздействие»⁶⁶.

Для художника Мстислава Добужинского вид на вечернюю Неву с Литейного моста – одно из ярких переживаний юности:

Когда наступила весна, я любил делать долгие прогулки вдоль всей Невы, по набережной от Летнего сада до Николаевского моста, любуясь панорамой Петербурга и белыми ночами. <...> С нашего моста вечером... открывалось чудесное зрелище: по всем набережным Невы тянулись бесконечные ровные цепочки фонарей, и вдаль их огоньки сливались в одну тонкую нить, которая всегда дрожала и переливалась, а когда было тихо на Неве, от каждого фонаря в воду опускалась острая и длинная игла.

Зрелище это меня притягивало, и веселило, и наполняло каким-то смутным чувством – я не понимал, конечно, еще всей грусти и таинственности – словом, поэзии – этой петербургской ночной красоты⁶⁷.

«Белые ночи – сколько о них уже сказано и писано, – вспоминает Александр Бенуа. – Как ненавидели их те, кто не мог к ним привыкнуть, как страстно любили другие. Но нигде белые ночи так не властвовали над умами, не получали, я бы сказал, такого содержания, такой насыщенности поэзией, как именно в Петербурге, как именно на водах Невы. Я думаю, что сам Петр, основавший свой Петербург в мае, был зачарован какой-нибудь такой белой ночью, неизвестной средней полосе России»^{68, 69}.

Белые ночи и постоянные наводнения – как предвестники гибели города – неотъемлемая часть петербургского текста и мифа.

⁶⁴ *Москвич Г.* Практический путеводитель по С.-Петербургу и его окрестностям. Одесса: Тип. Южно-Русского Общества Печатного Дела, 1903. С. 35.

⁶⁵ Ср.: «Что в Петербурге пленительнее и интереснее всего летом – это белые ночи в мае и июне. Солнце, зайдя за горизонт, оттуда до утренней зари освещает еще небо Петербурга. Странно и даже несколько жутко в эти ночи непривычному человеку» (*Чериковер С.* Петербург. М.: Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1909. С. 88).

⁶⁶ Петербург и его жизнь. СПб.: Тип. бр. В. и И. Линник, 1914. С. 15–16.

⁶⁷ *Добужинский М. В.* Воспоминания. М.: Наука, 1987. С. 140, 8.

⁶⁸ *Бенуа А. Н.* Мои воспоминания. М.: Наука, 1980. Кн. 1. С. 14.

⁶⁹ В 1920-е годы, в период бурного развития экскурсионного дела, член общества «Старый Петербург – Новый Ленинград» В. М. Лосев, наряду с разными экскурсиями по городу («По Неве», «Набережная Фонтанки» и др.), разработал и проводил прогулку «Белая ночь – историко-архитектурная и литературная экскурсия» (ОР РНБ. Ф. 443. Ед. хр. 100). В плане общества на июнь 1936 года значится: «17-го. Экскурсия „Белая ночь“. Сбор в 10½ час., у Прачечного моста» (афиша).

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ДАЧА⁷⁰

Сергею Смолякову

Дачам в России посвящено несколько работ. Патриция Деотто (Италия) опубликовала три статьи: «Петербургский дачный быт XIX века как факт массовой культуры»⁷¹ (панорама повседневной жизни горожан во время летнего отдыха); «Из городской грязи на природу: город и дача (Дача как одна из категорий Петербургского мифа)»⁷² и «Дачная традиция в Серебряном веке»⁷³ (отражение дачной жизни в русской культуре: поэзии, литературе, этнографической беллетристике, мемуарах).

Стивен Ловелл (Великобритания) в монографии «Summerfolk: A History of the Dacha, 1710–2000»⁷⁴ в первой главе («Предыстория») упоминает петербургские и московские дачи, далее прослеживает «дачный бум в поздние годы империи» и особое внимание уделяет формированию и бытованию «советской дачи».

О. Ю. Малинова-Тзиафета исследует «социокультурные факторы освоения дачного пространства вокруг Петербурга (1860–1914)»⁷⁵.

Цель настоящей статьи – проследить историю возникновения и бытования петербургской дачи.

В очерке «Дачи» (1837) Фаддей Булгарин, редкий знаток повседневной жизни Старого Петербурга, говорит о происхождении дач в Европе и России:

Владельцы особые и богатое дворянство в Германии и во Франции переняли у итальянцев вкус к загородным домам⁷⁶. Позднее он перешел в Англию. Но до конца XVIII века жили на дачах, или в загородных домах, только цари, владельцы князья, вельможи и первостатейные богачи. Дворянство уезжало из города, на лето, в свои поместья; чиновники прогуливались в публичных садах или выезжали за город с семействами подышать чистым воздухом; купцы и ремесленники не дерзали переселяться из своей лавки, конторы или мастерской. Одним словом, горожане жили зимою и летом в городе, в городской черте, и только по праздникам, в хорошую погоду, прогуливались за городом. Мы еще помним остаток этого времени!

В России постройка дач стала распространяться в царствование императрицы Екатерины Великой, вместе с развитием просвещения. Модное место была Петергофская дорога⁷⁷. Острова были пусты. Каждый из них

⁷⁰ Впервые: Петербургские дачи // Пискарев П. А., Урлаб Л. Л. Дачный быт Петербурга в начале XX века // Антропологический форум. 2005. № 3. С. 444–474. Дополненный и расширенный вариант.

⁷¹ Europa Orientalis. 1997. № 1. С. 357–371.

⁷² Studia Letteraria Polono-Slavica. Warszawa, 1999. № 4. С. 151–152.

⁷³ Петербург – столица русской культуры. II. С. 335–348.

⁷⁴ Lovell S. Summerfolk. A History of the Dacha, 1710–2000. Ithaca, NY; L.: Cornell University Press, 2003. См. рецензию И. Утехина на книгу: Антропологический форум. СПб., 2004. № 1. С. 342–346. Позже вышел перевод: Ловелл Стивен. Дачники. История летнего жилья в России. 1710–2000 / Пер. с англ. Л. Г. Семенов. СПб.: Академический проект; Изд-во ДНК, 2008.

⁷⁵ Малинова-Тзиафета О. Ю. Из города на дачу: социокультурные факторы освоения дачного пространства вокруг Петербурга (1860–1914). СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. См. мою реплику на эту книгу: Новое литературное обозрение. 2014. № 125. С. 357–363.

⁷⁶ Прообразом дачи можно по праву считать итальянскую виллу – первоначально загородный дом для отдыха с парком и садом. Архитектор Андреа Палладио (1508–1580) в 1567 году на основе античных и ренессансных традиций возвел на окраине Виченцы первую виллу – «Ротонду», сохранившуюся до настоящего времени. В России стиль Палладио для загородных сооружений успешно применял архитектор Н. А. Львов (1751–1803).

⁷⁷ «Всех дач в Петровское время по Петергофской дороге до Ораниенбаума и Красной Горки было 86. <...> Про

принадлежал какому-нибудь одному лицу и имел не более одной дачи. Там, где ныне тысячи дач, было всего четыре: одна на Елагином, одна на Крестовском, одна на Каменном островах и Строгановская дача на Петербургской стороне. На Петербургской дороге было также весьма немного дач, и те принадлежали первым вельможам Двора Екатерины или первым банкирам. В Стрельной и от Стрельной мызы до Петергофа не было ни одной дачи еще в мое время. Сказать о ком-нибудь: он живет на даче, значило то же что: он богат, силен и знатен»⁷⁸.

Эти загородные постройки для светской и состоятельной публики вскоре обрели устойчивое название «дача». По свидетельству современника, «это слово получило в Петербурге настоящее свое значение от того, что сперва раздавались вокруг Петербурга даром лесистые места для постройки на них загородных домов»⁷⁹.

Дошедший до нас изобразительный материал⁸⁰ дает представление об облике дач знати и местах их нахождения на островах и в окрестностях Петербурга в первой половине XIX века.

В конце XVIII века на Выборгской стороне, у впадения Черной речки в Большую Невку, появляется дача президента Академии художеств, графа Александра Сергеевича Строганова⁸¹. Она была возведена архитекторами Федором Демерцовым и Андреем Ворониным в 1794–1795 годах на большом участке, принадлежавшем Строгановым с середины XVIII века. Главное здание (нижний этаж был каменный, верхний – деревянный) находилось на берегу Большой Невки в окружении парка с аллеями, павильонами, мостиками, скульптурой. Для гостей, прибывавших по воде, была построена красивая терраса-пристань. На даче собиралось аристократическое общество, бывали и царствующие особы, например, Павел I и Александр I. Регулярно устраивались и гулянья для публики, сопровождавшиеся музыкой, танцами, иллюминацией. Северная часть парка простиралась до Черной речки (отсюда название усадьбы – дача Строгановых на Черной речке). В 1811 году была уничтожена пристань и частично заложена терраса второго этажа, а в конце 1840-х дача перешла во владение графини Натальи Строгановой⁸².

Петергофскую дорогу в екатерининское время рассказывали иностранцы, что она напоминала прелестный переезд от Парижа до Версаля. Англичанка Вильмот в своих записках пишет: «Вас поражают удивлением великолепные дворцы, возвышающиеся по обеим сторонам дороги, окруженные рощами и украшенные роскошными цветниками и лужайками» (*Пьялев М. И. Забытое прошлое окрестностей Петербурга*. СПб.: Лига, 1994. С. 112–113. Первое изд.: СПб., 1889).

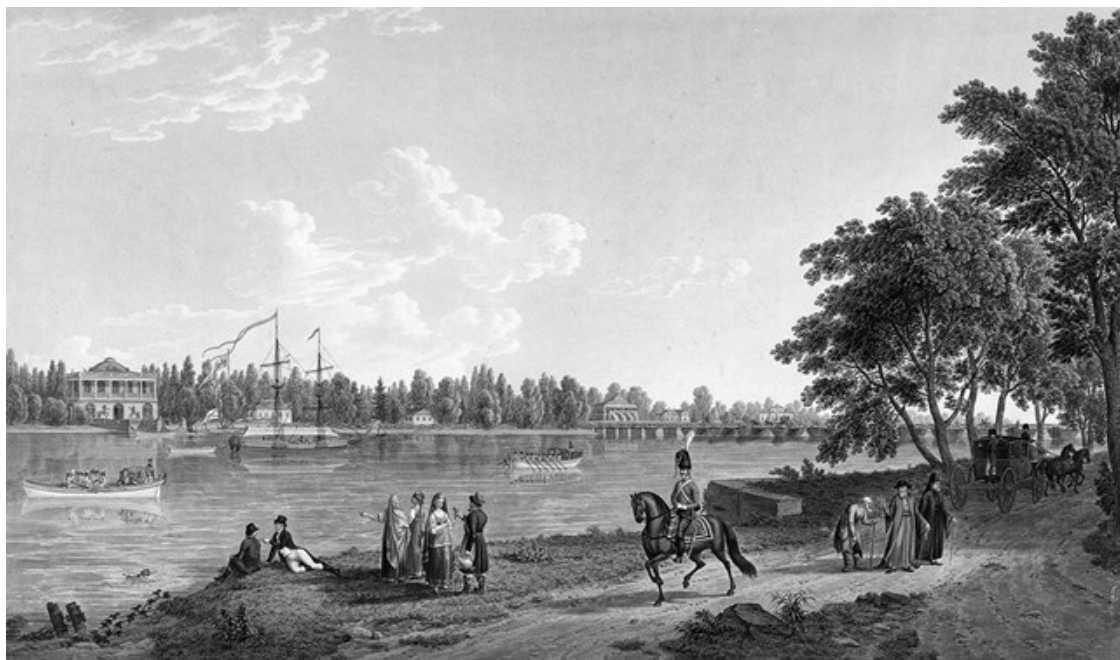
⁷⁸ Петербургские очерки Ф. В. Булгарина / Сост., вступ. ст., коммент. А. М. Конечного. СПб.: Петрополис, 2010. С. 299.

⁷⁹ Воскресный летний день в Петербурге // Северная пчела. 1841. 13 авг.

⁸⁰ См., напр.: Старый Петербург: столица и окрестности: живопись и рисунок XVIII – середины XIX века из собрания Государственного музея истории Санкт-Петербурга / Авт.-сост. Г. Б. Васильева, К. В. Житорчук, А. М. Павелкина. СПб.: Крига, 2011. Далее: Старый Петербург: столица и окрестности.

⁸¹ Патерсен Б. Вид на дачу А. С. Строганова с Каменного острова. 1802 г. Холст, масло (Старый Петербург: столица и окрестности. С. 58–59).

⁸² Фосс А. Вид дачи Н. П. Строгановой на Черной речке. 1846 г. Бумага, акварель, кисть, перо (Там же. С. 284–285). См. также: Петербург на даче // Иллюстрация. 1847. № 34. С. 150–152 (Подзаголовок: Строганова дача).

Г. Л. Лори, М. Г. Лори. Вид на дачу графа Строганова от Каменного острова. Офорт, акварель. Нач. 1800-х

Поселения Старая Деревня и Новая Деревня⁸³, напротив Каменного острова, образовались в середине XVIII века, когда островом владел граф Алексей Бестужев-Рюмин, переселившийся на правый берег Большой Невки своих крепостных. Во второй половине XIX века Старая и Новая Деревни, а также дачи (деревянные домики) вдоль берегов Черной речки⁸⁴ на Выборгской стороне стали популярным местом летнего отдыха для горожан среднего и малого достатка.

На Каменном острове в начале XIX века находились дачи: князя Долгорукова (с деревянным спуском-пристанью к реке), купца И. И. Кусова (с оранжереей)⁸⁵; тайного советника А. Никитина (двухэтажное сооружение с четырехколонным портиком и фронтоном), купца И. Риттера, генерала Ислентьева, графа Татищева и др.⁸⁶

В 1831–1832 годах архитектор Смарагд Шустов построил на Каменном острове для князя Василия Долгорукова деревянную дачу с куполом, которую в 1833-м приобрел племянник Николая I, принц Петр Ольденбургский⁸⁷.

Аптекарский остров в начале XIX века также застроился дачами знати⁸⁸. В конце XVIII века участок на острове, напротив Каменноостровского дворца, был подарен Павлом I адмиралу Григорию Кушелеву. Потом владельцем земли стал князь Петр Лопухин. При нем здесь был разбит пейзажный парк и построена деревянная двухэтажная дача⁸⁹. После Лопу-

⁸³ Дачи в Новой Деревне можно увидеть на картине: Патерсен Б. Вид с Каменного острова на Новую Деревню. 1802 г. Холст, масло (Старый Петербург: столица и окрестности. С. 60–61).

⁸⁴ Кольман К. И. Дачи на Черной речке на Выборгской стороне. 1838 г. Бумага, карандаш, акварель (Там же. С. 240–241). См. также: Петербург на даче // Иллюстрация. 1847. № 32. С. 117–120 (Подзаголовок: Черная речка).

⁸⁵ Неизвестный художник. Дачи на Каменном острове. Середина 1810-х гг. Бумага, гуашь (Старый Петербург: столица и окрестности. С. 224–225).

⁸⁶ Барт И. В. Вид с Крестовского на Каменный. 1810-е гг. Бумага, тушь (Там же. С. 222–223).

⁸⁷ Кольман К. И. Дача принца П. Г. Ольденбургского на Каменном острове. 1830-е гг. Середина 1830-х гг. Бумага, карандаш, акварель, тушь, кисть, перо (Там же. С. 226–227). См. также: Тимм В. Ф. Дачи на Каменном острове. Литография. 1853 г.

⁸⁸ Барт И. В. (?). Дачи на берегу Малой Невки на Аптекарском острове. 1810-е гг. Бумага, гуашь (Старый Петербург: столица и окрестности. С. 228–229).

⁸⁹ Чернецов Н. Г. Вид дачи князя П. В. Лопухина на Аптекарском острове. Около 1823 г. Бумага, карандаш, акварель,

хина владельцем дачи стал председатель Государственного совета князь Виктор Кочубей, а с 1848 года она принадлежала купцу-лесоторговцу Василию Громову. Для него в 1850-е годы была построена двухэтажная дача по проекту архитектора Георгия Винтергальтера.

В конце XVIII века на берегу Малой Невки на Петербургском острове, рядом с дельтой речки Карповки, была возведена двухэтажная дача с куполом для обер-егермейстера Дмитрия Нарышкина⁹⁰. В 1810 году на Петербургском острове, на берегу Малой Невки напротив Крестовского острова, появилась дача камергера Василия Зиновьева⁹¹.

В 1790-х, на месте слияния рек Охты и Оккервиль, в усадьбе Агафоклеи Полторацкой была построена дача (в быту – Уткина дача; возможно, архитекторами были Джакомо Кваренги или Николай Львов). В 1829 году имение переходит во владении Зинаиды Шаховской (во втором браке Уткиной)⁹². В 1820–1830-е годы здесь был возведен служебный корпус.

В окрестностях Петербурга, в Стрельне, архитектор Петр Садовников в 1834–1835 годах сооружает для графа Алексея Федоровича Орлова деревянную дачу⁹³ в готическом стиле с высокой четырехэтажной башней, возводит различные парковые сооружения: Готические ворота, Дом привратника, Башню-руину, Готический колодец. В парке был вырыт пруд, установлены на каменные постаменты две скульптуры группы «Укротителей коней» Петра Клодта.

А в 1837–1839 годах архитектор Александр Брюллов построил для себя в Павловске двухэтажную дачу с каменным первым и деревянным вторым этажами, с высокой каменной башней со смотровой площадкой и астрономической обсерваторией наверху⁹⁴.

Современники подчеркивали особое семантическое наполнение термина «петербургская дача».

Так, в 1843 году Василий Межевич писал: «Слово *дача*, в значении летнего загородного жилища, есть, можно сказать, почти исключительный термин Петербурга. Москва усвоила его от северной столицы, и то в недавнее время. Наши провинциальные города пока еще дач не знают». Далее Межевич поясняет причины появления дач в столице: «В Москве несравненно менее живут на дачах, нежели в Петербурге. <...> Москва имеет множество садов, бульваров, освежающих воздух благоуханием и доставляющих тень и прохладу жителям. <...> Поэтому *дачная* жизнь в Москве не укореняется, не превращается в необходимость для каждого. <...> Петербург, занимая меньшее пространство земли сравнительно с Москвою, но при гораздо большем числе жителей, принужден тесниться своими огромными зданиями, выгадывать место. <...> В Петербурге есть одно только место для прогулки в летнее время – Летний сад; обилием частных садов он также похвалиться не может. И вот те причины, которые заставляют каждого городского жителя искать себе на лето приюта вне Петербурга»⁹⁵.

По свидетельству Филиппа Вигеля, состоятельные горожане стали выезжать на дачи в 1800 году. Воспоминая свой приезд в Петербург в 1802 году, он писал: «Большой живости не было заметно. Город только через десять лет начал так быстро наполняться жителями, тогда еще населением он не был столь богат; обычай же проводить лето на дачах в два года (т. е. с 1800 года. – А. К.) между всеми классами уже распространился: с них еще не успели переехать, и Петербург казался пуст»⁹⁶.

тушь, кисть, перо (Там же. С. 230–231).

⁹⁰ Чернецов Н. Г. Дача Д. Л. Нарышкина на берегу Малой Невки на Петербургском острове. 1825 г. Картон, бумага, карандаш, тушь, перо (Там же. С. 232–233).

⁹¹ Яковлев А. Дача В. Н. Зиновьева на Колтовской набережной Малой Невки. 1810-е гг. Бумага, гуашь (Там же. С. 236–237).

⁹² Дейер П. А. Уткина дача на Охте. 1840 г. Бумага, акварель, тушь, перо (Там же. С. 296–297).

⁹³ Садовников В. С. Дача А. Ф. Орлова в Стрельне. 1856 г. Бумага, карандаш, акварель (Там же. С. 366–367).

⁹⁴ Воробьев М. Н. Дача архитектора А. П. Брюллова в Павловске. 1844 г. Картон, масло (Там же. С. 400–401).

⁹⁵ В. М-ч [Межевич В. С.] Петербургские и московские дачи // Северная пчела. 1842. 17–18 авг. См. также: Межевич В. Журнальная смесь // Северная пчела. 1844. 24 июня (Петербургские дачи).

⁹⁶ Вигель Ф. Ф. Записки. М.: Университ. тип., 1892. Ч. 2. С. 3.

В упомянутом выше очерке «Дачи» (1837) Булгарин пишет, что уже в 1830-х годах на дачи устремился значительный круг горожан:

Почти все сидельцы Гостиного двора проветриваются по праздникам на дачах своих хозяев. <...> Не ищите летом купца в лавке, аптекаря в аптеке, немецкого мастерового в мастерской, бумажного дельца в его кабинете! Все они на даче! <...>

Любовь к природе, к деревьям, к цветам означает уже некоторую степень образованности, а возможность иметь *два* дома или *две* квартиры есть доказательство довольства. Все это правда, с малыми исключениями. Кроме того, этот вкус к дачам произвел новый город: *летний Петербург* (т. е. Петербургская и Выборгская стороны, острова Крестовский и Каменный). Пустые места и болота заселились и украсились прелестнейшими домиками и садиками. <...> Дачи прибавили в С. Петербурге, по крайней мере, четвертую часть цены на все товары, на квартиры и на труд ремесленников и убавили, по крайней мере, два месяца времени из нашего *делового календаря*. На даче более естся, более спится, более гуляется – и менее работается.

Дамы разговаривают потому, что на дачах легко знакомятся и по соседству часто сходятся. Зимой можно и не продолжать *летнего знакомства*, ибо два города, *летний* и *зимний*, имеют особые нравы и обычаи⁹⁷.

Проницательный Булгарин делает важное наблюдение. В отличие от Москвы, в Петербурге теперь два города: «*летний* и *зимний*», и каждый имеет «особые нравы и обычаи».

Зарождение самого явления «дачная жизнь» для широкого круга жителей Петербурга было обусловлено в первую очередь санитарно-гигиеническими условиями для проживающих в столице (особенно всех напугала эпидемия холеры в 1831 году⁹⁸). Заметим, что семьи горожан с малым и средним достатком снимали квартиры в доходных домах, где «отхожие места»⁹⁹ находились на черных лестницах или во дворе, и где не было водопровода, отсюда необходимая потребность вывозить детей и больных на отдых. Во-вторых, появление дач было вызвано демографическими причинами – быстрым ростом населения¹⁰⁰. И наконец, часть горожан снимала дачи, чтобы оставить городскую квартиру для ремонта или сменить жилье.

Дача стала не только местом отдыха для многодетных семейств – здесь можно было на время освободиться от тягот жестко регламентированной службы и не столь строго соблюдать обязательные этикетные формы общения.

К середине XIX века «петербургские дачи утратили первоначальное значение „загородного места, данного во владение Правительством или купленного каким-либо лицом“, под именем дачи теперь разумеется нередко крестьянский домик, нанимаемый горожанином на летние месяцы»¹⁰¹.

Особый дачный этикет Булгарин упоминает также в очерке 1830 года, написанном от лица жительницы Петербурга, дочери состоятельного столбового дворянина, которая сообщила подруге в провинцию:

⁹⁷ Петербургские очерки Ф. В. Булгарина. С. 300, 302.

⁹⁸ См.: Ф. Б. [Булгарин Ф. В.] Нравы. Рассудок и холера // Северная пчела. 1831. 1 авг.

⁹⁹ В Петербурге, даже во второй половине XIX века, внутри квартир доходных домов «ватерклозетов не было. Отхожие места примитивного устройства помещались на черных лестницах и распространяли жуткую вонь» (Пеликан А. А. Во второй половине XIX века // Голос минувшего. 1914. № 2. С. 131). В доходных домах «у каждого этажа лестница имеет площадку, на которую выходят двери квартир и тут же (на черных лестницах) двери отхожих мест» (Михневич В. Петербург весь на ладони. М.: Центрполиграф, 2003. С. 129).

¹⁰⁰ Если в 1812 году число жителей составляло 308 474, то в 1833-м их было уже 442 890 (Статистика // Северная пчела. 1836. 3 июля).

¹⁰¹ Греч А. Н. Весь Петербург в кармане. СПб.: Тип. Н. Греча, 1851. С. 176–177.

«Петербургский обычай повелевает каждому порядочному семейству переезжать на дачу. От знатного барина и богатого купца, до мелкого чиновника и конторщика, каждый выезжает на дачу с половины мая. Папá прочел нам длинную мораль насчет этой роскоши, обязывающей почти каждого жителя столицы иметь два собственных дома, или две квартиры, и кончил тем, что нанял дачу на Аптекарском острове – очень порядочный домик с садом, т. е. с несколькими десятками березовых, рябиновых и липовых деревьев и местечком для цветов. Здешние загородные домики, или дачи, отдаются внаем без мебели, и так нам надлежало перевозить нашу мебель из города, и это чрезвычайно разгневало папá, потому что несколько лучших мебели повреждено и два зеркала разбито при перегрузке с телег на барки. Наконец надлежало призывать обойщика для уборки окон, приделания маркиза¹⁰² и холстяного навеса над крыльцом для защиты от солнца; надлежало закупить множество цветов для украшения крыльца, балкона и лестницы, также починить кое-что в доме, в кухне, и таким образом дача пришлась нам почти во столько же, как городская квартира. Но зато как весело жить на даче! <...> Человек как-то смелее под открытым небом, и я до сих пор не могу привыкнуть к этикетной жизни. <...> Под предлогом житья на даче, можно приостановить обыкновенные визиты, посещения в известные дни, и отложить до переезда в город множество светских обязанностей»¹⁰³.

До появления городского транспорта в загородные места добирались на барках (лодках) или нанимали извозчика.

В освоении «дачного пространства» вокруг столицы в дореформенные годы огромную роль сыграло появление различных видов общественного транспорта – дачный бум стимулировал развитие новых средств сообщения между столицей и местами летнего отдыха.

В 1830 году летние омнибусы стали курсировать между городом, Крестовским островом и Новой и Старой Деревнями¹⁰⁴. В 1837-м «Заведение летних дилижансов» открыло ежедневные рейсы в Павловск, Царское Село и Петергоф¹⁰⁵. В 1842-м пароход Чарльза Берда стал ходить от Английской набережной в Петергоф¹⁰⁶. В 1838 году появились две омнибусные линии в Екатерингоф (от Адмиралтейства и Инженерного замка)¹⁰⁷, а в 1845 году омнибус стал ходить в Новую Деревню с Невского проспекта¹⁰⁸. Построенная в 1837 году железная дорога из Петербурга в Царское Село¹⁰⁹ была доступна только состоятельной публике.

«Легкое Невское пароходство» с 1840-х перевозило дачников в Новую Деревню и на Острова (Аптекарский, Крестовский, Каменный)¹¹⁰.

В 1880-х годах Общество Финляндского легкого пароходства стало доставлять горожан по воде из различных частей столицы к Финляндскому вокзалу, откуда отправлялись специальные дачные поезда. Они делали остановки на Выборгской стороне, Аптекарском острове, в Новой и Старой Деревнях¹¹¹.

Утверждение Булгарина, что летом все купцы на даче, относится в основном к купеческим семействам, которых отправляли на лето за город. Сами же купцы, особенно биржевые 1-й гильдии, приезжали иногда на дачу по воскресным и праздничным дням и, если позволяли

¹⁰² Маркиз (маркиза) – наружный занавес над окнами.

¹⁰³ Письма провинциалки из столицы // Петербургские очерки Ф. В. Булгарина. С. 247–248, 255–256.

¹⁰⁴ Северная пчела. 1830. 20 мар.

¹⁰⁵ Там же. 1837. 16 июля.

¹⁰⁶ Там же. 1842. 11 июля.

¹⁰⁷ Там же. 1838. 20 июля.

¹⁰⁸ Там же. 1845. 14 июля.

¹⁰⁹ Там же. 1837. 2 нояб.

¹¹⁰ Греч А. Н. Указ. соч. С. 326–327.

¹¹¹ Раевский Ф. Петербург с окрестностями. СПб.: Изд. книгопродавца М. В. Попова, [1902]. С. 95–96.

дела, – в другое время, хотя какая-то часть торговцев, подобно мелким чиновникам, и по будням кочевала из города на дачу, а по утрам – обратно¹¹².

Писатель Николай Лейкин – выходец из купеческой семьи, в молодости работавший в лавке отца в Гостином дворе, – вспоминает, что «в сороковых годах (1840-х гг. – А. К.) дача была достоянием людей со средствами, а в купеческом быту ею очень мало пользовались и люди состоятельные»¹¹³.

Издатель Иван Пушкарев сообщал в 1841 году: «Недостаток в публичных садах в самом Петербурге заменяется прелестными дачами, раскинутыми в окрестностях его. Житье на даче в летнее время вошло теперь почти в обычай во всех сословиях и состояниях обитателей столицы. С открытием весны едва ли не половина петербургского народонаселения переселяется за город, на дачи, и проводит там до сентября и далее, стараясь пользоваться там несколько удовольствиями сельского быта. Кажется, нигде не дорожат столько летним временем, как в Петербурге, и никто не спешит так наслаждаться благорастворенною погодою, как жители Петербурга, даже средних сословий. Так, например, семейство недостаточного чиновника, поддерживающего существование одною лишь службою, считает уже для себя необходимостью жить на даче, хотя бы в тесной хижине, и каждое лето покидает Петербург, несмотря на все неудобства при перевозке мебели и на дороговизну содержания. Войско летние месяцы проводит в лагере, остающиеся же в городе семейные чиновники, купцы и порядочные ремесленники выезжают также в праздничные и воскресные дни за город к родственникам и знакомым на дачи к обеду или чаю или прогуляться. Прогулка по воде, на яликах, доставляет приятное удовольствие, особенно в тихую и ясную вечернюю пору. Пользоваться этими прогулками можно всегда недорогою ценою и спокойней, чем на тряских извозчичьих экипажах; у набережной Невы и каналов находится во всякое время множество красивых яликов, которые переносят гуляющих на отдаленные острова, украшенные уединенными, привлекательными приютами для прогулок. Привязанность к загородным увеселениям распространяется равно даже и на низшие классы петербургского населения; приятно видеть, как в воскресные дни, с четырех часов пополудни, начинают стекаться по окрестностям разнообразные шумные толпы пешеходов: сидельцев, мастеровых, лавочников, всех возрастов и наций»¹¹⁴.

Владимир Зотов в автобиографических заметках «Петербург в сороковых годах» вспоминает дачи 1840–1880-х годов:

На петербургские дачи жалобы слышатся также уже гораздо больше полувека. Число их в последнее время только значительно увеличилось. Столичный житель отвоёвал себе несколько новых мест для своих летних переселений, но строил он для дач и тогда, как теперь, как истый консерватор, одни карточные домики, без всякого приспособления к своему климату, с мавританскими и другими украшениями по наружному фасаду, но без малейших удобств внутри, с верандами и бельведерами, но без печей, с разными применениями к защите от солнца, которое так редко заглядывает в Петербург, но без всякой защиты от холодного, сильного ветра, насквозь продувающего все наши дачи, в течение всего, так называемого лета. Меняются также по временам модные и излюбленные места для дачных поселений. В начале сороковых годов высший круг селился преимущественно на Каменном острове, в Царском [Селе] и Павловском, средний – на Петергофской дороге, в чухонской деревне Крестовского острова

¹¹² Воскресный летний день в Петербурге // Северная пчела. 1841. 13 авг.

¹¹³ Лейкин Н. А. Мои воспоминания // Николай Александрович Лейкин в его воспоминаниях и переписке. СПб.: Изд-во Т-ва Р. Голике и А. Вильборг, 1907. С. 21.

¹¹⁴ Пушкарев И. И. Николаевский Петербург. С. 666–667.

и в Колтовских, сообщавшихся с Крестовским только посредством перевоза на яликах, а от города отделенных деревянною мостовою, но не в форме торцовой, введенной в пятидесятых годах, а в виде бревен, положенных поперек улицы и по которым экипажи прыгали, как по фортепианным клавишам. Новая и Старая Деревни вошли в моду только в конце сороковых годов с устройством моста на Крестовский и с открытием в Новой Деревне минеральных вод и концертов Излера. В Полюстрове, на своей роскошной даче, жил тогда старик Кушелев-Безбородко и в его саду, открытом для публики, заезжие концертанты давали по временам музыкальные вечера. Московское шоссе и до проведения рельсов во вторую столицу было пустынею и занято не дачами, а фабриками, зато Петергофское, не отвоеванное еще путиловскими и другими заводами, переполнялось, особенно в Тентелевой и Автовой деревне, около «Красного кабачка» и Сергиева монастыря, мелкими дачниками, гулявшими по шоссе, покрытом густою пылью в сухую погоду и не менее густою грязью после дождя. По вечерам эти дачники, принадлежавшие большею частью к чиновничьему классу, бились так же усердно в преферанс, как усердно винтят теперь их потомки^{115, 116}.

В 1843 году газета «Северная пчела» привела топографию дачных мест, которые предпочитали различные слои горожан: «В Парголово живут, по большей части, немецкие купцы, содержатели купеческих контор, а между ними ремесленники и магазинщики. <...> В так называемой Чухонской деревне, на Крестовском острове, живут, большею частью, артисты французской труппы, чтоб быть поближе к Каменному острову, т. е. к театру¹¹⁷. <...> На Черной речке, позади Строгановского сада, живут семейства русские и немецкие. <...> Емельяновка наполнена небогатыми немецкими купцами и ремесленниками, а также и чиновниками без больших претензий. <...> Характер Екатерингофа – русский. <...> Тентелева деревня – чиновничье гнездо и приют небогатых немцев. <...> Немецкая колония на Петергофской дороге имеет характер Парголово, только в миниатюре. <...> Дачи в Павловском и Царском Селе, т. е. квартиры, нанимаемые на лето в селении и в городе, принадлежат к особому разряду. Тут живут семейства, любящие городской шум, городскую жизнь и городской туалет, ищущие многолюдных гульбищ, виста, преферанса, словом рассеяния»¹¹⁸.

С проведением железных дорог оживились и дальние окрестности Петербурга: в начале Павловск (1838), затем район вдоль Николаевской железной дороги (1851), позже протянули дорогу до Петергофа (1857), Красного Села (1859), Ораниенбаума (1864), в 1870-х годах – вдоль Финского залива.

К концу XIX века дачные места Петербурга находились по всем линиям железных дорог. Однако особым расположением петербуржцев пользовались дачи по Финляндской, Балтийской, Варшавской и Приморской железным дорогам, вверх по Неве и, наконец, самые близкие к городу – на Островах и в Новой Деревне.

¹¹⁵ Зотов В. Р. Петербург в сороковых годах // Исторический вестник. 1890. Т. 39. № 2. С. 329–330.

¹¹⁶ Дачная жизнь, которая доставляла много хлопот и неудобств горожанам, постоянно подвергалась остракизму прессы и литераторов. См., например: Некрасов Н. А. Петербургские дачи и окрестности // Некрасов Н. А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 5. М.: Худ. лит., 1966. С. 355–386; Михневич В. О. Едем на дачу! // Михневич В. О. Петербургское лето. СПб., 1887. С. 22–32; Лейкин Н. А. Дачные страдалцы. СПб.: Высочайше утв. т-во «Печатня С. П. Яковлева», 1897. «Дачный муж», увешанный всякого рода покупками, сделался классическим персонажем, например, в рассказах Чехова.

¹¹⁷ Речь идет о Каменноостровском театре, построенном в 1827 году.

¹¹⁸ Северная пчела. 1843. 12 июня; см. также: Северная пчела. 1845. 2 июня (О топографии «дачного Петербурга»).

Выбор места для летнего отдыха, переезд на дачу¹¹⁹ и ее благоустройство¹²⁰ были хлопотным и затратным делом; в помощь отдыхающим петербуржцам выходили специальные периодические издания¹²¹.

Уместно привести свидетельства петербуржцев о том, как создавался дачный уют, чем занимались летом горожане, поскольку именно на дачах зарождались новые формы проведения досуга. Как сообщают очевидцы событий Петр Пискарев и Людвиг Урлаб в своих воспоминаниях, в главе «Дачный быт Петербурга в начале XX века», особое внимание уделялось детям: «Для детей младшего возраста вешались маленькие качели, гамаки, строились теремки с детской обстановкой. Дети занимались и развлекались, играя в большой мяч, серсо, волан, катая большое колесо, охотясь за бабочками с сеткой. Наиболее распространенными детскими играми того времени были горелки, палочка-выручалочка, пятнашки, уголки, казаки-разбойники». Взрослые предпочитали городки, лапту, крокет, футбол. Именно в дачных местностях широкое распространение получил велосипед, которым могли пользоваться и женщины, что было недопустимо в городе. Вечерами слушали граммофон (романсы Вяльцевой, Раисовой, Дулькевич, Паниной и др.), увлекались модными танцами (кекуок, кикапу, танго, ойра и др.), а на рубеже 1910-х годов на дачах появилось кино. «Наиболее демократическая часть дачников, и особенно молодежь, создавала драматические кружки, давала любительские спектакли, импровизированные концерты»¹²².

Таким образом, можно говорить также о влиянии массовой культуры «летнего Петербурга» на городскую.

Дачный сезон длился с начала мая по начало сентября, поэтому о найме дачи начинали заботиться с ранней весны. Уже в марте горожане отправлялись на поиски дачи. Местные жители, желающие сдать жилье внаем, наклеивали на окна белый листик бумаги. Семьи с малым достатком ориентировались прежде всего на цены, а уже потом на обустроенность постройки и удобное расположение. Цены на дачи были различны, все зависело от местности, размера дома и удобств. Многие строения сдавались с обстановкой и даже с посудой.

С середины XIX века стали издавать справочные книги для «посещающих дачи», где помещали обозрения мест летнего отдыха (с указанием местонахождения дач, их размера и цен) и расписание всех видов транспорта, которое учитывало потребность служивых и работающих горожан¹²³.

¹¹⁹ См.: Контора для приисквания квартир, дач и разных помещений // Северная пчела. 1838. 8 нояб. (Невский проспект, дом Мадерни, рядом с Английским магазином). О знаменательном событии – переезде на место летнего отдыха – писал Булгарин в заметке: Сборы на дачу // Северная пчела. 1838. 11 мая. См. подробное описание возвращения в город после отдыха в главе «Отъезд с дачи» в поэме Д. Мережковского «Семейная идиллия» (1890) (*Мережковский Д. С. Стихотворения и поэмы.* СПб.: Академический проект, 2000. С. 367–369). О дачах регулярно сообщала газета: см., например: Дача и деревня // Северная пчела. 1826. 22 мая; Ф. Б. Осень в деревне // Северная пчела. 1838. 28 сент. (О дачах); Смесь // Северная пчела. 1845. 2 июня (О дачах).

¹²⁰ Выходила специальная литература, посвященная благоустройству съемной дачи и правилам загородного этикета. См., например: Хозяйка дома (Домоустройство) / Сост. Юрьев и Владимирский. СПб., [1895]; Жизнь в свете, дома и при дворе. СПб., 1890 (главы: «Жизнь в деревне и на даче», «Дачные знакомства»).

¹²¹ См.: «Дачная газета» (СПб., 1908), «Дачная жизнь» (СПб., 1911), «Дачница» (1912), «Дачник» (СПб., 1909), «Дачный курьер» (СПб., Териоки, 1908).

¹²² Пискарев П. А., Урлаб Л. Л. Милый Старый Петербург: Воспоминания о быте Старого Петербурга начала XX века / Сост., вступ. ст., комм. А. М. Конечного. СПб.: Гиперион, 2007. С. 133–137.

¹²³ См., напр.: Справочная книга для лиц, посещающих петербургские дачи и загородные увеселительные места... СПб., 1858; Петербургские дачи и дачники. СПб., 1887; Федотов Н. П. Путеводитель по дачным местностям, водолечебным заведениям и морским купаньям в окрестностях С.-Петербурга и по железным дорогам: Финляндской и Балтийской, с указанием цен и размеров дач. СПб., 1889; Знакомый Г. Дачи и окрестности Петербурга: Рассказ / С приложением расписаний движения дачных поездов железной дороги и пароходов на 1891 год. СПб., 1891; Симанский В. К. Куда ехать на дачу? Петербургские дачные местности в отношении их здоровья. СПб., 1892. Вып. 2 и др.; Иодко О. С. Карманный весь Петербург: Календарь-путеводитель: Справочная и адресная книга с ж-д. расписаниями, товарными и пассажирскими тарифами и планом г. С.-Петербурга на... год. – 1901–1916. СПб., 1900–1916 (с указанием дачных мест в окрестностях столицы); Финляндия в русской печати: Материалы для библиографии. СПб., 1902–1915 (Указываются дачные места).

«Стоимость дач различна, – записывает в 1892 году чиновник Сергей Светлов, – некоторые нанимают простые избы и платят за лето рублей сорок; но иметь порядочную дачу можно не дешевле, как за сто пятьдесят – двести рублей за лето»¹²⁴.

При этом, как сообщала газета в 1892 году, «заработок среднего семейного петербуржца не превышает 100–125 руб. в месяц»¹²⁵.

В ряде печатных источников конца XIX века отмечается тенденция превращения дачного пространства в постоянное место жительства. Как сообщал путеводитель по городу, в Новой и Старой Деревнях «стали селиться даже и на зиму, что без сомнения следует приписать, в общем, до невозможности высоким ценам на квартиры в самом Петербурге»¹²⁶.

Сравним цены на квартиры со стоимостью съемной дачи.

Согласно переписи 1890 года, в Петербурге «большинство квартир (40%), занятых исключительно для жительства, состояло из трех-пяти комнат, не считая кухни и передней; 24,4% составляют квартиры в две комнаты, 23,8% – в одну комнату и 11,8% – квартиры в шесть и более комнат»¹²⁷. «Средняя цена квартиры в 1890 году равнялась 360 руб. в год, в три комнаты... <...> Более ценные квартиры находятся от второго до четвертого этажа... <...> В средних квартирах насчитывается от трех до пяти комнат, с платою до 600 руб. в год»¹²⁸.

Летний город вспоминает Добужинский: «Петербург в летнее время пустел, „господа“ разъезжались на дачи и по „заграницам“, и хозяевами города делались кухарки, дворники и горничные. На лавочках у ворот лушили семечки, слышалась гармоника, веселые маляры¹²⁹, которыми был полон летний Петербург, горланили свои песни. Это был „Питер“»¹³⁰.

Устоявшееся деление Петербурга на «зимний» и «летний» сохранилось и в XX веке.

¹²⁴ Светлов С. Ф. Петербургская жизнь в конце XIX столетия (в 1892 году) / Подг. текста С. А. Ковалевой и А. М. Конечного, вступ. ст., комм. А. М. Конечного. СПб.: Гиперион, 2008. С. 21–22.

¹²⁵ Петербургская газета. 1892. 16 сент.

¹²⁶ См., например: Зарубин И. Альманах-путеводитель по С.-Петербургу. СПб., 1892. С. 214–215.

¹²⁷ С.-Петербург: Путеводитель по столице. СПб., 1903. С. 62–63.

¹²⁸ Раевский Ф. Указ. соч. С. 35–36 (приводится также перечень дачных мест под Петербургом вдоль линий железных дорог).

¹²⁹ Не случайно в «Преступлении и наказании» (гл. 6) Раскольников, задумав убийство старухи, поднимаясь по лестнице к ее квартире, опасается, как бы его не заметили маляры, которые вели ремонт в «пустой квартире». Напомним, что ремонт квартир велся всегда летом.

¹³⁰ Добужинский М. В. Указ. соч. С. 11.

ПЕТЕРБУРГСКИЕ НАРОДНЫЕ ГУЛЯНЬЯ НА МАСЛЕННОЙ И ПАСХАЛЬНОЙ НЕДЕЛЯХ¹³¹

Алексею Левинсону

Народная зрелищная культура, и в частности гулянья «на балаганах», – одна из интереснейших сторон быта Старого Петербурга. Эти праздники «не только собирали воедино „весь город“, но и показывали ему собранные воедино традицию и новации, искусство „свое“ и „чужое“, простонародное и барское, народное и казенное, словом, резюмировали и художественно синтезировали всю городскую культуру»¹³².

Гулянья во время Маслениной и Пасхальной недель – самые грандиозные по масштабу, в отличие от остальных городских праздников – не входили в разряд официальных увеселений, устраиваемых ежегодно по высочайшему повелению. Праздники «на балаганах», в которых наиболее ярко проявилась традиция народного театрального искусства, привлекали горожан обилием зрелищ и развлечений, атмосферой игровой активности и непринужденного веселья.

Петербургские гулянья развивались на древних традициях деревенских календарных праздников, приуроченных к проходам зимы и встрече весны, где катание с гор и на качелях, кружение на каруселях были связаны с архаическими культами славянской мифологии. Н. В. Поньрко проследивает связь масленичной обрядности с кануном Великого поста¹³³. Наплыв иностранных бродячих трупп в город (особенно с 1820-х годов) также способствовал расцвету площадного зрелищного искусства. Определенное воздействие на гулянья оказали и великосветские развлечения. Так, например, городская карусель «вобрала» в себя различные формы придворных забав: «карусельный круг» с играми, театрализованную «великосветскую карусель» с костюмированными всадниками, кружение экипажей знати, иллюминацию¹³⁴. Разумеется, все эти придворные увеселения были переработаны праздничной площадью, «упростились до степени размалеванного лубка»¹³⁵, по выражению писателя Евгения Иванова.

Зрелищно-развлекательные формы календарных праздников, европейского ярмарочного карнавала и великосветских развлечений синтезировались применительно к петербургскому укладу, приобретая новый характер. По наблюдению А. Ф. Некрыловой, гулянье как «открытая система легко впитывает в себя элементы и формы различных традиций, сфер быта, культуры, искусства»¹³⁶. В условиях городской среды изменилась и социальная функция гулянья: площадь стала местом проведения досуга и общественных развлечений жителей столицы. Заметим также, что устроителям народных увеселений город обязан появлением цирка, зоологического сада, аттракционов, общедоступных садов, становлением эстрады и уличной рекламы.

Единственным обстоятельным исследованием по петербургским балаганам является известная книга Е. М. Кузнецова¹³⁷, автор которой для описания гуляний на Царицыном лугу

¹³¹ Впервые: Петербургские народные гулянья на маслениной и пасхальной неделях // Петербург и губерния: Историко-этнографические исследования. Л.: Наука, 1989. С. 21–52. Исправленный и дополненный вариант.

¹³² Левинсон А. Новый этап в изучении городских гуляний // Декоративное искусство СССР. 1986. № 1. С. 42.

¹³³ См.: Поньрко Н. В. Святочный и масленичный смех // Лихачев Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н. В. Смех в Древней Руси. Л.: Наука, 1984. С. 154–202.

¹³⁴ Левинсон А. Неклассическая красота карусели // Декоративное искусство СССР. 1980. № 9; см. в наст. изд.: «Общественные развлечения и городские зрелища в Царском Селе (XVIII – начало XX века)».

¹³⁵ Иванов Е. П. Карусели и прочие монстры. [М.]: Теа-кино-печать, 1928. С. 4.

¹³⁶ Некрылова А. Ф. Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища: конец XVIII – начало XX века. Л.: Искусство, 1988. С. 6.

¹³⁷ Русские народные гулянья по рассказам А. Я. Алексеева-Яковлева / в записи и обработке Евг. Кузнецова. М.; Л.:

в последней четверти XIX века использует рассказы режиссера площадного театра, а для воссоздания раннего периода народных праздников привлекает весьма ограниченно печатные источники и материалы периодики. Из мемуарной литературы укажем на содержательные воспоминания А. В. Лейферта, сына знаменитого антрепренера А. П. Лейферта, и А. Я. Алексева-Яковлева^{138, 139}.

Настоящая работа основана на архивных документах, выявленных в различных фондах Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб) и Центрального государственного архива литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб), а также на изучении периодики, изобразительного ряда (в собраниях музеев и библиотек Петербурга и Москвы), мемуаров, работ по истории Петербурга, бытовых очерков.

Считаю приятным долгом выразить признательность за советы и указания В. В. Горбачевой, Н. Д. Румянцевой, Е. А. Сунцовой, А. Г. Левинсону, Ю. М. Лотману, Р. Д. Тименчику, Токуаки Баннай (Токио).

В нашу задачу входило провести реконструкцию общей картины петербургских гуляний, в истории которых можно выделить три периода, отражающих эволюцию зрелищно-развлекательных форм народных праздников.

1) в XVIII – первой четверти XIX века гулянья проходили на льду Невы и в различных частях города, а пространство праздничной площади было организовано вокруг мест забав (гор, качелей и каруселей).

2) празднества на Адмиралтейской площади (1827–1872), где центром увеселений становится действо-зрелище (балаганские театры, большие карусели с балагуром-«дедом», райки и т. д.).

3) гулянья в последней четверти XIX века, на которых проявляется тенденция к увеличению (и совершенствованию) аттракционов и мелких зрелищных форм.

Народные увеселения в XVIII – первой четверти XIX века

До начала XIX века петербургские газеты помещали только объявления о гастролях приезжих трупп («комедиантов», «кунстберейтеров», «механиков», «эквилибристов» и др.)¹⁴⁰.

Основными источниками по истории гуляний в XVIII – начале XIX в. послужили описания иностранцами быта и развлечений жителей Петербурга (первые подобные сочинения, хранящиеся в отделе «Россика» РНБ, относятся к 1710-м годам), а также изобразительный материал¹⁴¹. Архивные документы, относящиеся к этому времени, обнаружить не удалось (большая вероятность, что их и не было). В дошедших до нас мемуарах иностранцев о Петербурге XVIII века встречаются описания и зарисовки катальных гор, каруселей и качелей, но при этом, как правило, не указывается местонахождение построек¹⁴².

Искусство, 1948.

¹³⁸ Лейферт А. В. Балаганы. Пг.: Еженедельник Петрогр. гос. акад. театров, 1922; Алексеев А. Я. Воспоминания // Петербургские балаганы / Сост., вступ. ст., коммент. А. М. Конечного. СПб.: Гиперион, 2000. С. 72–98.

¹³⁹ Александр (до перехода в православие: Иесомор) Васильевич (1868–1942, дату смерти сообщил Д. Б. Азиатцев), старший сын А. П. Лейферта (см. о нем ниже примеч. на с. 74), окончил Пятую гимназию (1887), владелец магазина и мастерской театральных и маскарадных костюмов (1896–1917). В 1897 году основал торговый дом «Братья А. и Л. Лейферт», совладельцем которого был его брат – Лазарь Абрамович Лейферт (1871–1919). В 1919 году мастерские и склады «Братьев Лейферт» перешли в ведение отдела театров и зрелищ Наркомпроса (подробнее о братьях Лейферт см.: Петербургские балаганы / Сост., вступ. ст., комм. А. М. Конечного. СПб.: Гиперион, 2000. С. 12–15 и примеч. к ним).

¹⁴⁰ Подобные объявления хранятся в архиве П. Н. Петрова (Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 575, ед. хр. 391 и др.: далее: ОР РНБ). См. также: *Иноземцев Ив.* Общество эквилибристов: Картинки из истории развлечений XVIII века // Исторический вестник. 1901. № 4.

¹⁴¹ Обзор иконографии по петербургским праздникам «на балаганах» см.: Конечный А. М. Петербургские народные гулянья и развлечения: Конец XVIII – начало XX в. (Обзор выставки) // Советская этнография. 1985. № 6. С. 138–142.

¹⁴² См., например, описания масленичных гор на льду Невы в мемуарах Хавена, Кокса, Йенне, приводимые в статье:

Первые обозрения народных увеселений появляются в периодике лишь в 1810-х годах.

Народная жизнь Петербурга возникает на многочисленных гравюрах и рисунках (реже в живописи) только в последнем десятилетии XVIII века¹⁴³, хотя и ранее бытовой материал присутствовал на различных изображениях города, но только в качестве стаффажа.

Забавы простонародья привлекали внимание иностранцев, которые, попав в среду чужой культуры, более остро воспринимали экзотику и своеобразие столичных увеселений. Первые обнаруженные изображения городских праздников относятся к 1790-м годам – пасхальные (художник Гавриил Скородумов) и масленичные гулянья (художники Джон Аткинсон и Кристиан Готфрид Генрих Гейслер). Был выявлен представительный ряд зарисовок уличных зрелищ (1800–1823 годы)¹⁴⁴. Атрибуция изображений позволила определить места проведения гуляний.

Популярными развлечениями у жителей столицы в первой половине XVIII века, как отмечает Л. Н. Семенова¹⁴⁵, были святочные потехи, кулачные бои и Масленица, которая отмечалась разгульным пиром, ездой на лошадях и катаниями с ледяных гор. Одно из первых упоминаний масленичной катальной горы, специально построенной на льду Невы, относится, насколько нам известно, ко второй половине 1730-х годов^{146, 147}.

Изобразительный материал содержит информацию о местах проведения гуляний, дает представление об эволюции зрелищно-развлекательных форм празднеств, организации пространства праздничной площади, архитектуре и оформлении построек, городских типажах и атмосфере увеселений.

В конце XVIII – начале XIX веков, как это видно по изобразительному ряду, масленичные горы возводились на льду Невы напротив Смольного монастыря, Литейного двора, Петропавловской крепости, Петровской площади. Гулянья на Масленице и Пасхальной неделе проходили и на левобережных площадях Невы: Сенной, Театральной, Петровской, Дворцовой, а также на Царицыном лугу¹⁴⁸. На переднем плане большинства изображений рубежа XVIII–XIX веков находятся катальные горы (на Масленице) либо перекидные качели и карусели (на пасхальных увеселениях). В это время на гуляньях преобладают не зрелищно-театральные, а развлекательные формы – прообразы современных аттракционов, вокруг которых организовано пространство праздничной площади.

Беспярых Ю. Н., Сухачев Н. Л. Петербургский быт в России XVIII в. // Петербург и губерния: Историко-этнографические исследования. Л.: Наука, 1989. С. 53–68.

¹⁴³ См.: Народный Петербург конца XVIII и начала XIX веков в изображении живописцев и гравюров // Историческая панорама Санкт-Петербурга и его окрестностей. [М., 1915]. Ч. 10.

¹⁴⁴ К этому периоду относятся работы художников: Дж. О. Аткинсона, К. П. Бегрова, М. Н. Воробьева, С. Ф. Галактионова, К. К. Гампельна, К. Г. Г. Гейслера, М.-Ф. Дамам-Демартре, Дж. Кваренги, К. И. Кнаппе, К. И. Кольмана, Й.-Е. Маркуса, А. Е. Мартынова, П. П. Свинына, Н. М. Серракаприоли, Д. Скелтона, Г. И. Скородумова, А.-Г. Убигана, Д. Н. Ходовецкого и других (неустановленных) авторов.

¹⁴⁵ *Семенова Л. Н.* Общественные развлечения в Петербурге в первой половине XVIII в. // Старый Петербург: Историко-этнографические исследования. Л.: Наука, 1982. С. 149–150.

¹⁴⁶ См. описание масленичной горы в мемуарах Хавена: *Беспярых Ю. Н.* Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб.: Блиц, 1997. С. 339.

¹⁴⁷ О существовании катальных сооружений на Неве в 1730-е годы свидетельствует заметка анонимного автора «Горы»: «Будущая императрица российская Елизавета Петровна очень любила кататься с ледяных гор, которые устраивались на масленице на Неве» (Петербургская газета. 1889. 21 февр.).

¹⁴⁸ О народных гуляньях во второй половине XVIII – начале XIX в. см.: *Георги И. Г.* Описание российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопамятностей в окрестностях оного. СПб.: При Имп. Шляхетном сухопутном кадетском корпусе, 1794. Ч. 2. С. 654–656; Исторические труды Александра Томиллина. СПб., 1854. С. 62–63; *Карнович Е. П.* Исторические рассказы и бытовые очерки. СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1884. С. 434–496; *Пыляев М. И.* Старый Петербург. С. 418–420; *Ровинский Д.* Русские народные картинки. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1881. Кн. IV. С. 212; Празднование масленицы в старину // Ведомости С.-Петербургского градоначальства и столичной полиции. 1899. 23 февр.

«Масленица во всей Европе есть время торжества забав, – писал Павел Свиньин, – а для русских главнейшее удовольствие составляют *ледяные горы*»¹⁴⁹. Каталных гор было всегда две (их высота достигала 13–18 метров); они сооружались параллельно друг другу, но в разных направлениях – скатами навстречу. Вот как описывает академик Иоганн Готтлиб Георги горы конца XVIII века: «Здесь бывало строили обыкновенно ежегодно к сырной неделе две публичные горы на Неве. Каждая состоит в кубической подмостке из бревен в 6 сажень вышины, снабденной с одной стороны лестницею для входа, а с другою – крутым, несколько волнистым дощатым скатом, покрытым льдом для спуска и пр. Сие увеселение столь нравится народу, что и простые женщины и молодые люди лучшего состояния в оном участвуют. Некоторые молодые люди столь искусны в том, что спускаются с горы без санок на ногах или коньках»^{150, 151}. Горы украшались елками, флагами, деревянной скульптурой, а иногда и «перспективными картинами». «Для зимнего катанья употреблялись санки и лодки, обитые сукном, на стальных полозьях на „головашках“; у одних было резное изображение льва, а у других лебедя»¹⁵². Вечером горы освещались фонарями: «отражение сей массы разноцветных огней в снегу, мешаясь с тенями, представляет необыкновенное зрелище»¹⁵³.

В последней четверти XVIII века горы стали возводить и на пасхальных гуляньях; они были устроены по типу придворных катальных сооружений. С этих деревянных («летних») гор спускались «по отведенным покатым желобам посредством маленьких колясок, поставленных на четырех медных колесах»¹⁵⁴.

Качели строились первоначально на Пасхальной неделе и составляли «в сие время всеобщую забаву и гулянье»¹⁵⁵; в конце XVIII века они появляются и на Масленице.

Возле гор и качелей (круглых, маховых, подвесных) располагались небольшие строения в виде шалашей («лубошных») или сараев, получивших с 1820-х годов название балаганов. Здесь выступали фокусники, кукольники, вольтижеры и комедианты, которые представляли «наивеселительнейшим образом в приторных одеяниях всякие комические и трагические важные деяния, басни, сказки, чудеса, кощунства и пр. Каждое представление не продолжается более получаса, а потому и бывает оных в день до 30 и более... <...> Между оными бывают также и разные, показывающие свое искусство в скорости, равновесии, силе»¹⁵⁶.

Первые три или четыре дня праздника гуляющих было немного. Но уже с четверга почти весь город собирался у гор и качелей (эта традиция сохранилась и в XIX веке). «Нева почти покрыта вокруг гор людьми, каретами и санями, ибо большая часть жителей приезжает один или несколько раз туда, чтобы видеть оное»¹⁵⁷.

Светская публика и состоятельные горожане выезжали на гулянье, чтобы продемонстрировать новые экипажи и моды, а также посмотреть на забавы народа, который в свою очередь с любопытством взирал на множество карет или саней, опоясывающих толпу и постройки. Праздничная площадь превращалась в своеобразную театральную сцену, а участники гулянья были одновременно и зрителями, и действующими лицами.

¹⁴⁹ Свиньин П. П. Достопамятности Санктпетербурга и его окрестностей. СПб.: в Тип. В. Плавильщикова, 1816. С. 76.

¹⁵⁰ Георги И. Г. Указ. соч. С. 654.

¹⁵¹ В начале 1820-х годов на Неве против Сената находились горы купца Подозникова высотой около 26 м (Петербургская газета. 1889. 21 февр.).

¹⁵² Пыляев М. И. Старое житье. СПб.: Тип. А. Суворина, 1892. С. 133.

¹⁵³ Свиньин П. П. Достопамятности Санктпетербурга и его окрестностей. С. 78.

¹⁵⁴ Там же. С. 124.

¹⁵⁵ Там же.

¹⁵⁶ Георги И. Г. Указ. соч. С. 655–656. См. также: Свиньин П. П. Достопамятности Санктпетербурга и его окрестностей. С. 80.

¹⁵⁷ Георги И. Г. Указ. соч. С. 654.

С момента основания Управы благочиния (1782) в ее обязанности входил надзор за «народными играми и забавами»¹⁵⁸. Заметим также, что с 1763 года четвертая часть дохода от «публичных позорищ» и «всяких игрищ за деньги» поступала в пользу воспитательного дома. В Петербурге этот сбор производился с 1773 года¹⁵⁹.

Принято считать, что при Павле I традиция народных праздников прервалась¹⁶⁰. Действительно, существует указ от 29 декабря 1796 года, в котором говорится: «Вольные спектакли запрещено давать во весь Великий пост и во всю неделю Святые Пасхи»¹⁶¹. Однако, как свидетельствует аббат Жоржель, Павел I не только не запретил народные увеселения, но и сам наблюдал за ними¹⁶². Описание Масленицы в царствование Павла I встречается также в мемуарах Меермана¹⁶³. К изданию приложены две гравюры Й.-Е. Маркуса с изображениями гор на Неве и качелей на Царицыном лугу – Марсовом поле.

Судя по периодике, начиная с 1810-х годов размах гуляний стремительно возрастает. Газета «Северная почта» 26 апреля 1813 года впервые поместила подробный отчет о народном празднике: «Несколько уже лет как сии увеселения устраиваются обыкновенно на Исаакиевской и Петровской площадях. Там были ныне две летние горы, 8 театров народных, 4 карусели, 150 качелей круглых и 120 веревочных: все сие поставлено было по плану и фасаду. <...> Были дни, в которые с гор скатывалось по 7000 человек один после другого, а в театрах перебивало зрителей до 30 000. В первые три дни уже карет и колясок было по два и по три ряда вокруг качелей по всему пространству обеих площадей... <...> Число же оных (экипажей. – А. К.) вообще на гулянье сем примерно полагать можно до 3000»¹⁶⁴.

Появление на «сарая для комедий» балкона с зазывалами (вероятно, в конце XVIII века)¹⁶⁵ оказало огромное воздействие на характер и структуру гулянья: представление отныне выносятся к наружным стенам балагана, становится своеобразной «театрализованной рекламой»¹⁶⁶.

«Взойдемте в средину сего волнующегося замка, коего стены с одной стороны составляют вертящиеся качели, с другой горы, а с остальных сараи для комедий, – сообщал наблюдательный Павел Свинын. – На балконах сих последних дурачатся паяцы и гремит разноголосая музыка. Посмотрите, как от доброго сердца хохочет добродушный народ над пестрыми сими Момусами. Острота их более всего веселит зрителей и привлекает в комедии, несмотря, что шутки их большею частию бывают неудачны, как и многих остряков большого света. Один паяц лазает по кровле с маленьким медвежонком, одетым в детское платье... <...> Другой с балкона отдает отчет хозяину своему, облеченному в одежду Сципионов и Цезарей, о числе людей, идущих в комедию... <...> Там, на третьем балконе, – драка кукол (Полишинель). Ревнивый муж бьет неверную жену. Баталия сия сопровождается презабавным разговором между супругами, забавным по существу материи, а более по выговору простонародных русских слов исковерканным голосом немца или итальянца»¹⁶⁷.

¹⁵⁸ Высоцкий И. П. С.-Петербургская столичная полиция и градоначальство. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1903. С. 39; Георги И. Г. Указ. соч. С. 655.

¹⁵⁹ Жуковский Э. А. Сбор с публичных зрелищ и увеселений // Русская старина. 1893. № 2. С. 481, 483.

¹⁶⁰ См. об этом: Пыляев М. И. Старое житье. С. 135; Гуревич Л. Я. История русского театрального быта. М.; Л.: Искусство, 1939. Т. 1. С. 240–241; Русские народные гулянья... С. 7.

¹⁶¹ Высоцкий И. П. Указ. соч. С. 77.

¹⁶² Карпович Е. П. Исторические рассказы и бытовые очерки. С. 455–456.

¹⁶³ См.: Беспятовых Ю. Н., Сухачев Н. Л. Указ. соч. С. 67 (примеч. 39).

¹⁶⁴ О гуляньях на Исаакиевской и Петровской площадях, а также на льду Невы (Масленица 1816 года) см.: Северная почта. 1814. 15 апр.; 1815. 28 апр.; 1816. 23 февр., 19 апр.

¹⁶⁵ См. изображение балкона с зазывалами на гравюре Х.-Г. Гейслера «Качели», изданной в 1801 году.

¹⁶⁶ Некрылова А. Ф. Народная ярмарочная реклама // Театральное пространство: Материалы научной конференции (1978). М., 1979. С. 340–342.

¹⁶⁷ Свинын П. П. Достопамятности Санктпетербурга и его окрестностей. С. 126–128.

Балкон как сценическая площадка стал обязательной принадлежностью балагана, а позже и карусели. Неслучайно его отсутствие вызвало недоумение у П. Фурманна – автора статьи «Физиономия масленичных балаганов»: «У Легата же и балкона нет! Это верх *площадной* аристократии. Помилуйте, что за важничанье, разве вы забыли, что балаган без балкона все равно, что масленица без блинов? Воля ваша, а, по-моему, балаган без балкона и балкон без наемного балагура теряют типический характер свой!»¹⁶⁸

В конце 1810-х – начале 1820-х годов народные увеселения проводятся на Театральной площади. «Уже три года как гулянье на Святой неделе перешло с Исаакиевской площади на Театральную. Здесь нельзя не удивиться искусству, с каким располагаются комедиантные сараи, качели, летние горы, карусели и проч. красивым и удобным образом в столь тесном месте»¹⁶⁹.

Масленица 1825 года прошла на Царицыном лугу¹⁷⁰, а увеселения на Пасхальной неделе – на Театральной площади¹⁷¹. В 1826 году не было сообщений о праздновании Масленицы. А многолюдность публики на пасхальном гулянье этого года, устроенном на Театральной площади¹⁷², газета объясняла тем, что «закрытие театров по случаю траура заставляло людей образованных стекаться в балаганы будто на смех, а в самом деле для рассеяния», отмечая при этом как нарушение традиции отсутствие на празднике «придворных экипажей»^{173, 174}.

С 1820-х годов, когда народные увеселения становятся заметным событием не только в жизни Петербурга, но и всей России¹⁷⁵, газеты и журналы регулярно помещают обстоятельные обозрения гуляний «на горах» (Масленица) и «под качелями» (Пасхальная неделя). Авторы статей подробно описывают площадные зрелища и развлечения, балаганные представления, называют имена их устроителей, число построек и т. д.

Празднества на Адмиралтейской площади (1827–1872)

Гулянья «на горах» и «под качелями» с 1827 года постоянно проводятся на Адмиралтейской площади¹⁷⁶.

Скажем несколько слов о законодательных мерах по организации и регулированию народных праздников в эти годы.

«Для приращения городских доходов» с 1835 года участки под балаганы и карусели на Адмиралтейской площади стали отдавать ежегодно с торгов в городской Распорядительной думе (с 1873 года – Управе); горы и качели (до 1867 года) строились бесплатно. К торгу допускались «иностранцы и всякого звания лица», которым в Думе объявлялся «план всем местам, назначенным к отводу под балаганы»; нижняя цена за квадратную сажень площади составляла не менее трех рублей ассигнациями¹⁷⁷. В листе для торга указывались «звание и имя получа-

¹⁶⁸ Репертуар русского и пантеон иностранных театров. [СПб.], 1843. Т. 1. Кн. 3. С. 230.

¹⁶⁹ Гулянье под качелями // Отечественные записки. 1821. Ч. 6. № 13. Май. С. 238.

¹⁷⁰ Масленица // Северная пчела. 1825. 7 февр.

¹⁷¹ Ф. Б. Нравы. Качели // Северная пчела. 1825. 2 апр.

¹⁷² Северная пчела. 1826. 27 апр.

¹⁷³ Ф. Б. Наблюдения под качелями // Северная пчела. 1826. 29 апр.

¹⁷⁴ 1 декабря 1825 года в Таганроге скончался император Александр I.

¹⁷⁵ О гулянье как важной новости сообщается и провинциальному читателю. «Начнем по порядку – с гулянья под качелями, – пишет анонимный автор в эпистолярной подборке „Портрет в альбом“. – Представь себе несколько тысяч экипажей, один лучше другого, которые в трех бесконечных рядах кружатся около Большого театра... кривлянье паясов и балаганная музыка отнимают много удовольствия» (Библиотека для чтения. 1823. Кн. XI. С. 42).

¹⁷⁶ Только Масленица 1861 года была перенесена на Царицын луг (ЦГИА СПб. Ф. 921. Оп. 41. д. 9, л. 8). Впервые народные гулянья на Адмиралтейском лугу прошли в 1774 году (Петров П. Н. История Санкт-Петербурга. СПб.: Тип. Глазунова, 1885. С. 796).

¹⁷⁷ Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. Т. X. № 8577.

теля места», номер участка (он крупными цифрами наносился на стену балагана), его размер и стоимость. После окончания праздника содержатели построек должны были в течение недели разобрать их и привести в порядок площадь¹⁷⁸.

Обер-полицмейстер, получив от Думы уведомление об «отводе мест», направлял в 1-й округ путей сообщения список владельцев участков и план «розданных мест», поручая правлению округа составить чертеж расположения на Адмиралтейской площади балаганов, гор, каруселей, качелей и вести надзор за их «правильною и прочною постройкой». Выполненный чертеж поступал на «высочайшее усмотрение», после чего обер-полицмейстер давал разрешение на начало строительства, которое продолжалось около двух недель силами арендаторов участков под наблюдением архитектора округа путей сообщения. Акты освидетельствования построек, подписанные архитектором и полицмейстером (они также присутствовали на торгах), направлялись обер-полицмейстеру¹⁷⁹. Согласно закону 1867 года, с торгов стали отдавать участки под все постройки для народных праздников, разрешив за отдельную плату оставлять балаганы и карусели после окончания Масленицы на время Великого поста до гулянья на Пасхальной неделе¹⁸⁰.

Законодательство коснулось и «общенародных увеселений». Уложение о наказаниях 1845 года предусматривало арест актеров «на время от трех дней до трех недель» за «действия, которыми явно оскорбляются добрые нравы и благопристойность»¹⁸¹. По ходатайству Общества покровительства животным в 1866 году запретили «водить медведей для забавы народа»^{182, 183}.

Дважды в году на Адмиралтейской площади возникал увеселительный городок, растягивавшийся на расстояние более полукилометра от Дворцовой до Исаакиевской площади. В городке было две линии многочисленных построек¹⁸⁴.

¹⁷⁸ ЦГИА СПб. Ф. 514. Оп. 1. Д. 540, 2106, 2111.

¹⁷⁹ См. документы о постройке балаганов и каруселей на Адмиралтейской площади в 1844–1865 годах: ЦГИА СПб. Ф. 921. Оп. 5–8, 24, 25, 28–31, 33–38, 40, 41, 44, 45, 66.

¹⁸⁰ Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. Т. XLII. № 45114; ЦГИА СПб. Ф. 792. Оп. 1. Д. 1028. Л. 31.

¹⁸¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. Т. XX. № 19283.

¹⁸² Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. Т. XLI. № 44065.

¹⁸³ За проступки актеров несли ответственность и владельцы балаганов. Когда актер Мушинский допустил во время представления выпад в адрес «Петербургского листка», то дело пытались возбудить против содержателя площадного театра В. Берга (ЦГИА СПб. Ф. 487. Оп. 1. Д. 1184).

¹⁸⁴ См. чертежи расположения построек на Адмиралтейской площади в 1847–1854 годах: ЦГИА СПб. Ф. 921. Оп. 66. Д. 2; оп. 8. Д. 9; оп. 34. Д. 6.

К. П. Беггров. Вид Санкт-Петербурга зимой: Масленица на Адмиралтейской площади. Катальные горы и балаганы. Литография. 1835

Первую линию занимали большие балаганы (преобладали театры), обращенные фасадами в сторону Невского проспекта. Вдоль Адмиралтейства тянулись две катальные горы (всегда скатами навстречу друг другу) и располагались мелкие строения. По торцам второй линии, перпендикулярно ей, также стояли балаганы. Всего на площади находилось до 16 балаганов (в среднем 12); длина и высота построек не регламентировалась, а ширина с 1836 года была ограничена до 10 сажень¹⁸⁵.

Гулянья «на горах» и «под качелями» продолжались неделю (от воскресенья до воскресенья). Открывались они ежедневно в полдень по выстрелу сигнальной пушки¹⁸⁶ и с подъема флагов¹⁸⁷ на всех постройках; в 8 часов вечера увеселения прекращались.

Празднества на Адмиралтейской площади – одна из самых ярких страниц в истории петербургских гуляний. Народное зрелищное искусство переживает здесь свой апогей.

«Никогда не бывало такового количества комедий или балаганов, заключавших большое разнообразие в представлениях, – говорилось в одном из первых обозрений гулянья. – Кроме двух летних гор, разного рода каруселей и качелей – парижских, маховых, круглых и т. п., было 14 сараев, выстроенных вдоль Адмиралтейского бульвара, кои с пестрыми флагами своими и разноцветными вывесками походили на какой-то китайский или японский городок. В сараях сих были следующие представления. № 1. *Турньера* — вольтижирование и гимнастическое искусство на лошадях. 2) *Кемферта* — вольтижирование и екилибрическое искусство. 3) *Лемана* — пляска по канату. 4) *Тихановой* — екилибрические скачки и танцы по канату. 5) *Собера* — чревоушательство, магия и мимические опыты. 6) *Шнигеля* – механические фейерверки и физические опыты. 7) *Трея* – то же. 8) *Шнозе* — обучен-

¹⁸⁵ ЦГИА СПб. Ф. 921. Оп. 66. Д. 2. Л. 17–17 об., 20–20 об. Здесь же говорится о том, что длина построек доходила до 32 сажень, а в 1847 году был освидетельствован балаган братьев Легат длиной 42 сажени.

¹⁸⁶ Полуденный выстрел с 1732 года производился с бастиона Петропавловской крепости; в 1865–1872 годах пушка находилась во дворе Адмиралтейства. Выстрел давался по сигналу точного времени из Пулковской обсерватории.

¹⁸⁷ Что означали расцветки флагов и изображения на них (конкретную символику, принадлежность к определенному государству или частному лицу), установить не удалось.

ные собаки. 9) *Лемана* — дикие звери. 10) *Гоббе* — кукольный театр. 11) *Сейслера* — косморама. 12) *Валнегера* — панорама. 13) *Шихтеля* — гроты из сталактитов, или капельников. 14) *Буравлева* — китайские тени... <...> Экипажи ездили в три или четыре ряда мимо качелей»¹⁸⁸.

Не случайно балаган под номером 1 (самое престижное место¹⁸⁹) занимал «Амфитеатр Турниера», успешно гастролировавший в столице с 1824 года. Огромная популярность труппы «конных балансеров» Жака Турниера способствовала появлению стационарного цирка, открытого в 1827 году. Турниер внес половину суммы на постройку деревянного здания у Симеоновского моста (ныне Белинского), за что получил от города право пользоваться «Олимпийским цирком» на пять лет «для представления в нем искусства верховой езды, вольтижирования и пантомим»¹⁹⁰.

Особое место в истории петербургских балаганов принадлежит Христиану Леману¹⁹¹. Его имя появляется на страницах газет в 1826 году (ранее он выступал на народных гуляньях в Москве), когда «Северная пчела» рекомендует посетить балаган «балансера-гротеска» Лемана и его зверинец¹⁹². Уже в следующем году он был поставлен в обозрении праздника «под качелями» в один ряд с Турниером. «Леман — артист вроде паяцев. Он, кроме ловкости во всех гимнастических упражнениях, одарен особенным искусством переменять физиономию и смешить мнимую своею простотою»¹⁹³.

На Пасхальной неделе 1830 года Леман впервые показал петербуржцам серию пантомим-арлекинад. «Пантомимы будут переменяться каждый день, — сообщала газета. — В первый — представлен будет Пьеро бомбардир; во второй день — Арлекин в плену; в третий — комическое путешествие по морю. Пантомимы сии сопровождаемы будут забавными превращениями, например, управителя в осла, крестьянской избы в модную лавку, Арлекина в книги; камень превратится в Пегаса, на котором Арлекин полетит на воздух; Арлекином зарядят мортиру и выстрелят его в окно модной лавки; Пьеро раздвоится и обе части его пойдут в противные стороны; сильным ветром из мехов Пьеро в ванне поднимется на воздух»¹⁹⁴. «Превращения составляют одну из важнейших частей представления, — отмечалось в статье „Пантомима г. Лемана и компании“, — и все производится в действо так быстро, так ловко, что глаз не успевает следовать за движениями, и не примечаешь обмана. <...> Такого классического паяца, как г. Леман, мы отроду не видывали»^{195, 196}. При этом Леману ставили в упрек, что в его арлекинаде «множество перемен декораций и превращений, но — нет сюжета»¹⁹⁷.

Именно эти превращения и принесли славу пантомиме, ставшей навсегда самым популярным театральным зрелищем народных праздников. «Более всего впечатления производил на нас эпизод, когда непокорного Арлекина разрезали на восемь равных частей, и он через мгновение оживал на горе врагам и нашу общую радость, — вспоминает посетитель балагана

¹⁸⁸ Качели на Святой неделе // Отечественные записки. 1827. Ч. 30. № 85. Май. С. 324–326.

¹⁸⁹ Нумерация балаганов, согласно чертежу расположения построек, начиналась от Дворцовой площади.

¹⁹⁰ ЦГИА СПб. Ф. 792. Оп. 1. Д. 1339. Л. 87 об.; д. 2269. Л. 4.

¹⁹¹ В заметке А. Ф. Некрыловой «Христиан Леман» (История Петербурга. 2003. № 4. С. 64–72) собраны лишь упоминания о Лемане в разной литературе, но нет биографических сведений.

¹⁹² Северная пчела. 1826. 20 апр.

¹⁹³ Ф. Б. Народные увеселения на Святой неделе // Северная пчела. 1827. 9 апр.

¹⁹⁴ Смесь // Северная пчела. 1830. 8 апр.

¹⁹⁵ Северная пчела. 1831. 17 февр.

¹⁹⁶ Имя Лемана стало легендарным. Даже много лет спустя, в 1860-е годы, народ называл паяцев Адмиралтейской площади «лейманами» (Генслер И. Масленица, народное гулянье у гор в Петербурге // Воскресный досуг. 1863. Т. 1. № 3. С. 34). «Любимая роль его (артиста балагана. — А. К.) была Пьеро, в простонародии известного под именем Лемана» (Прохоров Е. Е. Эскиз из жизни балаганщиков: Наём артистов // Петербургский листок. 1870. 1 мар.).

¹⁹⁷ В. В. В. Масленица 1834 года в Петербурге // Северная пчела. 1834. 4 апр.

Вильгельма Берга. – Хотя эту сцену мы видели десятки раз, но она неизменно вызывала общий взрыв восторга»¹⁹⁸.

Леман не только играл в пантомимах, но и сам оформлял постановки и рекламные вывески для своих балаганов¹⁹⁹, а также был «весьма искусен в механике и увеселительной физике»²⁰⁰, успешно соперничая с императорскими театрами. «Леман имеет чудесный дар предупредить наших драматургов. Все, что теперь влечет нас в театр, все это мы давно уже видели у Лемана в балагане. Вам нравится извержение Везувия в „Фенелле“ – Леман показывал его за два года прежде; вас ужасает скелет в „Игроках“ – Леман выставлял его в 1830 году; вы восхищаетесь красным огнем в „Волшебном стрелке“ – но это изобретение Лемана»²⁰¹.

В первый день Масленой недели 1836 года случилась самая большая трагедия в истории гуляний – во время представления загорелся огромный балаган Лемана, в пожаре погибло 127 зрителей^{202, 203}. Леман вместе с трупной перебрался в цирк у Симеоновского моста, который арендовал с 1835 года, где поставил пантомиму-арлекинаду²⁰⁴, вошедшую в состав многожанрового циркового искусства. Однако, оказавшись «несостоятельным к платежу аренды за цирк», в конце 1836-го «иностронец» Леман «из столицы скрылся»²⁰⁵.

От Лемана – «Виктора Гюго начальных штукмейстеров» (как назвала его «Северная пчела») – пошла плеяда балаганных «маэстро»: его ученики братья Легат, семейство Берга, Абрам Лейферт^{206, 207}, Алексей Алексеев-Яковлев^{208, 209}. В своих арлекинадах все они совершенствовали приемы «превращений» и «перемен».

С начала 1830-х в столице выступала шведская пантомимная труппа Легат (родоначальник балаганной и актерской династии), сохраняя первенство на гуляньях. В обозрениях праздников всегда отмечалось: братья Легат «дают пантомимы с прекрасными декорациями, с блестящими костюмами, с волшебными превращениями... <...> Коломбина их грациозна,

¹⁹⁸ Импрессионист. Возрождение Арлекина // Новости и Биржевая газета. 1900. 19 февр.

¹⁹⁹ См.: Северная пчела. 1833. 6 апр.

²⁰⁰ Там же. 1831. 17 февр.

²⁰¹ Масленичные балаганы // Северная пчела. 1834. 28 февр.

²⁰² О пожаре балагана Лемана см.: Северная пчела. 1836. 4 февр., 4, 5 и 6 мар.; Чаплин Д. Второе февраля 1836 года в Петербурге: Рассказ очевидца // Русский архив. 1877. Кн. 3. С. 219–228.

²⁰³ Как сообщала газета, 2 февраля 1836 года поручик Лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады Фадеев, проходя мимо театра Лемана и «увидев, что вспыхнуло пламя в одном углу балагана, немедленно туда бросился, разломал наружную деревянную обшивку балагана, вошел во внутренность объятаго огнем строения, и, подвергая очевидной опасности жизнь свою, спас несколько человек». За этот подвиг Фадеев был награжден императором золотой медалью с надписью «За спасение погибающих», для ношения в петлице на Владимирской ленте (Санктпетербургские ведомости. 1836. 18 апр. С. 361).

²⁰⁴ Нынешние балаганы // Северная пчела. 1836. 2 апр.

²⁰⁵ ЦГИА СПб. Ф. 792. Оп. 1. Д. 2269. Л. 4 об.

²⁰⁶ См. о нем: Справочная книга о лицах С.-Петербургского купечества... СПб., 1878–1905; Весь Петербург. СПб., 1894–1911; Петербургский листок. 1893. 30 янв. С. 3; Петербургская газета. 1897. 17 апр. С. 3.

²⁰⁷ Лейферт Абрам Петрович (Абрам-Пинкас) (1849–1912?) – купец 2-й гильдии с 1877 года; содержатель ссудной кассы (1877–1888), владелец мебельного магазина (1892–1898), мастерской обоев и театральных вещей (1899–1905) и небольшой типолитографии (1890-е – 1911). Лейферту принадлежит заметная роль в устройстве зрелищ и развлечений. Он был антрепренером театра «Развлечение и Польза» (1880–1898), содержал Зал общедоступных увеселений по набережной Фонтанки в доме № 80 (1889–1891). В 1890-х устраивал народные гулянья в Михайловском манеже и увеселительном саду «Америка»; состоял членом Василеостровского общества народных развлечений.

²⁰⁸ См. об Алексееве-Яковлеве: Опись памятников русского театра из собрания Л. И. Жевержеева. Пг., 1915. С. 83; Осипов М. От лейфертовского балагана к заводскому драмкружку. К 85-летию со дня рождения А. Я. Алексеева // Рабочий и театр. 1935. № 20. С. 17; Петербургские балаганы. СПб.: Гиперион, 2000. С. 15–22.

²⁰⁹ Алексеев Алексей Яковлевич (сценический псевдоним – Яковлев; 1850–1939) – режиссер, художник-декоратор и сценарист; в 1870 году начинал как сценарист в «Пантомимном театре» В. Берга, у которого постигал тайны «волшебства» пантомимы-арлекинды. До прихода на Марсово поле состоял режиссером и сценаристом в общедоступных садах: «Ливадия» (1875–1876), «Аркадия» (1877–1880), «Крестовский сад» (1881–1882), «Зоологический сад» (1886–1897). Работал также в Михайловском манеже (1870–1880-е), в балаганных театрах «Развлечение и Польза» (1880–1898) и «Скоморох» (1890–1891) во время народных гуляний на Марсовом поле. Автор более сотни феерий и пьес для площадных праздников и увеселительных садов (эти рукописные сценарии хранятся в Отделе рукописей и редких книг Санкт-Петербургской театральной библиотеки).

Пьеро забавен, Арлекин ловок, превращения быстры»^{210, 211}. Балаган Легат привлекал внимание публики не только арлекинадой²¹², но и огромными размерами самой постройки^{213, 214} и ее убранством. «Невозможно поверить, чтоб за дощатыми стенами балагана скрывалась такая великолепная палатка; чтоб сальные свечи, прикрепленные к простым обручам, заменялись роскошными люстрами! Скамейки обиты яркою материей; оркестр не висит над зрителями на прозрачном балконе, а расположен перед сценою и скрыт от публики наклонным щитом; авансцена расписана искусною кистью; завеса право не дурна; декорации очень хороши: превращения, перемены чрезвычайно удачны... <...> Пантомима забавная, разнообразная»²¹⁵.

В конце 1850-х годов на гуляньях появляется уроженец Гамбурга Вильгельм Берг²¹⁶, продолживший традицию былой арлекинады. В театре Берга декорации «были написаны условно, но тщательно, – в тех тонах, что преобладали в восемнадцатом веке в живописи. И все перемены делались так чисто, так скоро, что им мог позавидовать бы любой казенный театр. Плотник уцеплялся по свистку за веревку и увлекал своей тяжестью ее вниз, поднимая кверху нужную декорацию. Всякие трюки и превращения производились по старым традициям»²¹⁷. «Арлекинада всегда кончалась сценой в аду, причем неизбежно показывался огромный, во всю сцену, голый до пояса сатана, – вспоминает писатель Петр Гнедич представление в балагане Берга. – Кроме этого неизбежного финала, были постоянные трюки, как бы ни менялось содержание пантомимы – разрезание Арлекина на куски и стрельяние им из пушки в цель. Все делалось быстро, судорожно, как потом практиковалось в кинематографе»^{218, 219}.

Арлекинаду с превращениями можно было увидеть только в двух-трех площадных театрах (каждый вмещал более тысячи зрителей), куда устремлялось не только простонародье, но наведывалась и светская публика, а временами – императорская фамилия, которая в 1830 году посетила балаган Лемана. В этих театрах пантомиме всегда предшествовал небольшой дивертисмент из эстрадно-цирковых номеров. Леман, например, проделывал фарсы (глотал яйцо и вытаскивал утку) и «разные акробатические игры на тугом канате и на полу»²²⁰. В остальных балаганах шла короткая по времени арлекинада в составе многожанровой программы. «Представления Пациани начинаются акробатами. Сначала танцует на веревке ребенок, потом

²¹⁰ В. С. Еще о балаганах // Северная пчела. 1835. 13 апр.

²¹¹ В арлекинаде с превращениями всегда сохранялся традиционный треугольник: Арлекин – Коломба – Пьеро (см. также: Ф. *Булгарин*). Балаганы // Северная пчела. 1851. 13 апр.).

²¹² «Более всех был посещаем балаган братьев Легат – 45 представлений, 26 182 чел., сбор 29 062 руб.» (Литературная газета. 1840. 2 мар.).

²¹³ См.: Северная пчела. 1847. 27 мар.

²¹⁴ Петербургские балаганы навсегда сохранили внешнюю форму в виде сарая. В Москве же, как сообщила «Литературная газета» 24 февраля 1840 года, «каждый балаган отличается особенной архитектурой – иной имеет форму турецкого шатра, другой – готического здания, третий – фантастического замка».

²¹⁵ Северная пчела. 1836. 2 апр.

²¹⁶ *Берг Василий (Вильгельм) Карлович* (1819–1886) – уроженец Гамбурга; организатор полетов на воздушном шаре в городских общедоступных садах (Беклешевском, Юсупове и др.) в 1840–1860-х годах; актер-мим, режиссер и владелец балагана «Пантомимный театр» (1850-е – 1883) на народных гуляньях. Содержатель кафешантана (театра-варьете) в Коломне (1869–1876), на месте нынешней церкви св. Исидора Юрьевского (бывшая Православного эстонского братства), и театра пантомим в «Крестовском саду» (1870-е гг.) (см. о нем: Новое время. 1888. 28 июля. С. 2; *Ровинский Д.* Русские народные картинки. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1881. Кн. IV. С. 417; ЦГИА СПб. Ф. 792. Оп. 1. Д. 1051; Ф. 514. Оп. 1. Д. 644; Ф. 513. Оп. 64. Д. 538).

²¹⁷ Гнедич П. П. Старые балаганы // Театр и искусство. 1914. № 14. С. 326.

²¹⁸ Гнедич П. П. Книга жизни: Воспоминания. 1855–1918. Л.: Прибой, 1929. С. 38.

²¹⁹ Напомним об ориентации раннего кинематографа на балаганное зрелище. Можно говорить и о воздействии арлекинады на Петрушку, о типологической близости кукольного представления балаганному. Как свидетельствует Александр Бенуа, в театре Петрушки, «как и на балаганных пантомимах, все сводилось к бесчисленным проделкам какого-то озорника, кончавшимся тем, что мохнатый черт тащил „милого злодея“ в ад» (*Бенуа А.* Мои воспоминания. М.: Наука, 1980. Кн. 5. С. 321; см. подробное описание представления Петрушки: Там же. Кн. 2. С. 284–285).

²²⁰ Статистика балаганов под качелями // Северная пчела. 1833. 6 апр.

забавный паяц, наконец Каролина Пациани. Она делает трудные экзерциции со стулом и присоединяет к ним еще другие, делаемые ею без шеста. После этого отделения следуют опыты силы. После силачей тирольцы поют свои национальные песни. За тирольцами показывается неслгораемая англичанка, которая кует руками раскаленное железо, глотает огонь, ходит по раскаленному железу и становится в жаровню, наполненную горячими угольями. Для окончания представления дают небольшую пантомиму „Арлекин-скелет“, без декораций, без особых приготовлений, как арлекинады даются в Италии»²²¹.

До середины XIX века наряду с пантомимой-арлекинадой, занимавшей ведущее место в репертуаре площадных театров, шли в балаганах военные²²² и приключенческие («Калабрезские разбойники в лесу, или Сильное нападение на семейство Лорда») пантомимы, ставились «живодвижущиеся картины»²²³. Напомним, что тогда в петербургских театрах в одном представлении совмещались различные жанры²²⁴, а в Михайловском театре спектакли и концерты всегда сопровождалась живыми картинами.

По утверждению Е. М. Кузнецова, а вслед за ним и других исследователей, до 1860-х годов на гуляньях не разрешалось «играть пьесы из русской жизни»²²⁵. Официальных распоряжений на запрещение постановок с русской тематикой мы не обнаружили. Однако найден документ о постройке на Адмиралтейской площади во время гулянья «под качелями» в 1848 году балагана, в котором крепостные люди местного помещика А. А. Жеребцова «представляли с некоторым успехом пьесы из народных сказок и народного быта»²²⁶. В 1839 году в «Олимпийском цирке»²²⁷, генетически и типологически близком балагану, «возникает зрелище в совершенно новом роде – русская пантомима с русскими песнями и плясками. На первый раз возведен *Бова Королевич* и *Милитриса Кирбитьевна*, в которой являются князь Кирбит Кирбитьевич Седыр, Милитриса, Бова, Иванушка-дурачок, Полкан богатырь, Кашей бессмертный, Яга-баба, русалки, ведьмы»²²⁸. А так как устроителями цирковых и площадных зрелищ часто были одни и те же лица, то можно предположить, что эта пантомима появилась и на сцене балагана. Напомним, что арлекинада попала в цирк из площадного театра Лемана.

Празднества на Адмиралтейской площади – период расцвета театрально-зрелищного искусства и формирования классического типа гулянья «на балаганах».

Владельцы многочисленных построек, соперничая с площадными театрами, предлагали публике широкий выбор зрелищ и развлечений, рассчитанных на массовый вкус. «Но вот ударил заветный час и пустота сделалась тесною, флаги затрепетали над кровлями, с балконов загремели бубны и трубы, домики распахнули приветливо свои завесы, – сообщала газета об открытии гулянья. – Посмотрите, как это разбросанное племя *механиков* (антрепренеров. – А. К.) соединилось на общий пир корысти и славы, ратоборствует и состязается. Все манит к себе внимание всеми своими средствами: то смыслом, то смышленостью, то метким фарсом, то мелким искусством, то ловкой удалью, то красным словом, то затейливым вымыс-

²²¹ Р. М. Балаганы // Северная пчела. 1835. 12 апр.

²²² «Пантомима у г. Гверры, изображающая лагеря русский и турецкий, сражение, взятие города и взорвание стены на воздух, прекрасная» (Северная пчела. 1847. 27 мар.).

²²³ Распространение получила живая картина «Петр Великий в бурю в лодке на Ладожском озере» (Северная пчела. 1847. 27 мар.; 1851. 13 апр.). Возможно, что обращение к этому эпизоду восходит не только к народной молве о Петре I, но и к знакомству с гравюрой Миньере на аналогичный сюжет «Петр I на Ладожском озере во время бури в 1724 году» (издана в 1824-м).

²²⁴ О роли театрального искусства в этот период см.: *Лотман Ю. М.* Театр и театральность в строе культуры начала XIX века // *Лотман Ю. М.* Об искусстве. СПб.: Искусство-СПБ, 1998. С. 617–636.

²²⁵ Русские народные гулянья... С. 12.

²²⁶ ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 4. Д. 486. Л. 5–8 об.

²²⁷ «Олимпийский цирк» – «истинно народный театр», представляющий «историю народных увеселений Петербурга» (Северная пчела. 1837. 1 дек.).

²²⁸ Балаганы на Адмиралтейской площади // Северная пчела. 1839. 30 мар.

лом. <...> Всякий кидается в этот хаос мыльных пузырей с каким-то опьянением; все хотят удовольствия; морали не ищут»²²⁹.

В обозрениях гуляний мало внимания уделяется зрелищам, давно знакомым петербуржцам: зверинцу, цирку, медвежьей комедии, куклам-марионеткам, театру «китайских теней» и т. п. Зато периодика фиксирует все изменения и новшества, происходившие на Адмиралтейской площади.

Упрощенная и короткая программа одних балаганов состояла из выступлений «пляшущих, скачущих и играющих штукмейстеров»²³⁰, пантомимы или живой картины²³¹; в других – демонстрировались всевозможные диковинки. Здесь давали представления «ученые» собаки, обезьяны и канарейки. «Балаган Фенароли. Обезьяны и собаки передразнивают людей; одеваются, кокетничают, пляшут, важничают, бранятся, выходят на поединок»²³². У Герольда канарейки «танцуют, маршируют, мечут артикул (упражнение с ружьем. – А. К.), стреляют, умирают, оживают»²³³.

В отдельных постройках можно было увидеть «носорога, единственного во всей Европе»²³⁴; альбиноса, который «является перед зрителями в полудиком наряде и разговаривает по-английски, по-немецки, по-французски и по-итальянски»²³⁵; танцы «уроженцев Австралии, Африки, Южной и Северной Америки»²³⁶. В других балаганах показывали великана из Финляндии «ростом в 3 аршина и 3½ вершка»²³⁷; «безрукого человека», который «ногами пишет, вдевает нитку в иглолку, шьет, заряжает пистолет, стреляет»^{238, 239}; паноптикум с «восковыми фигурами, представляющими и исторические лица, и вымышленные сцены»^{240, 241} и т. п.

В этих зрелищах, напоминающих ожившие лубки, проявляется связь (и взаимовлияние) репертуара балаганов с тематикой популярных народных картинок и книг²⁴².

Находился на площади и «Детский театр», где выступали куклы-марионетки, ставились живые картины²⁴³.

²²⁹ Ф-ни. Светлая неделя на Адмиралтейской площади // Северная пчела. 1839. 1 апр.

²³⁰ Робба «отличался вольтижированием и жонглерством: на лошади играл шестью шарами, ножами, обручем со стаканами, полными водою, тремя чугунными шарами» (Северная пчела. 1834. 16 мая). Фокусник «палит из пушки часами и перстнями, снимает с помощника своего рубашку, не скидывая сюртука»; силач «поднимает гири и бросает ядра в несколько пуд» (Северная пчела. 1833. 6 апр.).

²³¹ В балагане Беккера «группа красавиц, представляющих живые картины лучше рафаэлевских» (Северная пчела. 1853. 26 февр.).

²³² Северная пчела. 1833. 6 апр.

²³³ Там же. 1834. 28 февр.

²³⁴ Там же. 1838. 7 апр.

²³⁵ Там же. 1836. 2 апр.

²³⁶ Там же. 1836. 2 апр.

²³⁷ Литературная газета. 1840. 17 апр.

²³⁸ Северная пчела. 1838. 7 апр.

²³⁹ Подобные балаганы были более характерны для ярмарок и гуляний конца XIX века.

²⁴⁰ Северная пчела. 1833. 6 апр.

²⁴¹ Паноптикум навсегда вошел в зрелищную систему гулянья в начале 1830-х годов после демонстрации в столицах и на ярмарках «галереи восковых фигур» (Северная пчела. 1826. 2 февр.; Новый живописец общества и литературы на 1830 год. М., 1830. С. 11).

²⁴² О театрализованной природе лубка см.: Лотман Ю. М. Художественная природа русских народных картинок // Лотман Ю. М. Об искусстве. С. 482–494; Савушкина Н. И. Русская народная драма: Художественное своеобразие. М.: МГУ, 1988 (раздел «Лубочные картинки и книги»).

²⁴³ Северная пчела. 1847. 27 мар.; 1853. 26 февр.

Уже в первом обозрении народного праздника на Адмиралтейской площади упоминаются «косморама» и «панорама»²⁴⁴. В этих постройках демонстрировались живописные виды городов, экзотических уголков Европы и памятных событий²⁴⁵.

Особую известность в 1830-е годы получила «косморама» художника Иосифа Лексы. В 1826–1827 годах он показывал работы с «изображением любопытных мест всех частей света»²⁴⁶ в доме княгини Лобановой-Ростовской. Затем Лекса уехал в Европу и в 1834 году привез в Петербург «богатую коллекцию видов»: «огромную панораму горы Этны»²⁴⁷, «очаровательный Фалль», «штурм и взятие Варшавы», «смерть Наполеона»²⁴⁸ и др. Вместе с Соритцем, владельцем панорамы Константинополя²⁴⁹ в доме Косиковского (на углу М. Морской и Невского проспекта), Лекса открывает «космораму» под названием «Оптическое путешествие»²⁵⁰. На Пасхальной неделе 1834 года «Лекса выставил 14 косморамических видов», а посреди площади в специальном павильоне находилась панорама Константинополя²⁵¹.

Не обошел вниманием Лекса и Петербург, панорама которого привлекала многих художников, а литографированные виды города получили в 1830-е годы широкое распространение. В августе 1834 года Лекса зарисовал столицу с лесов Александровской колонны²⁵². Эту панораму можно было увидеть в Зиминном переулке и на гуляньях.

Из других построек, где выставлялись живописные полотна, отметим «Кинетозографический театр» Купаренко²⁵³, «Китайскую панораму»²⁵⁴, балаган царскосельского купца Д. Сергеева с батальной панорамой «Синопское сражение»²⁵⁵.

Непременной зрелищной формой празднеств с 1830-х годов становится раек²⁵⁶, который часто именовали подвижной «косморамой» или «панорамой». «Раек, – писал Д. Ровинский, – это небольшой, аршинный во все стороны ящик, с двумя увеличительными стеклами впереди. Внутри его перематывается с одного катка на другой длинная полоса с доморощенными изображениями разных городов, великих людей и событий. Зрители, „по копейке

²⁴⁴ «Косморама (составлено из двух греческих слов: *космос* – мир и *орама* – вид) есть собрание видов замечательнейших памятников, зданий, местоположений всего мира, освещенных дневным светом или огнем... <...> Косморамы в виде Guckkasten, так называемых *райков*, с незапамятных времен существуют во всей Германии. <...> *Панорамой* (*пан* – все, *орама* – вид) называют круглую картину, представляющую перспективный вид города или пейзаж. <...> *Диорама* – выставка картин большого размера, натянутых на гладкой вертикальной плоскости и удаленных от зрителей на сорок или пятьдесят шагов. Замечательны в подобном зрелище не самые картины, а изменения света таким образом, что один и тот же вид представляется вам при утреннем, дневном, вечернем, лунном и огненном свете. <...> Диорама изобретена Дагером» (*Фурманн П. Городской вестник // Северная пчела. 1845. 26 мая*).

²⁴⁵ Находился на площади балаган «Пальорама или косморама с картинами, выложенными из соломы» (Северная пчела. 1835. 14 февр.).

²⁴⁶ Северная пчела. 1826. 2 февр.

²⁴⁷ «Огнедышащую гору Этну» Лекса показал «в Зиминном переулке, позади Казанского собора, в особо устроенном для нее здании» (Северная пчела. 1834. 18 мая), а затем выставил на гулянье.

²⁴⁸ Северная пчела. 1834. 8, 28 февр.

²⁴⁹ Эта панорама длиной 200 футов (60,96 м) была выполнена художником Манзони; ему же принадлежат виды Москвы и Петербурга (см.: Панорама Константинополя // Отечественные записки. 1828. Ч. 36. № 102. Окт. С. 172–174).

²⁵⁰ Северная пчела. 1834. 8 февр.

²⁵¹ Северная пчела. 1834. 27 апр. О «космораме» Лексы см. также: Северная пчела. 1835. 14 февр.; 1838. 7 апр.; 1839. 1 февр.

²⁵² Северная пчела. 1834. 30, 31 авг. Помимо Лексы и Г. Г. Чернецова, панораму Петербурга с Александровской колонны зарисовал В. Е. Раев (Художественная газета. 1836. № 11/12. С. 186–187; Северная пчела. 1838. 1 окт.).

²⁵³ Литературная газета. 1840. 17 апр.; Северная пчела. 1840. 18 апр.

²⁵⁴ Северная пчела. 1853. 26 февр.

²⁵⁵ Санктпетербургские ведомости. 1854. 19 февр. Этот балаган имел длину около 13 м, ширину 6,5 м. (ЦГИА СПб. Ф. 921. Оп. 34. Д. 6. Л. 3).

²⁵⁶ О райке подробнее см. ст. «Раек в системе петербургской народной культуры» в настоящем издании.

с рыла“, глядят в стекла, – раешник передвигает картинки и рассказывает присказки к каждому новому номеру, часто очень замысловатые»²⁵⁷.

С середины XIX века наряду с переносной «косморамой» на площади появляются внушительные сооружения, в которых картинки (живописные или лубки) вставлялись в рамки и помещались в специальном возвышении над райком. Зрелища и представления в балаганах и на самой площади, памятные исторические события, новости и городской быт перерабатывались райком в своеобразную видеохронику. Раек оказался одной из самых универсальных зрелищных форм, сочетая в себе видовую «панораму», выступления кукольников и площадных зазывал, рекламу, балаганное представление. Определенное воздействие оказал раек на лубочную продукцию, литературу для народа, язык газетных фельетонов.

«На народных гуляньях начиная с 1830-х годов неизменно присутствует специфический для времени симбиоз искусства и техники, – отмечает Е. И. Кириченко и делает интересное наблюдение. – Атракционные формы демонстрации технических новинок, прежде чем получить распространение на выставках, прошли апробацию в парках и на представлениях, дававшихся в балаганах»²⁵⁸.

Поездка на поезде, путешествие на пароходе, полет на паролете включались в действие пантомим в балагане Легат уже в 1830-е годы. «Забавнее всего видеть на сцене насыпь железной дороги, паровоз с фабрики Джона Кокериля в полном ходу, со свистом, ревом и гулом, и длинную цепь экипажей, наполненных пассажирами, как в воскресенье на Семеновском плаце. Но г. Легат с компаниею не довольствуется представлением на своей сцене важнейшего изобретения нашего времени: он опередил век и заставляет своего усатого Пьеро летать по воздуху на паролете, изобретенном в N. N. государстве, в 19.. году»²⁵⁹. «Одна из назначенных пантомим называется *Пароходом*. В ней зрители увидят Кронштадт и Травемюнде (курорт в Германии. – А. К.)»²⁶⁰. Предприимчивые братья Легат соорудили на площади «миниатюрную железную дорогу в виде карусели»²⁶¹. Достижения в оптике и химии нашли применение у фокусников в их «магических» и «волшебных» театрах. Камера-обскура использовалась в балагане «Живая панорама площади». «За восемь гривен вас впускают в палатку и вы на стенах ее видите в малом виде все, что происходит снаружи»²⁶². В «Механическом театре» куклы-автоматы, повальное увлечение которыми охватило Европу еще в конце XVIII века, танцевали в балете, разыгрывали комедию, участвовали в пантомиме с превращениями. «Куклы ездят верхом, прыгают на канате, превращаются из павы в карету, из кареты в старинную барыню»²⁶³. К середине XIX века на площади появляются карусели в виде яликов, пароходов и паровозов, стрельбища в цель из механических ружей и пистолетов, ударные силомеры, «механические музеи» с автоматами и даже «американские круговые велосипеды».

В 1830-е годы на гуляньях формируется традиция откликаться на важнейшие события в жизни города и России. Открытие железной дороги из Петербурга в Царское Село (1837) и новых пароходных сообщений между столицей и крупнейшими портами Европы (1836–1839) было отмечено упомянутыми выше пантомимами и специальной каруселью. «Ни одно из художественных произведений, явившихся в области изящного на нашей памяти, – сообщала газета о картине Карла Брюллова „Последний день Помпеи“, – не имело такого быстрого, все-

²⁵⁷ Ровинский Д. Указ. соч. Кн. V. С. 231.

²⁵⁸ Кириченко Е. И. К вопросу о пореформенных выставках России как выражении исторического своеобразия архитектуры второй половины XIX в. // Художественные процессы в русской культуре второй половины XIX века. М.: Наука, 1984. С. 122.

²⁵⁹ Балаганы // Северная пчела. 1838. 7 апр.

²⁶⁰ Северная пчела. 1839. 1 февр.

²⁶¹ Там же. 1843. 18 февр.; см. также: Там же. 1842. 23 апр.

²⁶² Там же. 1833. 6 апр.; см. также: Там же. 1840. 18 апр.

²⁶³ Там же. 1833. 6 апр.; см. также: Там же. 1839. 1 апр.

общего, можно сказать, народного успеха»²⁶⁴. Полотно Брюллова было выставлено в Академии художеств в октябре 1834 года, но уже в апреле этого года (после показа картины в Париже) издается лубок «Последний день разрушения города Помпеи»; в мае Лекса демонстрирует копию с работы Брюллова в своей «космораме» на Адмиралтейской площади²⁶⁵, а на Масленице 1835 года Леман поставил живую картину на этот сюжет. «Вы видите все группы подлинной картины, видите зарево и извержение Везувия, слышите ужасный грохот. Сделано все, что можно сделать в сквозном балагане: при пяти и шести градусах мороза фигуры, одетые легко, как под небом Неаполя, дрожат невольно»²⁶⁶.

После разгрома турецкого флота в Синопской бухте (1853) знаменитое сражение можно было увидеть на гулянье 1854 года в «панораме» Сергеева, балагане Легат²⁶⁷, в райке²⁶⁸. Во время Крымской войны почти во всех балаганах давались патриотические военные пантомимы. Эти постановки отличались эффектным оформлением и состояли из массовых батальных сцен (с атаками крепостей, взрывами, сражениями), вставных дивертисментов и аллегорического победного апофеоза. «В продолжение Святой недели труппа г. Раппо давала пантомиму под названием „Слава России в 1854 году“, состоящую из четырех картин, – сообщила газета. – Пантомима не отличается содержанием, но обставлена очень прилично. *Турецкий паша* веселится на берегу Босфора с женами и многочисленной свитой, среди которой видны французские и английские мундиры; является труппа жонглеров и эквилибристов и дает представление. Следующая картина представляет бивак русских воинов, расположившихся в леску, на берегу Дуная; бьют тревогу и воины уходят навстречу неприятелю. В третьей картине видна турецкая крепость, перед которой паша делает смотр своему войску; является всадник, возвещающий о приближении русских, вслед за тем раздаются вдали выстрелы, а за выстрелами приходят русские. Загорается битва. Русские берут крепость, которая объята пламенем. Пантомима кончается общей картиной, представляющей торжество русских: турки повержены наземь, русские стоят над ними с поднятым оружием, над этой картиной парит двуглавый орел, а на облаках появляется Слава с лавровым венком в руке»²⁶⁹. В соседнем балагане подобная «битва шла очень естественно. Сражавшиеся так увлеклись своим положением, что тузили друг друга не в шутку, и некоторые из них остались, к удовольствию зрителей, за занавесью»²⁷⁰.

Веселье царило и посреди площади между балаганами, горами, вереницей качелей и каруселей, рядами торговцев, предлагавших орехи, сласти, сбитень, чай, квас, пироги, калачи, баранки, моченые груши, мороженое, воздушные шары²⁷¹. Это было место дешевых и даже бесплатных развлечений. «Там нашел себе простор замысловатый ум русского мужичка, там расточаются остроты природных водевилистов»²⁷², – писала газета, имея в виду балконных зазывал, раешников, петрушечников, разносчиков-торговцев.

Сведения о балаганных зазывалах крайне скудны. Не удалось обнаружить записей их выкриков, кроме одной, опубликованной в 1825 году Фаддеем Булгариным и уже вошедшей в научный оборот. «„Честные господа, пожалуйста сюда! – кричит расписанный паяц (куколь-

²⁶⁴ Там же. 1834. 21 окт.

²⁶⁵ Там же. 1834. 16 мая.

²⁶⁶ А. Г. Взгляд на балаганы // Северная пчела. 1835. 14 февр.

²⁶⁷ Санктпетербургские ведомости. 1854. 19 февр.

²⁶⁸ В 1854 году в серии «Раек» вышел лубок «Синопское сражение».

²⁶⁹ Петербургская летопись // Санктпетербургские ведомости. 1854. 18 апр.

²⁷⁰ Там же.

²⁷¹ В 1866 году на Адмиралтейской площади запретили «продажу крепких спиртных напитков, листов счастья, стрельбы из механических пушек и пр. игры с подарками, имеющие вид лотереи или фортуны» (Алфавитный указатель к приказам по С.-Петербургской полиции. СПб., 1870. С. 35).

²⁷² Светлый праздник в Петербурге // Северная пчела. 1840. 18 апр.

ного балагана. – А. К.) — Здесь вы увидите вещи невиданные, услышите речи неслыханные, чудо чудное, диво дивное. Заморские комедии! Скорее, скорее, почти все места заняты“. Музыка прерывает слова паяца и разладицей наигрывает торопливый экосез»²⁷³. В обозрениях народных праздников паяцы – так всегда называли балконных комиков – только упоминаются. «В сем балагане забавен паяцо, русский человек, одаренный необыкновенною природною остротою и прекомическою физиономиею. Появление его на балконе производит неумолкающий смех в толпе неплатящих зрителей»²⁷⁴. «В этом балагане достоин замечания паяцо, солдат, родом, кажется, малороссиянин, самая комическая физиономия, забавник, остряк, импровизатор»²⁷⁵. Интересно, что выступление паяца иногда включалось в программу представления. Так, в 1840-е годы содержатель балагана «отставной солдат Бомбов забавлял публику своими прибаутками в *стихах* и *прозе*»²⁷⁶, а также исполнял цыганские песни и танцы. Судя по изобразительному материалу и периодике, паяц появлялся на балконе балагана всегда в костюме персонажа итальянской арлекинады (чаще Пьеро) в сопровождении актеров и музыкантов. «На балкон одного балагана выскочил *полишинель*, *паярец* или *лейман*, как называют его мужички. Он весь в белом, сказано: *мельник!* На голове у него дурацкий, белый же, колпак. Рукава полотняной его куртки длиннейшие. Рожа набелена и нарумянена»²⁷⁷. Леман, Легат и Берг обходились без балконного балагура, а с 1860-х годов владельцы крупных театров вообще перестали использовать балкон для зазыва публики в балаган.

С середины XIX века главной притягательной силой площади стала большая («теплая») карусель. «Вместо круглых качелей теперь строят великолепные павильоны, в которых устроены лодки или род колясочек. В самой середине, на основании и под крышею поставлен столб с железными наконечниками. Внизу, под помостом, вертят этот столб, а к нему прикреплены лодки или колясочки, которые и вертятся вокруг. Пока машина вертится, играет музыка, в иных павильонах поют песенники»²⁷⁸. «В одном из этих каруселей сделано важное нововведение, – отмечала газета, – в центре вертящихся лодок устроена неподвижная платформа в квадратный аршин пространством, на которой воздвигнута небольшая сцена с кулисами и занавесью». В карусели «мы увидели живую картину: какой-то рыцарь с крайне свирепым лицом и поднятою шпагою стоял над склонившейся пред ним чрезвычайно румяной дамой в фантастическом костюме; рыцарь и дама слегка покачивались, вероятно, от усталости. Занавес опустился и когда, через несколько секунд, поднялся снова, мы опять увидели рыцаря и даму по-прежнему покачивавшихся, но уже в другом положении: рыцарь стоял, опершись на шпагу, и глядел вверх, а дама, нежно опираясь на плечо рыцаря, глядела ему в глаза. Затем последовала пантомима... <...> Публика стала требовать качучу, занавес поднялся и на сцене появилась очень толстая и крайне румяная испанка в тирольском костюме, с кастаньетами в руках»^{279, 280}.

Таким образом, в 1850-е годы в крытой карусели произошел синтез аттракциона и театрализованного зрелища, а на площади родилась новая развлекательная форма: публика, кружась в лодочках или вагончиках, наблюдала представление (пантомиму, живую картину, танец).

²⁷³ Ф. Б. Нравы. Качели // Северная пчела. 1825. 2 апр.

²⁷⁴ Северная пчела. 1833. 6 апр.

²⁷⁵ Там же. 1834. 28 февр. См. также: Там же. 1839. 11 февр.; 1853. 26 февр.

²⁷⁶ Петербургская хроника // Литературная газета. 1840. 24 февр.; Репертуар и пантеон. 1843. Т. 1. Кн. 3. С. 224.

²⁷⁷ Генслер И. Масленица, народное гулянье у гор в Петербурге // Воскресный досуг. 1863. Т. 1. № 3. С. 34. Ср.: Слепцов В. А. Балаганы на святой // Слепцов В. А. Сочинения. М.; Л.: Academia, 1933. Т. 2. С. 470.

²⁷⁸ Народные увеселения // Северная пчела. 1853. 26 февр.

²⁷⁹ Петербургская летопись // Санктпетербургские ведомости. 1854. 18 апр.

²⁸⁰ В конце 1840-х в Петербург приехала знаменитая австрийская балерина Фанни Эльслер, которая исполняла на сцене Императорского театра галоп «Качуча», написанный специально для нее Иоганном Штраусом; лубок с изображением танцовщицы (1848) показывали в райке.

Вместе с этой каруселью на гуляньях появился еще один балагур – «дед», наряженный в нарочито грубой работы костюм: залатанный армяк, ямщицкая шляпа (иногда с бумажным цветком), онучи и лапти, накладная борода из пакли (льна). Карусели «украшаются снаружи очень пестро и при каждой из них, кроме шутника или *дедушки*, в сером армяке, с седой бородой, потешающего публику рассказами и прибаутками, есть несколько пар танцовщиков, обязанных с утра до ночи танцевать на эстраде, окружающей карусель, польку. Большая часть кавалеров одета так же, как и дедушка, а дамы в цветных бархатных и шелковых, украшенных позументами и, разумеется, значительно полинялых костюмах»²⁸¹.

Подобную карусель с «дедом» современники часто называли балаганом^{282, 283}, как часто и другие постройки на площади. В 1871 году писатель и журналист Василий Кельсиев записал от «выступавших в роли *стариков*» Ивана Евграфова и Гаврилы Казанцева прибаутки балагуров Адмиралтейской площади²⁸⁴. Сюжеты этих прибауток («Жена», «Лотерея», «Часы» и др.) постоянно варьировались в выступлениях карусельных «дедов», а не балаганных зазывал, как считают В. Е. Гусев и А. Ф. Некрылова²⁸⁵. Следует иметь в виду, что «знаменитый балаганный дед, краса и гордость масленичного гулянья»²⁸⁶, фигурирующий на страницах периодики и мемуаров, – это балагур карусели, а не «балконный зазывала» площадного театра. Судя по периодике, мемуарам, изобразительному материалу и документам, в Петербурге балаганные театры никогда не прибегали к услугам «деда»-зазывалы, на балконе театра появлялись только персонажи арлекинады.

²⁸¹ Там же.

²⁸² Ср.: Москвитянин. 1851. Кн. 2. № 6. С. 117.

²⁸³ В «балагане, где публика кружилась в лодках вокруг громадного вала, традиционный балаганный дед с пеньковой бородой занимал толпу остроумными шутками» (*Марина М.* В Петербурге 60-х годов прошлого столетия // Русская старина. 1914. № 3. С. 698).

²⁸⁴ *Кельсиев А.* Петербургские балаганные прибаутки, записанные В. И. Кельсиевым // Труды Этнографического отдела имп. Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. М., 1889. Кн. IX. С. 113–118. Опубл.: Фольклорный театр / Сост., вступ. статья, предисл. и коммент. А. Ф. Некрыловой и Н. И. Савушкиной. М.: Современник, 1988. С. 395–406.

²⁸⁵ *Гусев В. Е.* Русский фольклорный театр XVIII – начала XX века. Л., 1980. С. 60–61; *Некрылова А. Ф.* Народная ярмарочная реклама. С. 342. Варианты прибауток, записанных В. И. Кельсиевым, с указанием на их принадлежность карусельным «дедам» см.: *Лейферт А. В.* Балаганы. Пг., 1922. С. 64–69; *Алексеев А.* Указ. соч. С. 89–90.

²⁸⁶ *Бенца А. Н.* Мои воспоминания. Кн. 2. С. 292.

В. Ф. Тимм. Масленица. На литографии изображена теплая карусель с балагуром-дедом на Адмиралтейской площади. 1858

Владельцы праздничных балаганов уделяли особое внимание рекламе. С 1820-х годов издаются объявления и афиши²⁸⁷ гастролирующих трупп; в 1860-е появляются программы площадных театров²⁸⁸. На огромных щитах-вывесках (они появились в начале XIX века), которые с разных сторон облепляли постройки, изображались персонажи постановок, батальные сцены, черти, мертвецы, экзотические звери и т. п.

Небольшие балаганы всегда сочетали устную рекламу с живописной. «Закликало у меня нанят первый сорт, на всей площади не найдешь голосистее, – поучал „опытный“ балаганщик своего компаньона, – ну и вывески сделаем такие, чтоб всякому в нос бросались... <... > Дураков в Петербурге еще непочатый угол, собаку о трех головах показывал – балаган от народу ломился; у Богомолова из лавки кошку взял, да сделал вывеску, что де дикий японский кот – то же, ну а ныне дикую попуанскую лошадь покажем... <...> А что будет на сцене – это опять таки же мое дело. Ведь и вся-то публика не умнее вас, прочтет афишу и рот разинет, – как, дескать, на такое представление не сходить, и повалят»²⁸⁹.

Эти вывески часто сопровождались пространными надписями. «Г. Шульман будет разбивать рукою камни от 1 до 6 фунтов, а г-жа Шульман станет подымать на волосах до 10 пудов

²⁸⁷ См. каталоги выставок, в которых помещены афиши: Искусство жонглера. Л., 1929; Конный цирк. Л., 1930. «За несколько дней до масленицы наше любопытство вполне удовлетворялось. По городу пестрели огромные разноцветные афиши, подробно сообщавшие обо всем, что нас интересовало. Эти афиши мы заучивали почти наизусть» (Иванов Л. Балаганы: (Из воспоминаний) // Столица и усадьба. 1915. № 48. С. 4). Афиши не только расклеивались по городу и на балаганах, но и вкладывались в газеты. См., например: Ведомости Санктпетербургского градоначальства и городской полиции. 1873. 8 февр., 5 апр. (Газетный зал РНБ), в которых находятся афиши «Пантомимного театра» В. Берга с программой представлений на Масленной и Пасхальной неделях. Две афиши балаганных театров (1878 г. Масленичное гулянье на Марсовом поле) хранятся в Санкт-Петербургском театральном музее: «Драматический и Пантомимный театр В. Егарева и А. Берга» (КП 2694-66), «Театр Пантомим Легат» (КП 2194-62). Обе афиши отпечатаны в типографии Императорских театров (Эдуарда Гоппе).

²⁸⁸ См.: Описание всего представления в народном пантомимном театре В. Берга на Адмиралтейской площади во время сырной недели 1867 г. СПб., 1867.

²⁸⁹ Балаганщики: Очерки жизни и нравов артистов и антрепренеров увеселительных заведений и праздничных балаганов. СПб., 1868. С. 7, 9, 33–34.

и, кроме того, покажет опыты огнеедства»²⁹⁰. Выкрики зазывал и яркие вывески создавали праздничную атмосферу на площади, но далеко не всегда адекватно отражали сами зрелища и представления. И хотя зрители были порой в недоумении, когда видели совсем не то, что им обещали у входа в балаган, однако это «одурачивание» входило в правила игры и благодушно воспринималось публикой.

Гулянье на Адмиралтейской площади, как вспоминает Петр Гнедич, «носило чисто демократический характер. „Чистой“ публики здесь почти не было. Фабричные, горничные, кухарки, мастеровые, мелкое купечество, приказчики – вот главный состав толпы. И то, что предлагалось ей, не выходило из уровня их понимания, и вполне их удовлетворяло. <...> „Чистая“ публика каталась вокруг площади в открытых санях и в каретах»²⁹¹.

В 1841 году «Художественная газета», говоря об «эстетической стороне» петербургских увеселений, с иронией отмечала: «а вот и еще искусство – только наизнанку (балаган)»²⁹².

Непонимание природы площадного искусства, неприятие своеобразия его эстетики было присуще не только представителям образованного общества²⁹³, но и очеркистам-шестидесятникам. Балаганное зрелище подобно лубку ориентировалось на активную игровую реакцию со стороны народной аудитории, подчинялось особым нормам морали и эстетики. «Аплодисментов я не помню, – свидетельствует Александр Лейферт, – одобрение выражалось как-то иначе: смехом, напряженным вниманием и сочувственными возгласами»²⁹⁴.

До середины XIX века владельцами балаганов являлись в основном иностранцы, приезжавшие со своими труппами: немцы, итальянцы, французы, англичане, голландцы, австрийцы, финны, шведы, американцы^{295, 296}. С 1860-х балаганы переходят в руки местных купцов и мещан. Качели, карусели и горы всегда устраивали крестьяне, мещане и купцы (последние содержали горы). В 1847 году гражданский губернатор предложил Думе ввести акциз со всех «находящихся в городе лиц, дающих представления и зрелища». Против этих сборов выступил обер-полицмейстер. Направляя Думе в 1852 году сведения о «шарманщиках, комедиантах, уличных музыкантах», обер-полицмейстер сообщал, что они «находятся в бедственном положении», и в заключение писал, что «стеснить бедный класс странствующих» артистов – «значит отнять последние даровые увеселения у бедного трудящегося класса жителей, навести на них уныние и направить их к другим, менее нравственным развлечениям»²⁹⁷. Этот документ характеризует образ жизни бродячих актеров, которые оставались в Петербурге после окончания гуляний, перебиваясь случайными заработками в увеселительных садах, трактирах и во дворах²⁹⁸. Среди устроителей зрелищ бытовала поговорка: «Попал раз на площадь – сделался

²⁹⁰ Наше житье-бытье (пасхальное обозрение) // Петербургская газета. 1867. 30 апр. См. также: *Слепцов В. А.* Балаганы на святой. С. 476–478; Масленичное гулянье 1872 г. на Адмиралтейской площади в Санктпетербурге и Путешествие в ад купца Угорелова. Представление в балагане Берга. СПб., 1872. С. 5.

²⁹¹ *Гнедич П. П.* Старые балаганы. С. 325. См. также: *Колзаков К. П.* Журнал на 1839 год: ОР РНБ. Ф. 358. Ед. хр. 2. Л. 7–10.

²⁹² Русский карнавал // Художественная газета. 1841. № 3. С. 3–4.

²⁹³ Дмитрий Мережковский (1865–1941) в поэме «Старинные октавы» (середина – конец 1890-х годов) вспоминает свое единственное посещение пасхальных гуляний на Царицыном лугу (Марсовом поле) в конце 1870-х годов: LXXI Я с нянею пошел на балаганы: Здесь ныла флейта, и пищал фагот, И с бубнами гудели барабаны. До тошноты мне гадок был народ: Фабричные с гармониками, пьяный Их смех, яйцом пасхальным полный рот, Самодовольство праздничного вида, — Всё для меня – уродство и обида. LXXII А в тучках – нежен золотой апрель. Царицын Луг уж пылен был и жарок; Скрипя колеса вертят карусель, И к облакам ликующих кухарок Возносит в небо пестрая качель: В лазури цвет платков их желтых ярко... И безобразье вечное людей Рождает скорбь и злость в душе моей.

²⁹⁴ *Лейферт А. В.* Балаганы. Пг., 1922. С. 42.

²⁹⁵ См. списки арендаторов мест на Адмиралтейской площади в 1844–1856 гг.: ЦГИА СПб. Ф. 921. Оп. 24. Д. 3; оп. 29. Д. 2; оп. 34. Д. 6; оп. 36. Д. 15.

²⁹⁶ Среди содержателей балаганов иностранцы составляли в 1840-е годы 90%, в 1850-е – 70%.

²⁹⁷ ЦГИА СПб. Ф. 514. Оп. 1. Д. 2097. Л. 7, 93–94.

²⁹⁸ Об уличных актерам см.: *Марина М.* В Петербурге 60-х годов прошлого столетия // Русская старина. 1914. № 3. С. 693–695.

балаганщиком, балаганщиком и умрешь», а сама Адмиралтейская площадь для этих людей «заклучала в себе что-то обаятельное, притягивающее»²⁹⁹.

В 1860-е годы в репертуаре балаганов появляются «разговорные пьесы» (постановки с небольшими диалогами) из русской жизни с исторической, военной и бытовой тематикой. Одним из инициаторов этого направления стал конкурент Вильгельма Берга, купец Василий Малафеев³⁰⁰. В «Театре В. Малафеева» (так гласила вывеска на балагане) давались: «Ермак, покоритель Сибири», «Иван Сусанин», «Битва русских с кабардинцами», «Купец Иголкин»³⁰¹. Берг тоже сближает героя пантомимы с современностью, поставив арлекинаду «Всемирная выставка, или Возвращение Пьеро и Арлекина из Парижа»³⁰², и вводит в традиционный репертуар «комическую сцену» «Путешествие в ад купца Угорелова»³⁰³.

Гулянья на Адмиралтейской площади завершились печально: в ночь на 18 апреля 1872 года сгорели театры Берга и Малафеева³⁰⁴.

Однако не пожар послужил поводом для перевода гуляний в другое место: по высочайшему повелению устройство «балаганов, каруселей и проч.» в 1873 году было перенесено на Царицын луг «в виду занятия Адмиралтейской площади под городской сквер»³⁰⁵.

Гулянья на Царицыном лугу (Марсовом поле), Преображенском и Семеновском плацах (1873–1899)

Расположение балаганов на Царицыном лугу в 1870-е годы часто менялось: они помещались против Павловских казарм, Летнего или Михайловского садов. С 1880-х годов Городская управа стала отводить места под постройки вдоль Лебяжьего канала. Первую линию занимали площадные театры (4–5 построек стояли фасадами к каналу); во второй – находились 2–3 балагана, зверинцы, цирки, панорамы, между которыми теснились десятки качелей, каруселей³⁰⁶ и стрельбищ³⁰⁷, райки, ширмы с Петрушкой, торговые постройки. На последней линии (у казарм) воздвигались две катальные горы; здесь же располагались полицейский пикет и пожарное депо, соорудившиеся за счет содержателей балаганов³⁰⁸.

²⁹⁹ Балаганщики: Очерки жизни и нравов артистов и антрепренеров увеселительных заведений и праздничных балаганов. СПб., 1868. С. 3.

³⁰⁰ *Василий Малафеевич (Малахевич) Малафеев* (1822–1899) – купец 2-й гильдии, домовладелец, содержатель бутфорской оружейной мастерской; владелец «Народного театра» на площадных праздниках (1860-е – 1898) и «Крестовского сада» (1880-е).

³⁰¹ *Гнедич П. П.* Старые балаганы. С. 327; *Марина М.* Указ. соч. С. 697–698. Не исключена связь этих постановок с лубками «Битва русских с кабардинцами» (1864), «Жизнь за царя Ивана Сусанина» (1866), «Ермак Тимофеевич – покоритель Сибири» (1868).

³⁰² Петербургская газета. 1867. 30 апр.

³⁰³ Сценарная рукопись этой постановки (1872) хранится в Отделе рукописей и редких книг Санкт-Петербургской театральной библиотеки (№ 47063).

³⁰⁴ Ведомости С.-Петербургской городской полиции. 1872. 19 апр.; ЦГИА СПб. Ф. 792. Оп. 1. Д. 1841.

³⁰⁵ Известия С.-Петербургской городской думы. 1873. № 10. С. 1064–1066; ЦГИА СПб. Ф. 514. Оп. 1. Д. 484.

³⁰⁶ «Карусели приводятся в движение поденщиками, которые при помощи рычагов вертят шестерню. <...> Чтобы привести в движение от двадцати до тридцати каруселей, имеющихся на Царицыном лугу, требуется до двухсот вертельщиков. При каждой карусели имеется две смены вертельщиков: пока одна смена бежит по кругу, другая – отдыхает. С открытием гулянья, первый „поезд“ на каруселях полагается даром. Шесть туров считается за партию, за что взимается, смотря по месту, от пяти до десяти копеек» (*Бахтияров А. А.* Брюхо Петербурга. СПб.: Ферг, 1994. С. 209).

³⁰⁷ Так, например, в 1883 году на Марсовом поле находилось 8 балаганов, 3 больших карусели, 14 стрельбищ, 18 каруселей-«коныков» (ЦГИА СПб. Ф. 792. Оп. 1. Д. 3948, л. 183).

³⁰⁸ Русские народные гулянья... С. 100; *Лейферт А. В.* Балаганы. Пг., 1922. С. 28. См. также: план расположения построек на Царицыном лугу в 1885 году (ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 67. Д. 107. Л. 100); чертежи балаганов (33), каруселей, гор, торговых заведений (ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 129. Д. 92; оп. 130. Д. 5; оп. 159. Д. 244; оп. 169. Д. 443, 450, 452–461); списки владельцев балаганов в 1886–1897 годах (ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 157. Д. 145; Оп. 158. Д. 398; Оп. 159. Д. 244; Оп. 129. Д. 92; Оп. 130. Д. 5).

В 1884 году ввели новые правила о размерах балаганов «для зрелищ». Длина постройки была ограничена до 25 сажень, ширина (между внутренними стенами) – до 8 сажень; расстояние между балаганами – не менее 10 сажень³⁰⁹. Позже, в 1889 году, Управа установила и предельную высоту балаганов – 7 сажень³¹⁰.

Арендная плата за место под балаган, занимающий площадь в 250 кв. сажень, составляла в 1890-е годы сумму порядка 3000 рублей, а ежегодный доход города с гуляний достигал 24–32 тысячи рублей³¹¹. Большие площадные театры вмещали 1000–1100 зрителей и давали в день 8–10 представлений. Строительство такого балагана, в котором участвовало до 200 плотников, обходилось в шесть–семь тысяч рублей, а общая сумма расходов (аренда места, плата за простой, жалованье труппе из 250–300 человек, оформление постановок, реклама и т. п.) за неделю праздника составляла 25–27 тысяч, в то время как сбор за этот период не превышал 30 тысяч рублей³¹².

Гулянье, как и прежде, начиналось в полдень³¹³ и продолжалось до 8 часов вечера.

«На Марсово поле шел народ, привлекаемый пестротой и яркостью всей обстановки, создававшейся на это время на громадной площади, оглушительным хаосом разнообразных звуков, бесчисленностью всяких развлечений, увеселений и забав и, наконец, исключительным, повышенным темпом всех впечатлений и действий, – вспоминает очевидец гуляний. – Всякий, кто попадал на Марсово поле в эти дни, чувствовал себя в совершенно иных, непривычных условиях, приобщался к общему веселью и испытывал самое удовлетворенное благодушное настроение»³¹⁴.

Антрепренеры балаганов на Царицыном лугу соперничали теперь не только между собой, но и с новым конкурентом – общедоступными садами, которые со второй половины XIX века становятся основным местом проведения досуга небогатого жителя столицы. Зрелища и развлечения в садах с их ориентацией на широкий состав публики и создание праздничной атмосферы были родственны площадным, а их устроители использовали огромный опыт народных гуляний. Вместе с тем общий характер развлекательного репертуара площадных и садовых театров (владельцами которых часто были одни и те же лица) начинает эволюционировать в направлении усиления просветительного начала.

На Марсовом поле в 1870-х годах главными претендентами на первенство среди балаганов оставались «Народный театр В. Малафеева» и «Пантомимный театр В. Берга». У Малафеева давались «драматические представления»: «Илья Богатырь», «Блокада крепости Кострома, или Русские в 1608 году», «Царские потешные, или Кожуховский поход», «Красное солнышко, или Падение язычества на Руси»³¹⁵ и другие патриотические постановки с хоровыми и танцевальными номерами. Эти инсценировки носили батальный характер, основной упор делался на оформлении, особенно в костюмах и вооружении, для чего владелец театра содержал буффорскую оружейную мастерскую.

Малафеев продолжал соблюдать приверженность к «разговорным» пьесам с исторической и бытовой тематикой, которые он первым ввел в репертуар балаганного театра еще в 1860-х годах.

³⁰⁹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание III. Т. IV. № 1952.

³¹⁰ ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 159. Д. 244. Л. 57, 64.

³¹¹ ЦГИА СПб. Ф. 792. Оп. 1. Д. 6979. Л. 4; д. 7557. Л. 1–2.

³¹² *Бахтияров А. А.* Брюхо Петербурга. СПб.: Изд-во Ф. Павленкова, 1888. С. 309; *Лейферт А. В.* Балаганы. Пг., 1922. С. 48; *Алексеев А. А.* Указ. соч. С. 91.

³¹³ С 1873 года полуденный выстрел производился из пушки, находящейся на Нарышкином бастионе Петропавловской крепости.

³¹⁴ *Лейферт А. В.* Балаганы. Пг., 1922. С. 4.

³¹⁵ Петербургская газета. 1874. 5 февр.; 1875. 17 апр.; Новое время. 1880. 23 апр.

Актеров он подбирает «по типуажу, т. е. по внешним данным, – вспоминает Евгений Лепковский, выступавший в его театре в 1886 году. – Игра актера в малафеевском балагане, как и в других, должна была отличаться подчеркнутой выразительностью, жестикуляция и мимика всегда превалировали над текстом. Текст же сводился до минимума, пауз почти не полагалось». Основной упор делался на обстановку и быструю перемену декораций «на глазах у зрителя». «Костюмы и бутафории малафеевского балагана отличались изысканной роскошью, и обычно поставщиками малафеевского балагана являлись костюмеры и бутафоры казенных театров. Сцена обставлялась с показной сусальной роскошью»³¹⁶.

Огромный успех Малафееву принесли батальные инсценировки («Куликовская битва», «Мамаево побоище» и др.).

«Поставленная Малафеевым „Куликовская битва“ заслуживает полного внимания и в декорационном отношении и в исторической верности костюмов может послужить образцом не только для провинциальных, но и для некоторых столичных сцен, – сообщала газета. – Мамаевское сражение происходит в балагане под прикрытием двойной тюлевой занавеси, изображающей туман»³¹⁷. «У Малафеева я видел с няней „Куликовскую битву“, – вспоминает Добужинский, – особенно восхитил меня сам бой, со звоном мечей, происходивший за тюлем, как бы в туманное утро, даже, может быть, в нескольких планах между несколькими тюлями – иллюзия была полная»³¹⁸. «Вспоминая теперь эти представления, – свидетельствует современник, – только диву даешься, как это тогдашние режиссеры ухитрились на сравнительно очень небольшой сцене ставить сражения, в которых участвовала и конница, и пехота, и артиллерия?»³¹⁹

Не пренебрегал Малафеев феерией с эффектными декорациями, балетом, а также цирковой программой.

Берг по своим сценариям ежегодно «ставил итальянскую арлекинаду в немецких хороших декорациях с великолепными трюками и быстро совершавшимися живыми переменами»^{320, 321}, и обязательно сопровождал традиционную пантомиму «комической народной сценой» с эстрадным дивертисментом. При этом он использовал прежний запас постановочных эффектов, сохраняя и пополняя их. На гулянье 1874 года в балагане Берга шли одновременно народная сцена «Чужим добром не наживешься» и арлекинада «Венская выставка, или Арлекин под судом». И хотя эта пантомима являлась как бы откликом на выставку 1873 года, в ней зрители снова видели знакомые и любимые сцены. Газета отмечала, что в пантомиме «происходят ужасные вещи: Пьеро берет шпагу и разрубает Арлекина на маленькие куски», потом они «срастаются и он оживает»³²². Многие постановки в театре Берга, например, «Волшебная мельница, где превращают старух в молодых»³²³, по воспоминаниям режиссера этого балагана, «представляют собою цепь слабо мотивированных, но быстро чередующихся превращений актеров в актрис и предметов в людей – и наоборот. Это была уже не пьеса, а скорее своего рода иллюзионный аттракцион с применением так называемого „черного кабинета“, т. е. иллюзионно-трансформационных эффектов, возможных только на сплошном черном бархат-

³¹⁶ Лепковский Е. А. 45 лет в театре: Статьи и воспоминания. [М.]: Теа-кино-печать, 1930. С. 49–53.

³¹⁷ Балаганы на Марсовом поле // Петербургская газета. 1882. 31 мар.

³¹⁸ Добужинский М. В. Указ. соч. С. 18.

³¹⁹ Иванов Л. Балаганы: (Из воспоминаний) // Столица и усадьба. 1915. № 48. С. 4.

³²⁰ Гнедич П. П. Книга жизни. С. 38.

³²¹ Ср.: в пантомиме Берга «главные действующие лица, конечно, Коломбина, которую любит счастливый, бесконечно находчивый Арлекин, Пьеро, затем жених Коломбины, которому она не симпатизирует, и ее отец, мирный старик в треугольной шляпе. Черти, ад, добрый гений, оживающие мешки, апофеоз, бенгальский огонь и люки, люки, люки» (Петербургская летопись // Новое время. 1875. 18 февр.).

³²² Петербургская газета. 1874. 6 апр.

³²³ См. сценарную рукопись постановки, сочиненную В. Бергом в 1881 году (Отдел рукописей и редких книг Санкт-Петербургской театральной библиотеки, № 22097). Пантомима шла в балагане А. Берга в 1882 году.

ном фоне и с помощью невидимых ассистентов, одетых в черные бархатные „робы“ с капюшонами и масками»³²⁴.

В балагане «Театр пантомим Легат» выступал большой хор нижегородских цыган и давалась «балетно-комическая и фантастическая» пантомима «Кощей Бессмертный и Баба-яга, или Торжество весельчака Арлекина» с «танцами, превращениями, провалами, электрическим и бенгальским освещением»; все завершалось апофеозом «по картине, писанной и назначенной для Парижской выставки 1878 года»³²⁵.

Купец Василий Егарев^{326, 327}, основатель «Русского семейного сада», привез в 1875 году английскую труппу братьев Ганлон-Ли, состоящую из актеров, клоунов и гимнастов. На Царицыном лугу в «Театре английских пантомим В. Н. Егарева» (1875–1876) Ганлон-Ли ставили пантомимы («Страшный Пьеро», «Проказы Арлекина, или Похождение двух Пьеро на суше и море» и др.) и давали цирковой дивертисмент с участием хора певцов под управлением Ивана Молчанова³²⁸. Егареву принадлежал и «Театр пантомим» (1877) с парижской труппой.

В 1878–1879 годах Егарев входил в антрепризу Вильгельма Берга, являясь совладельцем балагана «Драматический и Пантомимный театр В. Егарева и А. Берг».

Шведская труппа братьев Легат, начинавшая в 1830-е годы у Лемана, в 1878–1879 годы выступала с пантомимой-арлекинадой. «Из четырех балаганов – три посвящены традиционной пантомиме, с неизбежными Арлекином, Пьеро, Коломбиной, Петиметром и Кассандром, с примесью пришлого элемента, – говорилось в обозрении масленичного гулянья 1878 года. – Как у Берга, соединившегося в нынешнем году с Егаревым, так и у Легата – декорации и всевозможные превращения устроены весьма удовлетворительно»^{329, 330}.

Для балаганных постановок, развивающихся в направлении театра феерий, часто использовали сюжеты, заимствованные из оперных и балетных либретто («Руслан и Людмила», «Дон Кихот»). В программу балаганов входят не только народные сцены, но и комические диалоги, и куплеты на злобу дня³³¹, а с 1880-х годов концертное отделение сделалось привычной частью репертуара площадных театров. На народных гуляньях пробовали свои силы начинающие артисты садовой эстрады и цирка. Такой путь проделали, например, хор военных песельников Ивана Молчанова, владимирские рожечники, гармонист Петр Невский, исполнитель фабричных частушек Петр Жуков. На сцене балагана Малафеева в 1895 году состоялся бенефис клоуна Анатолия Дурова, представителя знаменитой церковной династии.

«Общий характер балаганных представлений с каждым годом мало-помалу изменяет свой характер, – сообщала газета в 1880 году, когда петербуржцы впервые не увидели на

³²⁴ Русские народные гулянья... С. 70.

³²⁵ Афиша балагана «Театр пантомим Легат» (Театральный музей Санкт-Петербурга, КП – 2194-62). Масленица 1878 г.

³²⁶ См. о Егареве: Справочная книга о лицах С.-Петербургского купечества... СПб., 1880 и др.; Новое время. 1874, 1 и 2 мар; 1880, 8 мар; 1888, 28 июля. С. 2; 1897, 17 февр. С. 3 (некролог); ЦГИА СПб. Ф. 792. Оп. 1. Д. 6373. Л. 3.

³²⁷ *Василий Никитич Егарев* (1826–1897) – купец 2-й гильдии; старейший петербургский антрепренер (с 1853 года), один из самых видных организаторов общедоступных развлечений горожан. Ему принадлежали «лучшие увеселительные заведения Петербурга и окрестностей» (Новое время. 1875. 31 мая. С. 2): «Беклешовский сад» в Лесном, сад «Удовольствие» и цирк по Петергофской дороге, «Русский семейный сад» на Офицерской улице, «Концертный сад» и сад «Арбан» у Измайловского моста, «Заведение искусственных минеральных вод» в Новой Деревне, «Крестовский сад», театр «Опера-Буфф» на Александринской площади, кафешантан «Фоли Бержер», а также площадной балаган «Театр английских пантомим» (1875–1879) на Марсовом поле во время народных гуляний. С 1855 года (и до кончины) Егарев устраивал летом в Екатерингофе различные представления на открытой эстраде, а позже – в здании «воксала» (с 1860-х) и «Народном саду».

³²⁸ Петербургская газета. 1875. 16, 18 февр; 17 апр.

³²⁹ Театр и музыка // Новое время. 1878. 21 февр.

³³⁰ Ср.: «Обычные масленичные представления в балаганах на Царицыном лугу не отличаются ничем особенным от представлений прежних годов. Та же пантомима с неизбежными Арлекином, Коломбиной, Пьеро, Петиметром» (Театр и музыка // Новое время. 1877. 1 февр.).

³³¹ См.: *Мушинский Н.* Первый русский комик: Оригинальные комические фарсы, куплеты, сцены, шутки для одного или нескольких действующих лиц. Составлены для народных гуляний, кафешантанов, летних садовых увеселительных мест. СПб., 1879. Две комические сцены, вошедшие в это издание, были поставлены в балагане В. Берга.

гуляньях любимую пантомиму, – арлекиада, долгое время царившая для народных развлечений, теперь уступила место „разговорным“ пьесам сказочного, исторического и даже водевильно-обличительного характера»^{332, 333}.

В 1881-м Берг ставит пантомиму «Рождение Арлекина, или Обманутая дочь сатаны»^{334, 335}, а на пасхальном гулянье 1883 года передает свой театр дочери – Анне Берг и завершает свой долгий путь режиссера (с начала 1850-х) прощальной пантомимой «Сатанила дочь демона, или Талисман Арлекина»³³⁶.

В феврале 1880 года Дума поддержала предложение обер-полицмейстера об устройстве в Петербурге общедоступных театров для «поднятия нравственного уровня низших слоев населения»³³⁷. Репертуар площадных театров стал предметом особого внимания и давления со стороны прессы. «Общий характер балаганских представлений с каждым годом мало-помалу изменяет свой характер, – сообщал „Петербургский листок“ 23 февраля 1880 года, – арлекиада, долгое время царившая для народных развлечений, теперь уступила место „разговорным“ пьесам сказочного, исторического и даже водевильно-обличительного характера». Другая газета, возмущенная тем, что «публика толкается» на гулянье «единственно ради развлечения», призывала: «От балаганов пора бы потребовать и пользы»³³⁸. Заводовладельцы и фабриканты в целях воспитания трудящихся масс создают в 1885 году Невское общество народных развлечений³³⁹ в селе Александровском, а в 1886-м открывают на Смоленском поле Васильевского острова постоянный народный театр и летнюю сцену в Петровском парке³⁴⁰. Празднование Масленицы происходит теперь одновременно в разных частях города: на Царицыном лугу, в селе Александровском и Михайловском манеже³⁴¹.

«И во всем уже повеяло духом педагогики, попечительства о нравственности, – пишет о 1880-х годах Александр Бенуа, – желанием заменить примитивное искреннее народное веселье чем-то, что претендовало на большую „культурность“ и изысканность»³⁴².

Еще в 1870-е содержатели балаганов Василий Малафеев и А. Н. Федоров предлагали открыть в городе народный театр, но их начинания не встретили поддержки у властей³⁴³.

В 1879 году Алексей Алексеев-Яковлев, работавший в эти годы режиссером в известнейших увеселительных садах «Ливадия» и «Аркадия», построил на Царицыном лугу небольшой балаган под названием «Развлечение и Польза». Им руководило «желание реорганизовать балаганские представления постановкой таких пьес и зрелищ, которые не служили бы только для бессмысленной потехи, но посильно, хотя бы в малой степени, служили и делу просве-

³³² Театральный курьер // Петербургский листок. 1880. 23 апр.

³³³ Ср.: «Арлекиада и пантомима заменены историческою драмою, трагедией и даже комнатными пьесами. Бессловесные исполнители балаганских буффонад заменились „говорящими артистами“... <...> Отсюда последовала необходимость в новом классе балаганских „актеров с речами“, т. е. лиц, умеющих на сцене говорить по суфлеру. Появилась целая фаланга подобных „актеров с речами“, среди которых ярмарочные трагики и комики составляют главные персонажи балаганских сцен; второстепенные и третьестепенные роли исполняются солдатиками – от писарей военного ведомства до отставных фельдфебелей включительно» (На Марсовом поле // Петербургская газета. 1885. 26 мар.).

³³⁴ Театр и музыка // Новое время. 1881. 10 февр.

³³⁵ Пресса отмечала: «Из числа тузов один В. Берг не изменяет традициям и продолжает давать классическую арлекиаду» (Театр и музыка // Новое время. 1881. 17 февр.).

³³⁶ Петербургская газета. 1883. 15 апр. С. 6; реклама.

³³⁷ ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 100. Д. 20. Л. 10, 18 об.

³³⁸ Петербургская газета. 1880. 23 апр.

³³⁹ Карпов Е. Десятилетие народных гуляний за Невской заставой: 1885–1895. СПб., 1895; ЦГИА СПб. Ф. 1267. Оп. 17. Д. 205.

³⁴⁰ ЦГИА СПб. Ф. 492. Оп. 1. Д. 6304. Л. 2; Карпов Е. П., Окулов Н. Н. Организация народного театра и полезных развлечений для народа. СПб., 1889. С. 4–5 (в издании приведен список пьес, разрешенных для народного театра).

³⁴¹ ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 100. Д. 20. Л. 86–87.

³⁴² Лейферт А. В. Балаганы. Пг., 1922. С. 14.

³⁴³ Петербургская газета. 1874. 5 февр.; ЦГИА СПб. Ф. 2073. Оп. 1. Д. 139.

щения „простого народа“»³⁴⁴. В 1880 году этот балаган перешел во владение купца Абрама Лейферта, у которого Алексеев-Яковлев проработал режиссером около двадцати лет³⁴⁵. Новый театр «ставил себе целью доставлять публике развлечение и пользу, полагая, что достигнуть всего этого можно постановкой сцен или соответствующих переделок из произведений наших лучших писателей, постановкой исторических пьес, сюжетом для которых служили бы известные всякому русскому знаменательные эпохи и события»³⁴⁶.

Периодика, которая всегда фиксировала появление нового на гуляньях, впервые упоминает театр «Развлечение и Польза» в 1880 году: «Нельзя обойти молчанием небольшой балаганчик, в котором дается сцена из трагедии А. С. Пушкина „Борис Годунов“ и затем ставятся живые картины, служащие иллюстрациями к таким писателям, как Гоголь и др.». «Не можем пройти молчанием небольшой балаганчик г. Алексеева („Театр пользы и развлечения“), в котором положительно хорошо ставятся живые картины на сюжеты из истории и из произведений известных писателей»³⁴⁷.

Через два года балаган «Развлечение и Польза» занял ведущее место среди площадных театров, оказав заметное воздействие на их репертуар³⁴⁸. Помимо инсценировок русских классиков, народных сказок и исторических пьес, Алексеев-Яковлев ставил в театре «живые картины» по полотнам Василия Сурикова («Переход Суворова через Альпы в 1799 году»), Алексея Кившенко («Военный совет в Филях в 1812 году»)³⁴⁹ и других живописцев, а также «живые картины», посвященные Петру I и Петербургу³⁵⁰.

В концертную программу театра «Развлечение и Польза» включались выступления духового оркестра, цыганского хора Григория Соколова, гармонистов и гуляров.

По признанию Алексеева-Яковлева, попытка внедрить в репертуар дидактические постановки и пьесы с монологами и длинными диалогами не увенчалась успехом: зритель неохотно шел на подобные представления. Анализируя свою неудачу, режиссер сформулировал требования публики к площадному театральному зрелищу: «Оно должно было быть кратким, концентрированным, радостным, таким же пестрым и ярким, как само гулянье, кипевшее вокруг и поминутно напоминавшее о себе»³⁵¹. Опытные режиссеры ставили «разговорные» пьесы с «ослабленным» сюжетом, уделяя главное внимание сценографии, совершенствуя традиционные приемы «превращений» и «перемен».

«Не отказываясь от текста, преимущественно стихотворного, – вспоминает Алексеев-Яковлев, – я стал давать его в небольших дозах, так, чтобы актеру приходилось выявлять сюжет преимущественно действием. Я оценил значение красивой, нарядной декорации, понял

³⁴⁴ Алексеев А. Воспоминания / Петербургские балаганы. С. 83.

³⁴⁵ Алексеев работал как режиссер, художник-декоратор и сценарист в антрепризах Лейферта в балаганных театрах «Развлечение и Польза» (1880–1898) и «Скоморох» (1890–1891), где поставил сорок пять инсценировок и двадцать семь «живых картин».

³⁴⁶ В память десятилетнего существования временного народного театра А. П. Лейферта под названием «Развлечение и Польза» (1880–1890). СПб., 1890. С. 4 (в брошюре помещены отклики газет на постановки, а также репертуар театра).

³⁴⁷ Театральный курьер // Петербургская газета. 1880. 29 февр; Театральный курьер // Петербургский листок. 1880. 23 апр.

³⁴⁸ См. репертуар балаганных театров в 1880–1898 гг. в кн.: Лейферт А. В. Указ. соч. С. 49–59; то же: Петербургские балаганы. С. 51–58.

³⁴⁹ Русские народные гулянья... С. 88–90.

³⁵⁰ «Царь-богатырь» – «большое историческое представление» Алексеева-Яковлева, где он предпринял попытку наглядно показать «всю эпоху Петра Великого» с помощью двадцати шести картин, «которые непрерывно сменяли друг друга», перебиваясь «разговорными сценами». «Все декорации и более трехсот новых костюмов изготовлены по лучшим картинам, изображающим события той эпохи». В постановке участвовало более трехсот человек (Петербургская газета. 1890. 4 февр. С. 1; реклама). «В пьесе есть и „потешные“ солдатики, и ботик Петра Великого, и основание Петербурга, и Полтавский бой и пр. Пьеса обставлена добросовестно и даже с роскошью. Особенно хороши живые картины во всю сцену» (На Марсовом поле и в манеже // Петербургская газета. 1890. 5 февр.).

³⁵¹ Там же. С. 82. См. также статью Н. В. Дризена «Будущее народного театра» в кн.: Дризен Н. В. Материалы к истории русского театра. М.: Изд-е А. А. Бахрушина, 1905.

цену смены темпов, ритмов и красок и пошел по пути яркого праздничного представления»³⁵². Постановки режиссера «были событиями сезона, он ввел много разных сценических эффектов и был выдающимся мастером в области зрелищ: феерий, шествий, живых картин и апофеозов»³⁵³. Декорации, реквизит и костюмы в театре «Развлечение и Польза» постоянно обновлялись, пополняя прокатный склад и магазин братьев Лейферт³⁵⁴, которыми пользовались даже в XX веке театры и артистические кабаре («Передвижной театр» Павла Гайдебурова, «Бродячая собака»).

Театры Малафеева и Лейферта, ориентируясь на вкусы основного посетителя, не теряли былой популярности.

«Балаганы на Царицыном лугу! – вспоминает князь Владимир Оболенский. – Сколько в них было непосредственно народного творчества!.. Лучшими считались балаганы Малафеева и Лейферта. Нелепые, примитивные пьесы, непременно с выстрелами, сражениями, убитыми и ранеными, примитивные актеры с лубочно намалеванными лицами и неуклюжими движениями... Но что-то увлекало в этих сумбурных зрелищах. Не говоря уже о простонародье, которое валом валило в балаганы, где зрители с увлечением участвовали в игре бурным смехом или возгласами поощрения и негодования, но и так называемая „чистая публика“ охотно их посещала. Очевидно, в этом народном лубке было нечто от подлинного искусства. <...> Попадая в веселую густую толпу на балаганах, как-то сразу сливался с ней и радостно чувствовал себя в ней „своим“. Балаганы были, может быть, единственным местом старого Петербурга, где в одной общей толпе смешивались люди всех кругов и состояний, где рядом с поддевкой ломового извозчика можно было видеть шикарную шинель с бобровым воротником и треуголку лощеного правоведа или лицеиста и где все были равны в общем, незамысловатом веселье. <...> И как-то странно, что этот самый холодный и чинный из русских городов умел так преобразиться в дни широкой масленицы»^{355, 356}.

На Марсовом поле ведущие площадные театры превратились в зрелищно-развлекательные предприятия с многожанровой программой, близкой к репертуару тех садовых театров, которые предназначались для простонародья.

В небольших балаганах второй линии давались военно-исторические постановки, шли народные сцены и сказки, водевили и фарсы, «разбойничьи» и бытовые пантомимы, феерии-арлекинады, показывали «туманные» и «живые» картины, выступали кукольники, фокусники, певцы, танцоры, музыканты. Эти маленькие балаганы были своего рода народными театрами миниатюр с разнообразной дивертисментной программой из эстрадных и цирковых номеров. «Мы предпочитали посещать маленькие театрики, где было посвободнее и иногда даже оригинальнее, – писал редактор „Ежегодника императорских театров“. – Подчас в этих театрах встречалось больше талантов, чем в больших. Начиная с внешности балагана, кончая его незатейливой внутренней обстановкой, все должно было содействовать слиянию актера

³⁵² Русские народные гулянья... С. 82.

³⁵³ Лейферт А. В. Балаганы. Пг., 1922. С. 24.

³⁵⁴ См.: Бр[атья] А. и Л. Лейферт поставщики столичного литературно-артистического кружка: Иллюстрированный каталог. СПб., 1898.

³⁵⁵ Оболенский В. А. Моя жизнь. Мои современники. Paris: YMCA-Press, 1988. С. 12.

³⁵⁶ Ср.: «Не только народная масса стремилась в балаганы, но и столичная буржуазия считала своим долгом побродить среди балаганов, заглянуть в них, и восторгалась тем примитивным, лубочным юмором, который торжествовал здесь, – вспоминает журналист Александр Плещеев. – Русский карнавал, благодаря суровым климатическим условиям, не напоминал зарубежных карнавалов, где разгар веселья всегда на улицах. Поэтому масленичные и пасхальные гулянья были в России так оригинальны. Известный французский актер Михайловского театра Люсьен Гитри развлекался, посещая балаганы, и когда мы, будучи с ним в Вене на Театральной выставке, осматривали устроенное гулянье под названием „Венеция“, он говорил: „Петербургские балаганы интереснее. Здесь много блеска, огня, а там – наивности и юмора“» (Плещеев А. А. «Под сению кулис...». Париж, 1936. С. 12–13).

со зрителями. И были же там актеры!»³⁵⁷ На Царицыном лугу к услугам балконных зазывал прибегали только балаганы второй линии. «Пьеро неестественной толщины бьет в турецкий барабан и осипшим голосом зазывает публику. Рядом с ним девица в костюме акробатки дудит в тромбон»³⁵⁸. Появляются и театры-цирки, на балконах которых давались клоунские представления. Десятки мелких балаганов предлагали широкий выбор «лубочных» зрелищ, «зазывая к себе зрителей обещаниями показать чудовищные, необъяснимые явления природы: теленка о 5 ногах; американку-геркулеску – огнеедку; жену и мужа – великаншу и карлика; девицу Марию, самую толстую и колоссальную, показываемую первый раз в России; феномена, без вреда для здоровья глотающего горящую паклю; факира, безболезненно протыкающего себя саблей во все части тела, и т. п.»³⁵⁹.

Широкое распространение получили обманные, или шуточные, балаганы. Привлеченная броской вывеской «Панорама всего Петербурга» публика набивалась в палатку, после чего «предприниматель открывал заднюю стену балагана и приглашал полюбоваться на открывшийся вид Марсова поля, Мраморный дворец, Петропавловскую крепость»^{360, 361}.

В 1887 году огромный успех имела движущаяся панорама «Наша Родина», поставленная Алексеевым-Яковлевым и состоявшая из 80 полотен, на которых по специально заказанным фотографиям были изображены виды городов и уголков России. Демонстрация сопровождалась чтением со сцены описаний местностей и картин природы, проходивших перед глазами зрителей под исполнение «народных песен тех местностей России, которые показываются на панорамах»^{362, 363}.

Большой популярностью пользовалась и живописная панорама, которая «несколько лет подряд наглядно знакомила общество и народ с картиной севастопольского боя, сменившегося не менее эффектным зрелищем взятия Кавказа»³⁶⁴.

³⁵⁷ Дризен Н. В. Сорок лет театра // Столица и усадьба. 1915. № 40/41. С. 23.

³⁵⁸ Иванов Л. Указ. соч. С. 6. Алексеев А. Я. Указ. соч. С. 90.

³⁵⁹ Лейферт А. В. Балаганы. Пг., 1922. С. 60.

³⁶⁰ Столянский П. Н. Старый Петербург // Биржевые ведомости. 1916. 19 февр. (веч. вып.).

³⁶¹ На другом балагане красовалась «надпись: „Египетская тьма. Вход 10 копеек“. – „Прежде чем войти, вымойте руки“, – кричит зазывала. Толпа, проходя в балаган, опускает по очереди руки в находящийся при входе таз с водой. Когда балаган наполняется, тушат свет. Наступает тьма. Ведущий представление громко объявляет: „Самая темная тьма, какая была в Египте при фараоне! Представление окончено! Выход в дверь насупротив!“ Балаган предусмотрительно не освещается до тех пор, пока обманщик-хозяин не спрячется в укромном местечке от возмущенной публики» (Кригер В. А. Актерская громада: Русская театральная провинция (1890–1902). М.: Искусство, 1976. С. 106).

³⁶² См.: Яковлев-Алексеев А. Каталог-путеводитель, подробно описывающий декорации панорамы, показываемые в театре «Наша Родина» и изображающие путешествие по России. СПб., 1887 (Отдел эстампов РНБ).

³⁶³ Панорама «Наша Родина» появилась на Масленице 1887 года. В рекламе сообщалось: «На Царицыном лугу в театре „Наша Родина“ в течение сырной недели будут показываться большие движущиеся художественно исполненные декорации-панорамы, изображающие „Путешествие по России“ – наглядное знакомство с великим отечеством нашим». Более восьмидесяти перемен декораций (9000 кв. аршин (ок. 4500 кв. м. – А. К.), исполненных известными петербургскими и московскими декораторами. Декорации изображают виды городов, сел и картины разнообразной природы России с эффектными переходами от дня к ночи, от одного времени к другому. Виды и картины переданы с замечательной точностью, все они писаны с больших фотографических снимков, сделанных по специальному заказу местными фотографами». I часть. Финляндия. Прибалтийский край. Польша. Белоруссия. Псков. Новгород. Север России. Соловецкий монастырь. Белое море. II часть. Москва. Города и виды губерний. Смоленск. Владимир. Орел. Курск. Харьков. Киев. Одесса. Черное море. Севастополь. Крым. Кавказ. III часть. Волга от Астрахани до Твери. Петербург. «Роскошная панорама Невы. Петербург днем и ночью». Апофеоз «Слава России». «На сцене движутся поезда железных дорог, пароходы, корабли, лодки... <...> Во время передвижения декораций бальный оркестр будет исполнять большую попури, составленное из мелодий народных песен тех местностей России, которые показываются на панорамах» (Петербургская газета. 1887. 6–8 февр. С. 1; реклама). «Пускаемся в „Путешествие по России“, – писала газета. – Перед вашими глазами действительно непрерывной нитью тянутся деревни, города и чудесные виды. Раздается звонок, со станции Финляндской железной дороги трогается локомотив с вагоном второго класса и путешествие начинается... <...> Лучше всего – виды Финляндии („Ночь на озере“ – кажется, превосходит все) и Волги» (На Царицыном лугу // Петербургская газета. 1887. 9 февр.). На пасхальном гулянье «к первой движущейся панораме прибавлены виды русских владений в Средней Азии и Сибири» (На Царицыном лугу // Петербургская газета. 1887. 7 апр.).

³⁶⁴ Максимов К. Из петроградских переживаний: Воспоминания старожилы // Наша старина. 1915. № 5. С. 472–473.

В толпе ожидающих начала представления устраивались владельцы «потешных панорам», внося заметное оживление своими выкриками, соперничая с острословами в импровизации. Раек использовался антрепренерами для рекламы балаганных постановок³⁶⁵; появлялся панорамщик и на сцене площадного театра как персонаж представления³⁶⁶.

Мемуарист и театральный историк Николай Дризен так описывает владельца райка на Марсовом поле: «Еще забавлял раешник. Примостившись в дощатой будке, он собирал пятаки какими-то необыкновенными картинками. Чего только у него здесь не было: и „Извержение италийской горы Везувия“, и „Пир Валтасаров“³⁶⁷, и модный в то время сюжет „Знаменитый разбойник Чуркин, он же скопинский банкир Рыков“³⁶⁸. Однако картины представляли наименьший интерес у раешника. Интересен он был сам, неистощимый на всякие прибаутки, с такой удивительной рифмой, которой свободно позавидовал бы любой из наших футуристов»³⁶⁹.

Но более всего публику привлекали выступления карусельного краснбая. «Водрузившись на перила огромнейшей карусели, в шапке с бубенцами и огромнейшей бородой из пакли, дед (обыкновенно из солдатиков-балагуров) исполнял обязанности confereociers, т. е. импровизировал беседу. И горе тому, кто попадал ему на зубок! Старик буквально забросает его шутками, иногда очень меткими и злыми, почти всегда нецензурными. Большею частью такими жертвами бывали: какой-нибудь провинциальный ротозей, впервые попавший в столицу, либо бойкая горничная, отпущенная господами со двора „погулять на балаганах“»³⁷⁰.

На Царицыном лугу балаганных театров было почти вдвое меньше, чем некогда на Адмиралтейской площади. Здесь проявляется тенденция к увеличению (и совершенствованию) аттракционов и мелких развлекательных форм, которые постепенно вытесняют театральные представления.

Синтез аттракциона и театрализованного зрелища получил свое завершение в «Большом самокате» – карусели, приводимой в движение паровой машиной. Самокат (а их возводилось до пяти) представлял собой двухэтажную крытую постройку, с внешней и внутренней галереями, с «лубочным» экстерьером (живописные клейма, деревянная расписная скульптура, пестрые занавеси и драпировки). «Наружные стены карусели, – вспоминает Бенуа, – были убраны яркими картинками, среди которых виднелись изображения разных „красавиц“ вперемежку с пейзажами, с комическими сценами, с „портретами“ знаменитых генералов»^{371, 372}. В 1890-

³⁶⁵ См.: Рассказ раешника о представлении в театре Лейферта под названием «Развлечение и Польза» на Царицыном лугу во время сырной недели 1897 года. СПб., 1897.

³⁶⁶ См. рукопись феерии-арлекинады А. Я. Алексеева «Волшебные блины, или Проказы Арлекина на масленице» (1892; Отдел рукописей и редких книг Санкт-Петербургской театральной библиотеки. № 75300).

³⁶⁷ «Пир Валтасара» – эскиз Василия Сурикова, за который он получил в 1874 году первую премию Академии художеств.

³⁶⁸ *Василий Чуркин* – разбойник, орудовавший со своей шайкой в 1870-х годах на больших дорогах от Москвы до Владимира; за помощь малоимущим завоевал народную славу и признание. *Иван Рыков* (1831–1897) – банкир, владелец банка в городе Скопин, крупный аферист.

³⁶⁹ *Дризен Н. В.* Сорок лет театра. С. 23. Тексты выкриков раешников (панорамщиков) Марсова поля см. в: *Бахтиаров А.* Брюхо Петербурга. СПб.: Изд-во Ф. Павленкова, 1888. С. 314–315; *Алексеев А.* Указ. соч. С. 89–90; *Лейферт А. В.* Балаганы. Пг., 1922. С. 70.

³⁷⁰ *Дризен Н. В.* Сорок лет театра // Столица и усадьба. 1915. № 40/41. С. 23. Ср.: *Бенуа А. Н.* Мои воспоминания. Кн. 2. С. 292. Тексты прибауток «дедов» см.: Петербургская газета. 1873. 20 февр.; 1874. 5 февр.; 1880. 29 февр.; 1899. 26 февр.; *Бахтиаров А.* Брюхо Петербурга. СПб.: Изд-во Ф. Павленкова, 1888. С. 311–314; *Алексеев А.* Указ. соч. С. 89–90.

³⁷¹ *Бенуа А. Н.* Мои воспоминания. Кн. 2. С. 292.

³⁷² «Первый номер балагана принадлежит не „дедушке“ Малафееву, а А. П. Лейферту, – сообщала газета в обзоре масленичного гулянья 1893 года, – который после долгих лет возвратился к старым традициям, возобновив арлекинаду. Арлекинада, несмотря на всю свою пустоту, всегда доставляла большое развлечение публике» (На Марсовом поле // Петербургский листок. 1893. 31 янв.). В 1892 году анонимный журналист рассказывал о своей беседе «с содержателем большого балагана. – «„Скажите, отчего вы не поставите у себя какую-нибудь веселую арлекинаду, как это было при покойном Берге?“ – „Артистов нынче уже больше таких не подобрать, все куда-то исчезли. Нынче все норовят играть «в голос» – пантомима заброшена. Очень может быть, что это происходит от того, что играть ее гораздо труднее, чем драму – надо обладать известной грацией и порядочно развитой мимикой“» (N-о. У балаганщиков // Петербургская газета. 1892. 13 апр.).

е годы на гуляньях появляется карусель в виде парусных лодок, которые, кружась, покачивались, как на волне; летние катальные горы превращаются во внушительное сооружение, получившее «экзотическое» название «Американских гор»; перекидные качели обретают очертания паркового «Колеса обозрения».

После окончательного ухода с Марсова поля Егарева, Легата и Берга постоянным конкурентом Малафеева стал появившийся в 1880 году театр Абрама Лейферта «Развлечение и Польза». Его просветительный репертуар был с одобрением встречен прессой. «Арлекинад и разные кровопролитные побоища – стародревний и излюбленный репертуар наших балаганов – понемногу уступают свое место более разумным и полезным для народа зрелищам. Наши балаганщики, очевидно, познали всю непригодность своих прежних пьес и из всех сил стараются придать больший интерес к своим спектаклям, ставя на сценах одраматизированные сочинения лучших русских писателей. Как по декоративной обстановке, так и по самому исполнению пьес, первенствующее место занимает балаган „Развлечение и Польза“»³⁷³.

В 1890-х годах всего три арлекинады были показаны на гуляньях – все они были поставлены в театре «Развлечение и Польза»: «Волшебные блины, или Проказы Арлекина на масленице»³⁷⁴ (1893), «Веселая кутерьма, или Ей-ей умру от смеха»³⁷⁵ (1893) и «Чудеса забытой арлекинады»^{376, 377} (1895) – последняя пантомима в истории петербургских площадных гуляний.

«Поставщики больших представлений все те же – гг. Малафеев и Лейферт, – писала газета в 1894 году. – В прежние времена на первой линии на Царицыном лугу было 4–5 больших театров, а теперь только два. Да и те как-то сбились с толку, как будто оба „театра“ находятся в переходном периоде неразрешимых сомнений, что собственно требуется от балаганов: чистое драматическое искусство или просто эффектное зрелище с богатыми костюмами, шествиями и обстановкой. От прежних блестящих феерий и арлекинад не осталось и воспоминания. Заметно явное тяготение, в ущерб обстановке, к драматическому искусству, которого, в конце концов, никто на балаганах искать не станет»³⁷⁸.

Из-за высочайшего смотра войск на Марсовом поле в 1897 году гулянье на Пасхальной неделе перенесли на Преображенский плац³⁷⁹. Владельцы больших балаганов отказались принимать участие в этом празднике, поскольку возводить после Масленицы второй раз постройки было невыгодно.

В январе 1898 года «воспоследовало высочайшее соизволение» на перенесение народных гуляний с Царицына луга на Преображенский и Семеновский плацы³⁸⁰. «Для отрезвления центральных улиц города большое значение имело также перенесение балаганов с Царицына луга на Семеновский плац, – сообщала „Петербургская газета“ 7 апреля 1898 года в заметке „Праздничная трезвость“. – В давние времена, когда балаганы посещались образованной пуб-

³⁷³ Театральный курьер // Петербургский листок. 1884. 10 апр.

³⁷⁴ Петербургский листок. 1893. 31 янв. С. 1 (реклама).

³⁷⁵ «Поставленная в народном театре „Развлечение и Польза“ феерия-арлекинада „Веселая кутерьма“ оказывается очень весело и занимательною пьесой» (Генеральные репетиции на Марсовом поле // Петербургская газета. 1893. 27 мар.).

³⁷⁶ Лейферт А. В. Балаганы. Пг., 1922. С. 58.

³⁷⁷ «Что же касается до „Чудес забытой арлекинады“, то арлекинады в чудесах никакой нет. Здесь только костюмы Арлекина, Пьеро, Пьеретты, Коломбины. Носители всех этих костюмов очень мирно беседуют, не вытворяя, однако тех ловких акробатических полетов и проделок, которыми славилась постановка арлекинад доброго старого времени. Арлекин, Коломбина, Пьеро и Пьеретта г. Лейферта просто-напросто ограничиваются проделкой ряда чрезвычайных глупостей балаганного жанра, т. е. именно того жанра, который приобрел права гражданства в фарсах последних времен» (На Марсовом поле и в манеже // Петербургская газета. 1895. 6 февр.).

³⁷⁸ Праздничные гулянья // Петербургская газета. 1894. 19 апр.

³⁷⁹ Ведомости С.-Петербургского градоначальства и столичной полиции. 1897. 11 апр. См. план расположения построек на Преображенском плацу в 1897 году: ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 169. Д. 449.

³⁸⁰ Известия С.-Петербургской городской думы. 1898. № 5. С. 1020.

ликой, имело смысл отводить для них центральные площади, но в последние годы эти увеселительные заведения привлекают одно только рабочее население города».

Далекий от центра, грязный и неудобный, с мрачной репутацией, Семеновский плац оказался малоподходящим местом для увеселений, и Масленица 1898 года принесла убытки строителям балаганов. Высокая арендная плата и резко изменившаяся обстановка на традиционных гуляньях вынудили Лейферта, Малафеева и других содержателей театров окончательно уклониться от участия в народных праздниках после Пасхальной недели 1898 года³⁸¹.

Масленица 1899 года была устроена Обществом дешевых столовых и чайных³⁸². На Семеновском плацу «уныло торчал один балаганчик», но не было катальных гор и каруселей с «дедом»³⁸³. А пасхальные гулянья в этом году проходили «по старому шаблону» уже на Преображенском плацу, где были воздвигнуты «три балагана, несколько каруселей и силомеров». В одном из этих балаганов под названием «Электрический мир» впервые демонстрировался кинематограф. «Изобретение Люмьера стало достоянием улицы, – сообщала газета. – Невзыскательные посетители „Электрического мира“ были в большом восторге от кашляющего, чихающего и шипящего аппарата „живой фотографии“»³⁸⁴.

Вместе с тем газеты продолжали нападки на балаганы, обвиняя их в «пошлости» и «оскорблении общественной нравственности»: «Что было возможно и интересно в свое время, то стало уже нетерпимым в наши дни»³⁸⁵.

Так, например, Вячеслав Грибовский писал: Лейферт «доставляет своим посетителям бессмысленно пошлые развлечения и более чем сомнительную пользу. В самом деле, что может дать уму и сердцу бессодержательное глаzenie на каких-нибудь „Семь Симеонов“ или „Царицу Гусяр“, где бутафорская часть феерии скрадывает и скрашивает полнейшее отсутствие самого незатейливого смысла»³⁸⁶.

Алексей Суворин в 1889 году, в статье «В балагане и частном театре», выступил в защиту площадных театров и своеобразия их эстетики: «Вчера я видел в балагане Лейферта „Белого генерала“. <...> Исполняется пьеса весьма толково. Я говорю о балаганной пьесе, как о пьесе на заправской сцене, потому что все должно быть судимо в своей обстановке, в своей среде. <...> Лубочные картины имеют в истории просвещения большее значение, чем тысячи картин настоящих художников. <...> Точно так же в „Белом генерале“ больше смысла, чем в иных заправских пьесах»³⁸⁷.

На Семеновском плацу народные гулянья продолжались³⁸⁸, но уже без былых площадных театров, в 1899–1901 годах. Однако постепенно гулянья вытеснялись с плаца, поскольку рядом начали строить новое здание Царскосельского (Витебского) вокзала.

8 декабря 1897 года с «высочайшего одобрения» было создано Петербургское попечительство о народной трезвости под председательством принца Александра Ольденбургского. Театральная деятельность общества началась 1 января 1898 года устройством народных гуляний и спектаклей в манежах. В 1900 году Попечительство захватило в свои руки все разновидности народных увеселений³⁸⁹.

³⁸¹ ЦГИА СПб. Ф. 792. Оп. 1. д. 7557. Л. 1–2.

³⁸² Народ. 1899. 23 февр.

³⁸³ Петербургский листок. 1899. 22 февр.; Петербургская газета. 1899. 25 февр.

³⁸⁴ Петербургская газета. 1899. 20 апр.; Петербургский листок. 1899. 20 апр.

³⁸⁵ Ведомости С.-Петербургского градоначальства и столичной полиции. 1899. 23 и 24 февр.

³⁸⁶ *Гридень* [Грибовский В. М.]. Днем и ночью: Масленичная потеха // Русь. 1897. 22 февр.

³⁸⁷ Новое время. 1889. 14 апр.

³⁸⁸ Ведомости Санктпетербургского градоначальства и столичной полиции. 1899. 24 февр.; ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 132. Д. 205. «Масленичные гулянья прекратились, по крайней мере их не было в 1902 году» (*Равский Ф.* Петербург с окрестностями. СПб., [1902]. С. 87).

³⁸⁹ Подробнее см.: Из истории театров петербургского Попечительства о народной трезвости // Театр и искусство. 1907.

«Конец XIX столетия, – писал театровед и актер Всеволод Всеволодский-Гернгросс, – характеризуется быстрым и почти повсеместным умиранием чисто низового театра и созданием театра „псевдонародного“. Здесь шло „приспособление“ господствующих приемов исполнения, вещественного оформления и драматической литературы к вкусам городских низов»³⁹⁰.

«Балаганы, очевидно, отжили у нас свой век, – утверждал автор статьи „Агония балагана“, – теперь уступают место следующей стадии развития театрального дела – народному театру». На смену балаганным представлениям, где «главную роль играет впечатление», должен прийти театр с репертуаром, «дающим некоторый толчок работе мысли»³⁹¹.

«Любимец Арлекин старел, дряхлел и, наконец, отошел в вечность, – писал драматург Борис Бентовин в 1900 году. – Балаганные промышленники Марсова поля двинулись „в ногу со временем“ и начали ставить или мелодраматическую ерунду, или высокопатриотические пьесы. Арлекин был отброшен в гнилые сарайчики-балаганы „второго ряда“. Но и с этих задворков его изгнали телушки о шести ногах и глотатели пылающей пакли. Потом пошла мода на „принципы“. Принципы эти касались вопросов народного развлечения и поучения»³⁹².

Для многих современников праздники «на балаганах» остались ярчайшим театральным переживанием детства. «Стоит мне вызвать в памяти то „чувство экстаза“, в котором я тогда очутился, – вспоминает Бенуа в предисловии к книге Александра Васильевича Лейферта о первом посещении балаганного театра, – как я уже весь исполняюсь безусловной верой в *абсолют театра*, в его благодать, в его глубокий человеческий смысл»³⁹³.

В начале XX века зарождается тенденция к демократизации эстетического кругозора и происходит резкое расширение самого понятия «искусство». «Ярмарка, балаган, – пишет Юрий Лотман, – становясь предметом не только научного внимания, но и художественного переживания, вызывали сдвиги в мире эстетических норм и меняли социальную ориентацию культуры. Происходила демократизация вкусов и норм»³⁹⁴. Площадные праздники как коллективные явления массового искусства входят в круг художественных ценностей. Уже в 1910-е годы в периодике появляется ряд воспоминаний о «широкой масленице»³⁹⁵, а историки искусства Николай Врангель и Левкий Жевержеев выступили с проектом возобновления былых увеселений.

Общество защиты и сохранения в России памятников искусства и старины в 1914 году «решило восстановить все то, что создано народным творчеством в театральной области», и с «этой целью задумало возродить старинные народные гуляния». Организация всего дела была поручена Николаю Врангелю, Юрию Озаровскому и Сергею Судейкину. «Предполагается выстроить на Марсовом поле ряд домиков, павильонов и шатров, в которых будут устроены разные развлечения: кукольный театр, петрушка, раешник, феерии, цирковые представления, пантомимы, панорамы, включая и кинематограф, – сообщала газета. – Марсово поле будет превращено в маленький городок с улицами, идущими по разным направлениям. По этим ули-

№ 52. С. 881–883; ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 81. Д. 497; ф. 792. Оп. 1. Д. 7557. Л. 1.

³⁹⁰ Всеволодский (Гернгросс) В. История русского театра. М.; Л., 1929. Т. 2. С. 312.

³⁹¹ Пр-ов В. Агония балагана // Петербургская газета. 1898. 7 апр.

³⁹² Импрессионист. Возрождение Арлекина // Новости и Биржевая газета. 1900. 19 февр.

³⁹³ Лейферт А. В. Балаганы. Пг., 1922. С. 9. См. также: Бенуа А. Н. Мои воспоминания. Кн. 2 (гл. «Балаганы»); Маковский С. К. Портреты современников. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1955 (гл. «Масленица»); Добужинский М. В. Указ. соч. (гл. «Петербург моего детства»).

³⁹⁴ Лотман Ю. М. Блок и народная культура города // Наследие А. Блока и актуальные проблемы поэтики: Блоковский сборник IV. Тарту, 1981. С. 9.

³⁹⁵ Помимо упомянутых выше воспоминаний, см. также: Ауслендер С. Русский карнавал // Речь. 1914. 10 февр.; Бенуа А. Н. Масленица // Речь. 1917. 10 февр.; Бразиль Д. Былое веселье // Театр и искусство. 1916. № 7; Гнедич П. П. Старый Петербург: На масленице // Биржевые ведомости. 1917. 10 февр. (веч. вып.); Дризен Н. В. Старый Петербург // Весь мир. 1918. № 10. С. 11; Щеглов Ив. Театральные огни // Ежегодник имп. театров. 1910. Вып. III. С. 2–3.

цам будут проходить исторические процессии в национальных костюмах. По вечерам же они будут иллюминированы»³⁹⁶. Осуществлению этой затеи помешала война.

В марте – апреле 1922 года общество «Старый Петербург» в зале Городской думы организовало «серию вечеров, посвященных воспоминаниям о былых петербургских балаганах», на которых «в виде иллюстрации была поставлена инсценировка при участии целого ряда уцелевших балаганных номеров»³⁹⁷.

Гулянья «на балаганах» сыграли заметную роль в русской культуре XX века. Многие деятели литературы и искусства (Блок, Мейерхольд и др.) в поисках пути к новому художественному слову не раз обращались к этому яркому явлению народного творчества.

1989, 2017

³⁹⁶ Возрождение старинных народных развлечений // Речь. 1914. 29 янв.

³⁹⁷ Подробнее см. в наст. изд. примеч. 18–26 к статье «Общество „Старый Петербург – Новый Ленинград“ (1921–1938)».

РАЕК В СИСТЕМЕ ПЕТЕРБУРГСКОЙ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ³⁹⁸

Paolo Nori

В XIX веке во время народных площадных увеселений на Масленой и Пасхальной неделях огромной популярностью пользовался раек («потешная панорама») – «небольшой, аршинный во все стороны, ящик, с двумя увеличительными стеклами впереди. Внутри его перематывается с одного катка на другой длинная полоса с доморощенными изображениями разных городов, великих людей и событий. Зрители, „по копейке с рыла“, глядят в стекла, – раешник передвигает картинки и рассказывает присказки к каждому новому номеру»³⁹⁹.

Владимир Даль так поясняет значение термина раек: «ящик с передвижными картинками, на которые смотрят в толстое (брюшистое) стекло; вертеп, кукольный театр; радужница глазная, зрачок».

Если углубляться в истоки происхождения райка, то необходимо упомянуть знаменитого итальянского проповедника Франциска Ассизского. По преданию, в начале XIII века он стал устраивать «живую картину», изображающую сцену рождения Христа: Мария, ясли, ослики, пастухи и пр. (Мои итальянские друзья рассказывали, что эти «живые картины» и сейчас ежегодно ставят в Ассизи.) Уже во времена Франциска в день Рождества Христова в итальянских церквях стали устраивать ясли (итал. presepio): в огромной нише устанавливались фигурки, изображающие людей и животных на фоне библейского пейзажа, все это приводилось в движении скрытым механизмом, – в ночи всходила звезда, и постепенно все это действие завершалось рождением Христа⁴⁰⁰.

Позже появились переносные панорамы (косморамы), в которых демонстрировалось «райское действие»⁴⁰¹. В Италии переносные панорамы назывались *Il mondo novo* («Новый мир»)⁴⁰².

Определенное воздействие на устройство райка оказали изобретенные на Западе оптические приборы (панорамы). Вначале они предназначались для домашнего рассматривания эстампов состоятельной публикой, а позже появились на улицах и ярмарках (например, в Падуе находится Museo del presepio, где хранится огромная коллекция оптических устройств и панорам).

По мнению Алексея Веселовского, раек является «продуктом взаимодействия марионеток и лубочных картин» и ведет свое происхождение от вертепа⁴⁰³, в котором «райское действие» разыгрывалось при помощи рисованных фигур. Со временем, вытесняемое коми-

³⁹⁸ Публикуется по: Раек в системе петербургской народной культуры // Петербургский раек / Сост., вступ. ст., комм. А. М. Конечного. СПб.: Гиперион, 2003. С. 5–21. Исправленный и дополненный вариант.

³⁹⁹ Ровинский Д. Указ. соч. Кн. V. С. 231.

⁴⁰⁰ Presepi и фигурки к ним можно и сейчас купить в Неаполе в лавках и на лотках на экзотической улице San Gregorio Agnelo, а в Риме ежегодно в церкви Santa Maria del Popolo устраивается выставка «100 Presepi» – «100 рождественских вертепов».

⁴⁰¹ Изображение ящика с оконцами можно увидеть, например, на картине Уильяма Хогарта «Ярмарка в Саутворке» («Southwark Fair», 1733–1734; Британский музей).

⁴⁰² См., например, фреску Тьеполо (Tiepolo) «Il mondo nuovo» (1742) (Venezia. Ca' Rezzonico. Museo del Settecento veneziano) и картину Пьетро Лонги (Longhi) «Il mondo novo» (ок. 1756) (Venezia. Museo Fondazione Querini Stampalia).

⁴⁰³ Насколько нам известно, Булгарин был первым, кто отметил сходство райка с вертепом. «Видали ли вы под качелями (т. е. на пасхальном гулянье. – А. К.), в годовые праздники, ящики, внутрь которых простой народ смотрит в увеличительное стекло за несколько копеек. Эти ящики называются в Малороссии *вертепы*, и показываемые предметы толкует ловкий парень, разумеется смысленный мужичок великороссийских губерний. С этими *вертепами* расхаживают они по всей России» (Ф. Булгарин]. Журнальная всякая всячина // Северная пчела. 1856. 7 июля).

ческими эпизодами, «райское действо» исчезло и заменилось картинками светского содержания. Превращение вертепа в «народную космораму» произошло «под влиянием занесенных с Запада забав», пишет Веселовский, и «это изменение находится в связи с развитием лубочных картин на Руси», а «цинизм присловий раевщика напоминает росказни скоморохов»^{404, 405}.

Существует мнение, что в Россию переносные ясли попали в XVI веке из Польши, где в праздничные дни семинаристы ходили по городам и селам с шопкой (от нем. Schorpen – хлев) – деревянным двухъярусным ящиком: наверху куклы или рисованные фигуры разыгрывали духовное действо (Рождество Христово и связанные с ним события), внизу давались интермедии.

Иван Забелин считает, что райки появились в Европе и были завезены в Москву бродячими актерами в середине XVIII века «Приезжали нередко в Москву и разные немецкие кунштмейстеры, – писал Забелин. – Многие у них с успехом перенимали и русские: особенно *кукольные комедии* и *райки* были усвоены как нельзя лучше. Последние же, т. е. *райки*, так обрусели, что по всей справедливости заслуживали бы особого подробного описания. Нигде, может быть, не высказывался русский человек так метко и с таким юмором, как в этих объяснениях и пояснениях раечных картинок, которые сами по себе большею частью не имеют никакого значения, но получают совершенно неожиданные краски при бойком, метком, а иногда и весьма остроумном пояснении»⁴⁰⁶.

Вероятнее всего, «потешная панорама» попала в столицу из Москвы, где ежегодно под Новинским устраивались городские увеселения. Во время празднеств на Адмиралтейской площади, ставшей с 1827 года постоянным местом гуляний, райки уже воспринимались как часть многожанрового площадного зрелищного искусства.

Райки не сразу привлекли внимание столичной периодики. Среди первых подробных обзоров гуляний, появившихся в 1820-х годах, нет никаких свидетельств о выступлениях раешников. Только в 1834 году «Северная пчела» впервые упомянула «райки, в которых за грош можно увидеть Адама с семейством, потоп и погребение кота»^{407, 408}. Однако уже в 1842-м та же газета сообщала: «Самая замечательная вещь под качелями – это маленькая подвижная косморама, которую переносит на плечах русский мужичок, толкуя зрителям чудесные дела своим языком – рифмованною прозою – с присказками и прибаутками. Смешно до слез!»⁴⁰⁹

⁴⁰⁴ Веселовский А. Н. Старинный театр в Европе: Исторический очерк. М.: в Тип. П. Бахметева, 1870. С. 310, 398–399.

⁴⁰⁵ Ср.: «Раек выродился из представления мистерии грехопадения, известной в различных обработках и послужившей не раз темой для лубочных картинок, распространенных в народной среде. Эти-то картинки и сослужили службу в райке, заменив фигуры вертепа. В основание представления райка легло „райское действо“ – Paradeisspiel, где комическую роль играет дьявол и отчасти сами прародители. Постепенно осложняясь новыми комическими сценами, подобно вертепному действию, и „райское действо“ само исчезло, а от него остались лишь картины чисто светского содержания. <...> Мы присоединяемся к мнению, высказанному уже давно А. Н. Веселовским, что раек представляет собою продукт взаимодействия театра марионеток и лубочных картин, сохранивший остатки скоморошских фарсов» (*Перетц В.* Кукольный театр на Руси: (Исторический очерк) // Ежегодник императорских театров. Сезон 1894–1895 гг. СПб., 1895. Приложение. Кн. 1. С. 159–161).

⁴⁰⁶ Забелин И. Е. Опыт изучения русских древностей и истории. М.: Тип. Грачева и К, 1873. Ч. 2. С. 392.

⁴⁰⁷ В. В. В. [В. М. Строев]. Масленица 1834 года в Петербурге // Северная пчела. 1834. 4 апр.

⁴⁰⁸ В 1817 году Павел Свиньин в обозрении пасхального гуляния на Исаакиевской площади, в частности, отмечал: «Здесь за две копейки чрез стеклышко показывается *Соломонов Храм, Рим, Париж, Лондон, Венеция, Иван Великий, Бонапарте, Богатырь Илья Муромец, Соловей разбойник на дереве, Жар птица* и проч.» (*Свиньин П. П.* Достопамятности Санктпетербурга и его окрестностей. СПб.: в Тип. В. Плавильщикова, 1817. С. 128). Однако непонятно, о какой панораме (космораме) идет речь – стационарной или переносной (райке).

⁴⁰⁹ Масленица // Северная пчела. 1842. 26 февр. Запись выкрика московского раешника см.: *Вистенгоф П.* Очерки московской жизни. М., 1842. С. 87.

Раек. Литографированный лубок. 1857. На крыше райка кукла-марионетка

Раек называли подвижной «косморамой» или «панорамой» по аналогии с площадными временными постройками, где во время праздников показывали видовые живописные полотна. Так, в 1830-х огромный успех имели косморамы⁴¹⁰ Лексы (в ней выставялось ежегодно 12–14 изображений зарубежных городов) и панорама Константинополя⁴¹¹. К этому времени относятся и серия видов Петербурга (с лесов Александровской колонны – работы художников Иосифа Лексы, Василия Раева, Григория Чернецова, а также с обсерватории и Адмиралтейства), которые выставялись в райке, панорамах и демонстрировались в Академии художеств; литографии с них можно было приобрести в магазинах. Картинки с видами столиц Европы и России заняли заметное место и в репертуаре райков, став доступными для широкой публики.

Переносная «панорама» все чаще упоминается в репортажах о площадных праздниках. В 1843 году П. Фурманн в обзоре «Физиономия масленичных балаганов» обратил особое внимание на райки, противопоставив их другим зрелищным формам: «Еще одна, доселе почти незамеченная, собственно русская забава – это *райки*. Их было ныне множество. Останови-

⁴¹⁰ Стационарные сооружения, в которых демонстрировалась «панорамная живопись», получили широкое распространение в Париже уже в начале XIX века. В 1800 году на Монмартре соорудили «два круглых здания для демонстрации панорам: виды Парижа и бегство английского флота из Тулона» (*Мильчина В. А.* Париж в 1814–1848 годах. М.: Новое литературное обозрение, 2017. С. 603), а затем подобные заведения под разными названиями стали устраиваться в других галереях и пассажах французской столицы: «Косморамы», «Жеорамы», «Евроорамы» (см.: *Носик Б. М.* Прогулки по Парижу: Правый берег. М.: Радуга, 2000. С. 201–202; за указание на этот источник благодарю Ярослава Смирнова). В 1804 г. на Невском проспекте, вблизи Публичной библиотеки, в специальной постройке «Панорама Парижа» горожане могли увидеть «кругообразное изображение города» (С.-Петербургские ведомости. 1805. 31 мар.).

⁴¹¹ См.: Северная пчела. 1834. 8 февр., 27 апр.; 1839. 1 февр.

тес и послушайте, какую рифмованную прозой, чрезвычайно вольной (в отношении к рифмам), русская бородак объясняет незатейливые лубочные виды своей подвижной косморамы: „Посмотрите, поглядите, вот большой город *Париж*, в него въедешь – *угоришь*, большая в нем *колонна*, куда поставили *Напалиона*; в двенадцатом *году* наши солдатики были *в ходу*, на Париж идти *уладились*, а французы *взбадаражились*. Трр! Другая штучка! Поглядите, посмотрите, вот сидит турецкий султан *Селим*, и возлюбленный сын его *с ним*, оба в трубки *курят* и промеж собой *говорят*“. И много других подобных штучек, которые, право, забавнее большей части всех этих балаганов»⁴¹².

«Недавно видел я такого молодца, – писал Фаддей Булгарин в 1856 году, – который толковал любопытным, смотревшим в увеличительное стекло, во внутренность ящика, свои передвижные картинки, и записал его речи:

„Вот вам город Париж,
Что въедешь – то и угоришь.
А вот город Марсель!
Что не видно отсель.
А вот город Питер,
Что барам бока повытер!
Там живут смышленные немцы
И всякие разные иноземцы,
Русский хлебец едят
И косо на нас глядят.
Набивают свои карманы,
И нас же бранят за обманы“ и проч.

Вот вам и поэт *натуральной школы*, который не оглядывается на *прошедшее*, не хочет знать *никаких правил*, составленных в *прошлое время*! Я посоветовал смышленому ярославцу отправиться в Петербург, и определиться в сотрудники *натуральной школы*»⁴¹³.

Известно, что раешники перемещались с народных гуляний на ярмарки (и наоборот), и вполне вероятно, что ярославцы, как и нижегородцы, появлялись в обеих столицах. Ярослав Смирнов обнаружил очерк П. Шестернина «Раек: К характеристике ярославца», опубликованный в 1854 году в «Ярославских губернских ведомостях», где приводятся описания ярославского райка и выкрики раешника, которые, возможно, слышали и петербуржцы:

Надо зашибить копейку – сметливый, переимчивый ярославец долго не задумается, сколачивает, например, из досок четверугольный ящик с коньком наверху, красит его в яркий цвет, покупает картинок, склеивает их концами одну на другую продольно и мотаает на тонкое деревцо, прикрепляя к нему первую картину клеем. Прибор это вставляется потом в боковые отверстия ящика, ближе к задней стенке, на фасе ящика выбуравливаются четыре или пять небольших отверстий, вершка в полтора в диаметре, вставляются в них увеличительные стеклышки, и вот, косморам готова!

Идет с ней предприимчивый крестьянин за наживой на ярмарки, в торговые села и в другие места, где только есть сходбище простолюдинов и уличных зевак, ставит космораму на педаль, и посредством веревочки приводит в движение руку куклы, изображающей испанца или иного рыцаря.

⁴¹² Репертуар и Пантеон. 1843. Т. 1. Кн. 3. С. 231.

⁴¹³ Ф. Б. Журнальная всякая всячина // Северная пчела. 1856. 7 июля.

По этому, как будто магическому, движению кукла начинает хлопать руками, производя звон привязанными к ней медными тарелками и бубенчиками.

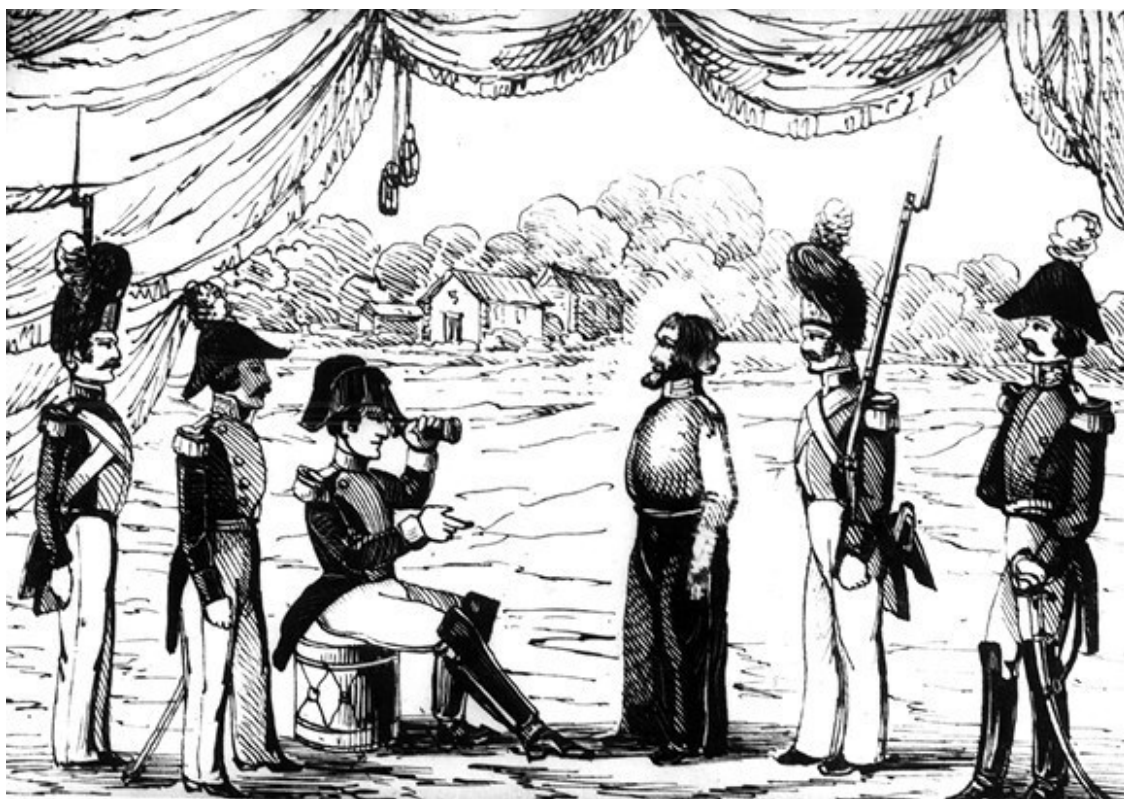
Любители уличных удовольствий с охотой дают косморамщику две копейки, снимают шапку и прикладывают самодовольное лицо свое к стеклышку райка. Когда деньги все собраны, косморамщик посредством проволочной ручки спускает картины с валика одну за другую, изустно толкуя значение каждой, нараспев, виршами, составленными безыскусственным воображением, но не лишенным русского ума дельного юмора.

Вот некоторые из подобных рацей косморамщика, слышимые и на Ярославской ярмарке, всегда возбуждающие в зрителях громкий, простодушный хохот толпы, и достойный внимания даже не толпы:

Вот, изволите видеть,
Французская столица,
На выдумку мастерица;
А мы, хотя народ простой,
Да пришли в Париж на постой!
Вот наши гренадеры,
Енералы и ахвицеры
Гуляют по гульварам,
И кушают и пьют даром.
Вот, изволите видеть,
Война с турками:
Турки валятся,
Как чурки катятся.
А наши как стена стоят,
И Бог милует!
Вот, изволите видеть,
Славный город Париж, —
Поедешь туда, – так угоришь,
А не то и совсем сгоришь!
Вот, изволите видеть,
В Турецком царстве,
В соседнем государстве, —
Вот град Иерусалим.
А там был султан Селим;
Против нас он разхраблился,
Да дорого и расплатился.
Будь он Селим пере-Селим,
А велят, – так насолим,
И себя повеселим.
Русских не тронь,
Не то славный зададим трезвон!
Вот, изволите видеть, – Наполеон.
Пришел с войсками он
В Москву пир пировать, —
Ан, пришел горе горевать:
От битвинья мерзнет,
Щами захлебывается,

В каше вязнет,
В киселе грязнет,
Вместо блинов
Попробовал русских пинков!
А вот дворец Китайского императора.
В нем шесть дворов,
И все на огороде. —
Наши ростовцы там гряды копают,
Да вас всех, господа, вспоминают!

Пусть наши поэты, настроив громки лиры, сладкозвучно поют славу отечества, на страх врагам: у нас в простом народе тот же дух патриотизма дышит и выражается в своеобразных складах, хотя безыскусственных, но также многозначительных и достойных русского сочувствия!⁴¹⁴

Наполеон и пленный казак. Гравированный лубок. 1848

В приведенных выше цитатах упомянуты картинки – «незатейливые лубочные виды», находящиеся в космораме. Лубки «служили неоднократно к скорому распространению любопытных известий, – писал Павел Свинын в 1822 году, – взятие крепостей Минихом, Румянцевым, Суворовым и проч. появлялось тотчас в картинках и с описаниями. В них также можно видеть эпохи странностей мод и вкуса»⁴¹⁵.

⁴¹⁴ Смирнов Я. Жизнь и приключения ярославцев в обеих столицах Российской империи. Ярославль: Александр Рутман, 2002. С. 205–207.

⁴¹⁵ Сн. [И. М. Снегирев]. Русская народная галерея или лубочные картинки // Отечественные записки. 1822. Окт. С. 97–98 (примечания П. П. Свинына).

Владельцев райков, чаще всего бывших солдат, лубки привлекали широкой тематикой и злободневностью, а изображение и текст картинок служили основой для импровизации панорамщика^{416, 417}. Известно, что содержатели райков торговали иногда лубочными изданиями.

В 1854 году в Москве была выпущена серия лубков под названием «Раек», специально посвященная народной панораме. «С большим удовольствием просматривали пять вышедших картин, так называемого *Райка*, изданных в Москве, – сообщал журнал. – В пяти картинах с объяснением, написанным языком тех мужичков, которые на народные праздники приносят свои ящики со стеклами и с маленьким человеком (фигурка на крыше райка. – А. К.), похлопывающим, посредством привязанной к рукам его веревки, в медные тарелки, представлены: рекрутский набор, сон турецкого султана, Синопское сражение, освящение православной церкви в Мачине и бомбардирование Одессы. Картины эти, величиной в обыкновенные лубочные произведения, сделаны, однако, лучше последних. Главное в картинках этих не рисунок, а объяснение. <...> *Раек* расходуется быстро и в Москве и в Петербурге. Множество дешевых, раскрашенных и не раскрашенных литографий выходят из московских литографических заведений: Руднева, Ефимова и многих других. Эти картины, не отличающиеся отделкою, ни композициею, имеют важное значение, распространяясь во всех классах общества и распространяя в народе воспоминания о подвигах соотечественников. Дешевизна этих литографий – следствие их плохого выполнения, способствует их распространению»⁴¹⁸. В левом углу этих видовых листов помещено небольшое изображение райка, а внизу лубка – раешные тексты.

Крупным планом представлена «потешная панорама» с ее владельцем на лубках: «Раек» (1857), «Русский раек» (1857), «Всемирная косморамма» (1858) и «Раешник» (1878). Эти картинки также сопровождаются текстами раешных прибауток.

Как и другие зрелищные формы площадного искусства, раек, подчиняясь нормам народной эстетики и морали, ориентировался на активную игровую реакцию со стороны аудитории. Зритель был не просто потребителем, а порой и сотворцом происходящего.

«Самым главным в раешном представлении, – отмечает А. Ф. Некрылова, – было то, что оно включало три вида воздействия на публику: изображение, слово и игру»⁴¹⁹. Подобно лубку, в котором сопровождающий текст не всегда соответствовал изображению, пояснения косморамщика к картинке, еле различаемой в райке при тусклом освещении свечи или керосиновой лампы, нередко противоречили ее сюжету. «Некоторые панорамщики намеренно прибегали к такому приему, – вспоминает режиссер балаганного театра Алексей Алексеев-Яковлев, – особенно когда входили во вкус и, состязаясь, стремились перетянуть слушателей либо старались „отвести“, обмануть, недреманное око начальства»^{420, 421}.

Театрализованное выступление раешника переводило визуальное изображение на вербальный уровень и включало в игровое соотношение картинку и комментарий к ней. Интересно, что на Западе эстампы в уличной панораме иногда показывали без всяких пояснений,

⁴¹⁶ См. также: Лотман Ю. М. Художественная природа русских народных картинок. С. 482–494.

⁴¹⁷ «Стиль прибауток – мерная рифмованная речь – имеет большое сходство с надписями на лубочных картинках XVIII в., откуда первоначально и брался комментарий раешника» (В. П. [В. Н. Перетц]. Раек // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1899. Т. XXVI. 51-й полутом. С. 106).

⁴¹⁸ «Раек» и его повествование о бомбардировании Одессы // Отечественные записки. 1854. Окт. Разд. VII. С. 123–125.

⁴¹⁹ Некрылова А. Ф. Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища. Конец XVIII – начало XX века. Л.: Искусство, 1988. С. 98.

⁴²⁰ Русские народные гулянья... С. 56.

⁴²¹ Комический эффект достигался, и когда панорамщик случайно, не видя, какую он показывает картинку, пояснял ее, и когда он намеренно произвольно трактовал ее содержание. В 1960-х годах на пляже в Батуми меня привлек к себе инкрустированный ящик с двумя оптическими стеклами, в котором показывались парижские фотооткрытки начала XIX века. Владелец «панорамы», красавица грузинка, повернув ручку, сменила открытку на очередную, на которой был изображен птичник с курами, при этом стала рассказывать мне про парижских модниц.

сопровождая представление игрой на шарманке или гармонии. Отчасти это можно объяснить тем, что в западных панорамах стояли увеличительные стекла (в России были простые), и картинка видна была лучше. К тому же в Западе картинки для народа появились позже, чем лубки в России, и поэтому вызывали больший интерес, в то время как российского зрителя прежде всего притягивали к райку выступления его владельца, а не виды в панораме, часто совсем невнятные.

На Адмиралтейской площади раешники устраивались у балаганных театров и больших каруселей, где собиралась толпа в ожидании представлений, внося заметное оживление своими прибаутками, «произносившимися распевно, большею частью скороговоркой, с легким выделением, подчеркиванием ударных по смыслу текста мест», «соперничая в импровизациях, особенно когда попадались охочие слушатели»⁴²².

Часто для привлечения публики использовались куклы, находящиеся на крыше райка и приводимые в движение владельцем панорамы. Раек осознавался его содержателем как театр: «Честные господа! Пожалуйте сюда! Моего киагра посмотрите, копеечку или грошик подадите!»^{423, 424} Зрелища и представления в праздничных балаганах (театрах, видовых панорамах, больших каруселях, зверинцах) и на самой площади, памятные исторические события, сенсационные новости и городской быт – все это с 1830-х годов входит в репертуар райка, расширяя и обогащая его. Перед зрителями под комментарий владельца «потешной панорамы» проносились попеременно виды городов, герои пантомимы-арлекинад, бородатая женщина Юлия Пастрана (показывалась в Пассаже в середине XIX века), музыканты и скоморохи, вожаки с учеными медведями, уличные торговцы, кит, пойманный в Белом море, знаменитая австрийская балерина Фанни Эльслер, выступавшая в столице, картины русской истории (отступление Наполеона, защита Малахова кургана), популярные лубки; мчался поезд в Царское Село и Москву, уходили из столицы в новые порты пароходы, поднимался на воздушном шаре в Юсуповом саду Вильгельм Берг, извергались Этна и Везувий.

Откликнулись райки и на знаменитые пожары 1862 года: «А вот пожар Апраксина рынка!.. Пожарные скачут, в бочки полуштофы прячут – воды не хватает, так они водкой заливают... чтобы поярче горело!»⁴²⁵

В 1840-х годах для ознакомления иногородней публики с народными праздниками были выпущены специальные игры (с картонными человеческими фигурками и изображениями увеселительных построек): «Гулянье под качелями на святой неделе в С.-Петербурге. Новая картонная игра. Изданная и изготовленная Карлом Губертом» (СПб., 1848) и «Гулянье под качелями на святой неделе на Исаакиевской площади в С.-Петербурге. Новое занимательное увеселение для детей. Изданное И. Трухачевым» (М., 1849). Губерт и Трухачев подробно описывают развлечения на Адмиралтейской площади, представления в балаганах, а также приводят выкрики косморамщиков. (На вклейке к книге Трухачева помещены изображения толпы, уличных торговцев и райка.)

Особый интерес представляет издание Карла Губерта «Рассказы косморамщика, или Объяснение к 16 картинкам, находящихся в космораме» (СПб., 1848), в котором собраны тексты прибауток раешника (от первого лица). В этой книге воспроизведены лубки: «Пляшущий медведь», «Детский бал», «Охота на львов в Африке», «Петербургский разносчик с фруктами», «Купеческий приказчик, поспешающий на ярмарку», «Сраженье с черкесами на Кавказе», «Мужичок с косморамой», «Огнедышащая гора Этна», «Корабль и пароход, или Море»,

⁴²² Русские народные гулянья... С. 55–56. Здесь приведен текст прибауток раешника И. Д. Рябова, выступавшего в обеих столицах и на Нижегородской ярмарке.

⁴²³ Губерт К. Гулянье под качелями на святой неделе в С.-Петербурге. СПб., 1848. С. 2.

⁴²⁴ «„Раек“, лубочная „панорама“, – замечает П. Н. Берков, – в одинаковой мере относится и к народному изобразительному искусству, и к народному театру» (Русская народная драма XVII–XX веков. М.: Искусство, 1953. С. 19–20).

⁴²⁵ Максимов К. Из петроградских переживаний: (Воспоминания старожила) // Наша старина. 1915. № 5. С. 475.

«Спускание змея и гоняние голубей», «Железная дорога», «Город Кронштадт в Трансильвании», «Наполеон и пленный казак», «Воздушный шар», «Фанни Эльслер», «Балакирев-аукционер».

Кем был Губерт – установить не удалось. Что касается лубков, то они явно немецкого происхождения, но приспособлены к тематике столичного райка. К сожалению, издатель не дает никаких пояснений к публикуемым прибауткам, и трудно судить, насколько они аутентичны реальным выкрикам; тем не менее тексты передают характер комментария раешника.

Вот, к примеру, как толкует косморамщик картинку «Железная дорога»: «Теперь, вот, посмотрите сюда, готова для вас новая езда. Не хотите ли повеселиться? По железной дороге в Царское прокатиться? Вот механики чудеса, пар вертит колеса – впереди бежит паровоз и тащит за собой целый обоз: кареты, линейки и вагоны, в которых сидят разные персоны. В полчаса двадцать верст прокатали, вот и к Царскому подкатали! Стой, выходи, господа, пожалуйста в станцию сюда. Погодите немного, скоро будет готова и Московская дорога. Ну, теперь поедете назад, уже пары свистят опять. Кондуктор зазывает, дверцы в вагоне открывает: „Садитесь скорей, господа, опоздаете – будет беда“. Сейчас паровоз идет, тронулись, вот. Полетели стрелой! Дым валит из трубы полосой. Леса и деревни мелькают. В Питер обратно, вот, приезжают! Что, каково прокатились! И не видали, как очутились! Вот какова механики сила. Прежде вас кляча возила».

А вскоре появляется второе подобное издание Губерта – «Балагур, или Новые рассказы косморамщика. Объяснение к 16 картинам, находящихся в космораме. Космораме» (СПб., 1851), но уже с другим корпусом текстов: «Елка», «Пассаж на Невском проспекте», «Летний сад», «Возвращение казака на родину», «Шарманщик», «Париж и колонна в честь Наполеона», «Маленькие птицеловы», «Прогулка по лесу», «Охота за утками», «Дети удят рыбу», «Мелочная лавка», «Жниво», «Швейцарский вид», «С.-Петербургская железная дорога», «Сельский праздник», «Косморамщик». (В экземпляре книги, хранящемся в Российской национальной библиотеке, картинки отсутствуют.)

Как и первая книга Губерта, это издание предназначено, подобно лубку, для развлечений и домашних игр, при этом иногда сентенции косморамщика носят нравоучительно-просветительский характер.

Помимо книг Губерта и Трухачева, выходят в свет несколько изданий с одинаковым заглавием, но разного содержания: «Раек» (М., 1848, 1877, 1879; СПб., 1858) и «Раешник» (М., 1884; СПб., 1887), а также следующие книги: «Иллюстрированный раешник» (М., 1879), «Масленичный раек» (СПб., 1893), «Раек дяди Нила» (М., 1893) и др.

Эта дешевая продукция часто сопровождается иллюстрациями – изображением на обложке панорамщика с райком; картинками с бытовой и событийной тематикой. Книги построены как представление панорамщика на площади (заяв к райку, смена картинок с комментированием, прощание со зрителями), а написаны они раешным стихом по подобию устных выкриков, с воспроизведением фразовых и сюжетных клише.

Такое использование «потешной панорамы» не случайно. Оно диктовалось популярностью и огромным воздействием райка на народную аудиторию.

Вот что писал об этом неизвестный автор в очерке «Панорамщик»:

А уж чего, чего нет у панорамщика в панораме? И славный город Рим, и великая София, и шествие войск за гробом государя императора Александра I Благословенного, и взятие Малахова кургана, и киевские пещеры! Есть у панорамщика и изображения сирен с хвостами, плавающих в море, есть и Еруслан Лазаревич на коне своем...

«А вот, извольте видеть, город Москва, бьет с носка, лежащих подталкивает»... Кто не знает этих присказок панорамщиков, с их удивительным тоническим сложением, с их крупной, рифмованной

бессмыслицею. Жаль, что охочие люди, собирающие народные песни и их варианты, обходят сказания панорамщиков, больше, чем в песнях, и быстрее, чем в песнях, отражается в этих сказаниях современная жизнь, и отражается именно теми сторонами своими, которыми она всегда была и будет чужда и недоступна для песни. Так, например, элемент комизма и сатиры, крайне редко залегающий в наших песнях, удивительно легко и сподручно укладывается в рассказы панорамщика. Рассказы эти, в свою очередь, более, чем песни, поучают зрителей и слушателей, и направляют их мысль в желаемую рассказчиком сторону. Да и говорить-то рассказчик может что хочет. Хотя сущность и окраска рассказа бесконечно совершеннее и интереснее картин панорамы, тем не менее желающих посмотреть больше, чем желающих послушать. Дети и бабы так и льнут к стеклам, и пестрые угловатые рисунки, с их яркими колерами, с их удивительными перспективами и содержанием, часто противоречащим присказкам панорамщика, тянут к себе неудержимо⁴²⁶.

Упомянутые выше книги, имитирующие площадные выкрики, представляют определенный интерес и для реконструкции репертуара райков.

С середины XIX века наряду с переносной «косморамой» на площади появляются внушительные сооружения (стационарные и на колесах), а вместо двух стекол-оконцев теперь на райке три или четыре стекла. В переносном райке картинки менялись, как правило, перематыванием с одного валика на другой полосы с изображениями. В усовершенствованных «панорамах» картинки наклеивались на картон или вставлялись в раму и помещались в специальном возвышении над райком. Эти картинки опускались на шнурах и заменяли или просто загорали одна другую. В последней четверти XIX века в райках демонстрировались не только лубки, но также живописные полотна и даже иллюстрации из книжных изданий.

Изображение райка на петербургских увеселениях можно увидеть, например, на акварелях Василия Садовникова «Балаганы на Адмиралтейской площади» (1849) и Иосифа Шарлеманя «Масленичное гулянье на Адмиралтейском бульваре» (1850-е), литографиях Василия Тимма «Масленица» (1851, 1858), лубках «Русский раек» (1857) и «Вид масленой недели у балаганов» (1857), картине Константина Маковского «Народное гулянье во время масленицы на Адмиралтейской площади в Петербурге» (1869), рисунках А. Афанасьева «Раешник» (1886) и В. Полякова «Масленица в Петербурге» (1895).

Если раек, хотя и в качестве стаффажа, довольно скоро попал в поле зрения художников, то в этнографической беллетристике он появляется только в 1860-х.

Следует заметить, что непонимание и неприятие природы площадного искусства было присуще части образованного общества и писателям-народникам.

Василий Слепцов в очерке «Балаганы на святой» (1862) описывает свои впечатления от пасхального гулянья на Адмиралтейской площади и приводит своеобразную реакцию публики на балаганные представления и выступления раешников. Очерк Слепцова – единственное известное нам свидетельство о том, что на Адмиралтейской площади появлялись иногда раешники-иностранцы.

У подвижной панорамы с круглыми стеклами собрались мальчишки и смотрят; кучер, подпершись в бока и присев, тоже смотрит. Старый немец в картузе с большим козырьком вертит за ручку и серьезно объясняет им:
«Gemälde Gallerie⁴²⁷ – в Дрезден. Sanct Stephan's Kirche⁴²⁸ – у Вьен».

⁴²⁶ Всемирная иллюстрация. 1871. Т. 6. № 134. С. 56.

⁴²⁷ Картинная галерея (искаж. нем.).

⁴²⁸ Церковь Святого Стефана (искаж. нем.).

«А нижегородские бани есть?» – спрашивает кучер.

«Нет», – строго отвечает немец.

«Это ничего не стоит», – говорит кучер, отходя от панорамы. Мальчишки молча продолжают смотреть.

«Петька, ты что видишь?» – спрашивает один другого.

«Ничего не вижу. Черт его знает что».

«Мотри сюда. Здесь видней». – Мальчишки меняются местами.

«Да и здесь все то же...»

«Теперь довольно», – говорит немец.

Мальчишки с неудовольствием отходят.

У другой панорамы зрителей гораздо больше, слышен хохот и однообразный голос причитает нараспев:

«А вот персидский шах Махмад, его жена Матрена сидит на троне, никто ее не тронет.

Вот Сенька на дудке играет, ее потешает, а Гришка Отрепьев на барабане сидит, сам картофелем в нее палит.

А вот, смотрите, господа, город Аршава: она прежде была шершава, нынче сгладили.

А это – город Лондон. Аглицкая королева Виктория едет разгуляться в чисто поле. Агличане в лодках катаются, сами себя держат за яйца, горячими слезами обливаются, потому как они горькие сироты, нет у них ни отца, ни матери».

«Ну-ка, повеселей, повеселей!» – вдруг кричит кто-то.

«По грошу с носа надбавки», – замечает голос; зрители собираются в кучу и, притаив дыхание, слушают продолжение. Раздается смех. «А, чтоб тебя! – восклицает кто-то от избытка удовольствия. – Уморил со смеху. Ах, в рот те...» и т. д.⁴²⁹

Обратим внимание и на забытый рассказ Ивана Генслера «Масленица, народное гулянье у гор в Петербурге» (1863), в котором автор знакомит читателя с райком:

Позвольте попросить взглянуть в стеклышко, в панораму. По копейке всего заплатим. Смотрите, краснобай, вертя валы, на которых навиты картины-виды, начинает говорить:

Вот турецкий город горит,
Паскевич на коне сидит,
Ничего не говорит,
А только говорит: пускай себе горит.
Вот сражение при крепости Варне:
Турки валятся, как чурки,
А русских Бог милует,
Все без голов стоят,
Трубки покуривают.

Смех окружающей публики.
Вот улица,
По улице бежит курица,

⁴²⁹ Слепцов В. А. Уличные сцены: II. Балаганы на святой // Слепцов В. А. Сочинения: В 2 т. М.: ГИХЛ, 1957. Т. 1. С. 52–53.

Курица бежит,
На нее булочник глядит,
А погнаться боится:
Мало ли что может случиться —
Пройдет хожалый,
Прибьет, пожалуй.
Вот город Париж,
Войдешь туда, так угоришь.

А вот свадьба Генриха IV, на ней русской армии сорок тысяч. Там их угощают: суп аршете на чистой воде с осиновой коркою. Медведь начинает мороженое вертеть, жареная ворона с уксусом. Суконные ватрушки с дресвой. А французы-голопузы сушат на ногах арбузы.

Непрерывный смех.

А вот еще – больше ничего, по-нашему – все! – заканчивает он⁴³⁰.

В 1873 году гулянья были перенесены на Царицын луг (Марсово поле), куда перебрались и райки. Нам неизвестно, сколько панорамщиков выступало на Адмиралтейской площади и Царицыном лугу, так как они участвовали в народных праздниках без подачи прошений, т. е. не платили за место на площади. Именно поэтому среди обнаруженных архивных документов, связанных с организацией и проведением гуляний, сведения о владельцах «потешных панорам» отсутствуют.

Интересен также факт, что владельцы райков, в отличие от остальных устроителей зрелищ, не приглашались на официальные праздники в Петербурге, проводимые ежегодно городскими властями⁴³¹, вероятно, из-за непредсказуемости и неподцензурности их прибауток.

В 1881 году Дмитрий Ровинский опубликовал подобные раешные выкрики:

«А вот извольте видеть, господа, андереманир штук – хороший вид, город Кострома горит; вон у забора мужик стоит – сцыт; квартальный его за ворот хватает, – говорит, что поджигает, а тот кричит, что заливает».

Еще картинка:

«А вот андереманир штук – другой вид, город Палерма стоит; царская фамилия по улицам чинно гуляет и нищих тальянских русскими деньгами щедро наделяет».

«А вот извольте посмотреть андереманир штук – другой вид, Успенский собор в Москве стоит; своих нищих в шею бьют, ничего не дают» и т. д.

В конце происходят показки ультраскоромного пошиба, – о том, например, как: «зять тещу завел в осиновую рощу», и о том, как: «она ему твердила...» и т. д., которые для печати уже совсем не пригодны^{432, 433}.

В 1888 году Анатолий Бахтиаров писал в физиологическом очерке «Народное гулянье на Марсовом поле»:

Следует упомянуть и о раешниках, которые тоже с успехом подвизаются на гулянье.

⁴³⁰ Воскресный досуг. 1863. Т. 1. № 3. С. 40–42.

⁴³¹ См., напр.: Об устройстве народных гуляний в 1867 году // ЦГИА СПб. Ф. 514. Оп. 1. Д. 510.

⁴³² Ровинский Д. Указ. соч. Кн. V. С. 231–232.

⁴³³ Ср.: «Порою прибаутки раешника доходят до крайнего цинизма, особенно при отсутствии полицейского надзора и при наличии „любителей“» (В. П. [В. Н. Перетц]. Раек // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1899. Т. XXVI. 51-й полутом. С. 106).

Пожалуйте, господа, панораму смотреть!
Показываю, рассказываю:
Про города все столичные,
Потому преотличные!
А вот и я, развеселый грешник,
Великопостный потешник —
Петербургский раешник
Со своей потешной панорамой:
Верчу, поворачиваю,
Публику обморачиваю.
А себе пяточки заколачиваю!
Вот изволите видеть:
Город Лондон!
Живут там англичане,
Вечно в дыму и тумане.
Там на десять богачей —
Миллион стрекачей,
В дыму не имеют хлеба,
А так себе шлятся,
Кой-чем побираются!
А это – город Константинополь,
По-прежнему Царьград.
А кто туда попадет,
Так и сам не рад.
Там живет турецкий султан,
Он имеет свой «диван»,
А на диван-то не садится,
Потому что сам его боится.
А это – город Париж!
Когда туда приедешь,
Так и угоришь.
Оттуда каждого года
Идет к нам мода.
Наша знать
Ездит туда денежки мотать:
Туда-то едут с полным золота мешком,
А оттуда возвращаются пешком.
А это – город Питер,
Которому еврей нос вытер.
Это город – русский,
Хохол у него – французский,
Рост – молодецкий,
Только дух – немецкий!
Да это ничего: проветрится!
Воды в нем – тьма-тьмушая:
Река течет пребольшушая,
А мелкие реки не меряны,
Все счета им потеряны!

А вот и петербургская дама,
Только не из Амстердама;
Приехала из Риги,
Продавать фиги.
Купеческих сынков обставляет,
Да сети им расставляет.
Карьеру начала с прачки,
Да давали ей много потачки...

Около раешника – всегда толпа разной молодежи, преимущественно школьников и гимназистов⁴³⁴.

Как и прежде, показывали в райке основателя города и панораму столицы.

«Картинка переменяется, выходит петербургский памятник Петра Первого:

А вот андереманир штук – другой вид,
Петр Первый стоит;
Государь был славный
Да притом же и православный;
На болоте выстроил столицу,
Из кухарки сделал императрицу»⁴³⁵.

А вот извольте посмотреть:
С птичьего полета, а может и выше —
С золоченой адмиралтейской крыши,
Как на ладони – весь город Питер,
Что многим бока повытер»^{436, 437}.

Выкрики острословов приводятся в сообщениях о народных увеселениях: «А раешник так и надсаживается грудью, орет во все горло: „И вот город Париж, приедешь туда – угоришь!.. Сам Наполеон бросил трон, за сороковкой бежит в кабак, вот как... Важно!.. А вот город Италия и так далее... А вот англичка нация... Турок ее за нос водил-водил, денег не заплатил, потому у самого везде пусто, да и в кармане не густо: в одном кармане блоха на привязи кадрель танцует... Лихо!“»⁴³⁸.

Петербургские газетчики все чаще прибегают к раешным прибауткам в своих обозрениях гуляний, написанных от лица панорамщика: «На Царицыном лугу стоят балаганы, бьют в них барабаны, из ружей стреляют, войну изображают, турок побивают! Там показывают „Кашея“, а там „Два злодея“, а Малафеев показал силу, закатил „Аскольдову могилу“!»⁴³⁹ Публика кру-

⁴³⁴ Бахтияров А. Брюхо Петербурга. СПб.: Изд-во Ф. Павленкова, 1888. С. 314–316. См. также: Лейферт А. В. Балаганы. Пг., 1922. С. 68.

⁴³⁵ Ровинский Д. Указ. соч. Кн. V. С. 231.

⁴³⁶ Алексеев-Яковлев А. Я. Воспоминания. С. 89.

⁴³⁷ К 1850-м годам относится литография И. И. Шарлеманя, изображавшая вид города с птичьего полета (с воздушного шара), которую, возможно, показывали в райке.

⁴³⁸ Петербург ночью // Петербургская газета. 1880. 29 февр.

⁴³⁹ Имеются в виду постановки «Кашей Бессмертный, или Царевич и трехглавый змей», «Бродяги» и «Аскольдова могила», которые шли на гуляньях 1888 года в балаганах Я. И. Вульфа и В. М. Малафеева (см.: Лейферт А. В. Балаганы // Петербургские балаганы. С. 55).

гом ходит чистая, суконная, форсистая, – а неважная, просто сермяжная, еле-еле пробьется к карусели, на качелях качается, балаганным делом утешается... А то заплатит пяточок и глядит к нам в раек!»⁴⁴⁰

Раек используется антрепренерами площадных театров для рекламы постановок. В 1897 году, когда в балагане Абрама Лейферта шло представление «Семь Симеонов»⁴⁴¹, содержанием этого театра была выпущена и сама пьеса, переложенная на раешный стих: «Рассказ раешника о представлении в театре Лейферта под названием „Развлечение и Польза“ на Царицыном лугу во время сырной недели 1897 года» (СПб., 1897). Издание открывается зазывом панорамщика:

Господа, пожалуйста, подходите,
Очи протрите
Да представление мое посмотрите!

Показывая и комментируя картинки, раешник излагает содержание «Семи Симеонов», а в заключение провозглашает:

Почтенная публика,
Места от гривенника до рублика!
Подходите, платите,
На «новую» посмотрите.
Пожалуйте!

Раек появляется и на сцене балагана, где его владелец выступает как персонаж представления. Сохранился сценарий феерии-арлекинады «Волшебные блины, или Проказы Арлекина на масленице», поставленной А. Я. Алексеевым у Лейферта в 1893 году⁴⁴². В пятой картине арлекинады сцена являет собой праздничную площадь со всем комплексом увеселительных построек. «Слышна в разных местах музыка, раздаются крики торговцев, шутки карусельного деда, прибаутки раешника. Картина весьма оживленная. <...> Раешник (*у панорамы*): „А вот, извольте посмотреть: купецкая гостиная, не то новомодна, не то старинна; разные висят по стенам картины⁴⁴³, начинается с середины: посредине висит муж – сед и именит – хозяин добродетель чтит, а по сторонам его двое – наши знаменитые герои: один – батюшка Кутузов, что отморозил пятки у французов, другой – герой Кульнев⁴⁴⁴, которому во славу и честь, даже у немцев крест железный есть; а вот, извольте смотреть, и хозяйский портрет в золотую раму вдет, хоть рожа и не схожа, да книжка похожа – значит, грамотный!“»⁴⁴⁵

Владельца райка на Марсовом поле вспоминают Александр Бенуа и Л. Иванов.

Раешник был таким же неременным и популярным элементом балаганного гулянья, как и дед, но его приемы были более деликатные,

⁴⁴⁰ Х.-С. Раешник. СПб., 1889. С. 45. «Не взыщите, картинки самодельные, не ученые, – иронизирует Х.-С., – а при сказки – редактором подстриженные, в приличный вид приведенные» (Там же. С. 32). В этот сборник вошли тексты раешника, печатавшегося под псевдонимом Х.-С. в газете «Свет» с января 1888 по март 1889 года.

⁴⁴¹ Лейферт А. В. Балаганы. Пг., 1922. С. 58.

⁴⁴² Там же. С. 57.

⁴⁴³ В книге «Апраксинцы: Сцены и очерки из быта и нравов петербургских рыночных торговцев и их приказчиков полвека назад» Н. А. Лейкин приводит описание квартиры апраксинского купца 1850-х годов. См. в наст. изд. статью «Быт петербургского купечества в XIX веке», примеч. 21.

⁴⁴⁴ Яков Петрович Кульнев (1763–1812) – полководец, герой Отечественной войны 1812 года; генерал-майор, гусар; погиб в бою.

⁴⁴⁵ Петербургские балаганы. С. 157–158.

вкрадчивые. Всегда, кроме двух клиентов, которые приклеивались глазами к большим оконцам его пестро размалеванной коробки, вокруг толпились, ожидая очереди, с полдюжины ребят и взрослых. Картинки внутри райка «были самые незатейливые, кое-как раскрашенные, а то это были просто иллюстрации, вырезанные из журналов и наклеенные на картон. Зато чего только не «врал» раешник! Запомнились особенно классические пассажи: «Вот город Амстердам, в нем гуляет много дам». – «А вот город Париж, приедешь и угоришь, французы гуляют, в носу ковыряют». Про королеву Викторию гласило так: «А вот город Лондон, королева Виктория едет, да за угол завернула, не видать стало». Хороший раешник знал десятки всяких прибауток, причем он их варьировал, стараясь потрафить вкусу данного сборища публики или даже высказаться на злободневные темы⁴⁴⁶.

Рядом примостился раешник. – «А вот извольте посмотреть, – вопит он, – город Париж, туда приедешь – угоришь!» Прильнув к запотевшему стеклышку, вы видите какую-то лубочную картинку, на которой ничего нельзя разобрать, а раешник продолжает: «А вот Папа Римский, что не пьет водки „Крымской“, а все очищенную!» – «Молодчина!» – искренно восхищается кто-то. Ведь тут все принимается за чистую монету. Меняя картинки, раешник неизменно почему-то прибавляет, но уже совершенно другим тоном: «Идут и едут!» Кто идет, кто едет и куда – покрыто мраком неизвестности. Показав несколько совершенно бессмысленных картинок, он восклицает: «А вот извольте посмотреть, два дурака дерутся, а третий смотрит!» Однако на картинке видны только двое. – «Дяденька, – любопытствует зритель, – а где же третий?» – «А ты-то! – хладнокровно отвечает раешник и заканчивает: Хороша, да последняя!» Сеанс окончен. Платим пятак и двигаемся дальше⁴⁴⁷.

На рубеже XX века народный балаган был подменен общедоступным театром; исчезли с площади и райки. Началу изучения петербургских гуляний предшествовал период их популяризации. Уже в 1910-х периодика наполнилась воспоминаниями о былых увеселениях «на балаганах». Не забыли упомянуть в них и раешника-острослова.

«Еще забавлял раешник, – писал театральный деятель Николай Дризен в 1915 году. – Примостившись в досчатой будке, он собирал пятаки какими-то необыкновенными картинками. Чего только у него здесь не было: и „Извержение итальянской горы Везувия“, и „Пир Валтасаров“, и модный в то время сюжет „Знаменитый разбойник Чуркин, он же скопинский банкир Рыков“. Однако, картины представляли наименьший интерес у раешника. Интересен он был сам, неистощимый на всякие прибаутки, с такой удивительной рифмой, которой свободно позавидовал бы любой из наших футуристов»⁴⁴⁸.

Таким образом, раек в процессе своего бытования вобрал в себя различные зрелищные формы праздничной площади: видовую панораму, выступления кукольников и зазывал, рекламу, балаганное представление, а также оказал воздействие на литературу для народа и лубочную продукцию. Если говорить о хронологической последовательности развития репертуара райка, то здесь прослеживается следующая тенденция: видовые сюжеты постепенно вытесняются бытовыми.

«Потешная панорама» играла роль устной народной газеты, и обозрения панорамщиков затрагивали в основном текущие события. В этом смысле представляют особый интерес ред-

⁴⁴⁶ Бенца А. Н. Мои воспоминания. Кн. 2. С. 292–293; Кн. 1. С. 217–218.

⁴⁴⁷ Иванов Л. Указ. соч. С. 5–6.

⁴⁴⁸ Дризен Н. В. Сорок лет театра. С. 23. См. также: Ауслендер С. Указ. соч.; Бразуль Д. Указ. соч.

чайшие записи выкриков московских раешников из фондов Государственного центрального театрального музея им. А. А. Бахрушина, помещенные в Приложении. А так как владельцы райков нередко выступали попеременно в обеих столицах, эти прибаутки могли звучать и на площадях Петербурга.

За содействие в работе благодарю Катриону Келли (Оксфорд), Розанну Джакуинту (Венеция), а также Викторию Горбачеву, Веру Окунь, Аркадия Блюмбаума, Василия Коковкина.

1989, 2005

Приложение

Текст зазывалы райка на народных празднествах в Москве в дни коронации ⁴⁴⁹

Покалякать здесь со мной подходи, народ честной, и парни, и девицы, и молодцы, и молодичицы, и купцы, и купчихи, и дьяки, и дьячихи, и крысы приказные, и гуляки праздные, покажу вам всякие картинки, и господ, и мужиков в овчинке, а вы прибаутки да разные шутки со вниманьем слушайте, яблоки кушайте, орехи грызите, картины смотрите да карманы берегите.

Облапошат!

Вот, смотрите в оба, идет парень и его зазноба: надели платья модные да думают, что благородные. Парень сухопарый сюртук где-то старый купил за целковый и кричит, что он новый. А зазноба отменная – баба здоровенная, чудо красоты, толщина в три версты, нос в полпуда да глаза просто чудо: один глядит на вас, а другой в Арзамас.

Занятно!

А вот город Вена, где живет прекрасная Елена, мастерица хранцузские хлебы печь: затопила она печь, посадила хлебов пять, а вынула тридцать пять. Все хлебы хорошие, поджарые, сверху пригорели, снизу подопрели, по краям тесто, а в середине пресно.

Страсть как вкусно!

Перед вами город Краков. Продают торговки раков. Сидят торговки все красные и кричат: а раки прекрасные. Что ни рак – стоит четвертак, а мы за десяток дивный берем только две гривны да каждому для придачи даем гривну сдачи.

Торговля!

Друзья сердечные, тараканы запечные, карманы держите да дальше смотрите. Вот на Ходынском поле гуляет народ на воле, и девки-краснухи, и дети, и старухи. Вот гуляет франт, сапоги в рант, брови колесом, шишки под носом, подле носа папироса, кудеры завиты, глаза подбиты: так фонари и светятся до зари. А вот и еще три: один в шапке, другой в тряпке, третий на железной подкладке: нос в табаку, сам провалился в кабаку.

Раздолье!

А вот в московском Яре бегают как на базаре. Кутит купец московский, нализамшись уж чертовски, а все выпить рад. Сам черт ему не брат: не препятствуй его ндраву, разнесет все на славу. А от него направо плывет, точно пава, мамзель из иностранок, из тамбовских мещанок, поцелуй ему подносит да ласково так просит: распотешь свою мамзелю, разуважь на целую неделю, поднеси английского элю. И купец потешает, мамзель угощает, а сам водку пьет, инда носом клюет, закусточку готовит да чертей по столам ловит!

Дай бог всякому!

⁴⁴⁹ Текст зазывалы райка на народных празднествах в Москве в дни коронации. Май 1883 г. (Государственный центральный театральный музей им. А. А. Бахрушина. Ф. 144, арх. М. В. Лентовского, № 910–911).

А вот в городе Цареграде стоит султан на огаде. Он рукой махает, Омер-пашу призывает: Омер-паша, наш город не стоит ни гроша! Вот подъехал русский солдат, банником хватя его в лоб, тот и повалился как сноп, все равно что на грош табачку понюхал.

Ловко!

Гляди, нация женская, вот изба деревенская: на палатах мужик пьяный выворотил карманы, накрылся и спит да как дудка храпит. А женка кособокая, баба краснощекая, на пьяного дуется и в углу с парнем целуется.

Приятно!

Поворачиваю еще машину, а вы дайте по алтыну старику на водку, промочу свою глотку. Перед вами барин, не то жид, не то татарин, а то, может быть, и грек, очень богатый человек. Он по бульвару спокойно гуляет, вдруг кто-то из кармана платок таскает. Барин это слышит, да нарочно еле дышит. На то он и держит банкирскую контору, чтоб не мешать никакому вору: сам, видно, с маленького начинал.

Чисто!

Вот вам площадь городская, хорошая такая и убранная к тому же, что ни шаг, то лужи, и украшениям нет счета, где ни взглянь, там болото, а пахнет как будто роза, потому что везде кучи навоза.

Чисто!

А вот, братцы, баба пьяная, старая да рваная, пристаёт к кавалеру, чтоб взял ее на квартиру: а бери без опаски, жить будем в ласке. Кавалер на нее глядит да так и говорит: кому не понравится такая красавица: руки как щетки, волос короткий, уши длинные, на щеках морщины, рожа как луковица, вместо носа пуговица, да и та красней мака, а стара как попова собака, а не то и старее. Брысь поскорее.

Прощенья просим!

Раек⁴⁵⁰ (конец XIX – начало XX века)

Здравствуйте, господа разные, и дельные, и праздные, и трезвые, и пьяные, и скромные, и рьяные, и молодые, и старые, и полные, и сухопарые!

От блинного угара едва дышу, а все же вам раек показать спешу! Картинки разные есть, всех не перечесть, сами посмотрите, да если есть досуг, перечтите! Райком вас на совесть угощу и похвал за это никаких не ищу, а если блинами меня не угостите, не взыщу. К райку скорее подходите, картинки смотрите да по гривеннику заплатите, если имеете, а затрат не пожалеете, и не будет вам обидно, потому что в райке много смешного видно!

Вот, братцы, картина: в ноябре месяце комета Бэла чуть-чуть нашу землю хвостом не задела. Об этом предсказали ученые мужи, у которых ум нашего с вами не уже. Газетчики-умники выпустили насчет конца мира книжки, на которые плевали даже и глупые мальчишки, а с больших дурачков они собрали много за это пятакков.

Занятно!

Вот тоже картинка чудесная, хотя давно всем известная: как железные дороги ломают нам руки и ноги! Вот, например, Архангельская железная дорога, много простора взяла она у бога. По этой дорожке мы ездим разгонять тоску, по ней же привозят нам рыбу-треску, от которой так воняет, что нашим ассенизационным обозам не уступает.

Зажимайте, братцы, нос!

А вот еще дорога, однова дохнуть – великий Сибирский путь. Прежде воров кассиров и банкиров доставляли в Сибирь через год, а теперь порядок не тот: в миг один доставят на Сахалин.

⁴⁵⁰ Раек (конец XIX – начало XX в.) (Государственный центральный театральный музей им. А. А. Бахрушина, № 145907).

Штука важнецкая!

А вот московскую картинку покажу, об Екатерининском парке расскажу. В этом парке днем не гуляют даже и куфарки. А ночью и зимой и летом жуликов столько обретается, что всякий прохожий на них натывается и остается не только без часов, но и без носовых платков. Приходит домой гол как сокол.

А вот вам здание, вроде как бы бандитное, это общество Кредитное, преобладающая сума, денег в ней дают помногу под негодные дома. Словом, много наделала шума и гама эта московская Панама.

Молодцы ребята!

А вот резиновые шины, от которых стонут дамы и мужчины! Шины кладут на них особый отпечаток, окачивают грязью с головы до пяток. Дума наша этому тоже удивляется, к шинам приспособить щиты старается, сама на резинах катается, а дело на вершок вперед не продвигается.

Уперлось!

Это городская мостовая! Проезжайте по ней хотя пять сажень, хотя путь такой не велик, но вам так насует под микитки, что вымотает всю душу до нитки.

Штука важнецкая!

А вот еще штука, стоит жука. Смотрите-ка сюда: это декаденты-господа! Писатели-любители, здравого смысла губители. Описывают, как поют миноги, как рыдают зеленые ноги. У них все не по-нашему: чувства у них красные, звуки ананасные, в сердце булавки, в затылке пиявки, в голове Гоморра и Содом – словом, кандидаты в желтый дом!

Туда им и дорога!

А теперь вам случай представится посмотреть, как Москва освещается. Кой-где горит электричество, кой-где газ, а на других улицах хоть выткни глаз, зги не видно, вот что обидно!

Московские капиталисты у нас очень речисты. Решили, чтобы хитровский притон имел великосветский тон, хотят деньги собрать и его преобразовать! А по-моему, на хитровских аристократах костюм всегда останется в дырах и заплатках!

Так-то!

Нет хуже в Москве беды, как недостаток воды. Дума дать городу водицы бы не прочь, но боится, что ей в ступе нечего будет толочь. Вот он городской водопровод, источник стольких забот, ситного пирога ему с горохом в рот!

А вот смотрите: городская ассенизация. Когда-то у нас будет, наконец, канализация?

Большая с ней проклемация!

А вот на оперной сцене поставили недавно «Троянцы в Карфагене». Слушающий их народ от скуки разодрал весь рот.

Вот еще сюжет: вводят у нас трезвость несколько лет, и многие обет не пить вина дали, но как в общество попали, так и пропали. Вот вам, например, джентльмен, этого общества член, смотрите! Но с него примера не берите!

Вот рекомендательные конторы, на них направлю ваши взоры. Конторы рекомендательные, они же карманообирательные. Хотите в них прислугу нанять, вам спешат такую дать, которая через день норовит удрать, а деньги вы за нее должны отдать, иначе они другой прислуги не рекомендуют, а рекомендуя, снова надуют отлично, что совсем не комично, а неприлично. Нанимаете вы кухарку Парашку, платите за нее пятирублевую бумажку. Парашка через день убегает, а бумажка ваша пропадает.

Скверно!

А вот, братцы, картинка-новинка про наши науки, какие она выкидывает штуки. Дошла до того, что у нас теперь и по воздуху летают, и разговоры за тысячу верст по проволоке понимают, и электричество к нам в жильё запускают, на разных органах неведомые певцы поют и играют – словом, ученые на все руки нам арапа заправляют! Какой-то мудрец электричеством

слепых лечит и их сотнями калечит. Был сначала человек только слепой, а как полечился, так стал и хромым, и немой, и с безумной головой. Нельзя! На то и науки! А то один профессор изобрел способ никогда не умирать. Ну что ему на это сказать? Может, правда, а может, и врет, – кто его разберет!?

А то еще штука: без проволоки телефон. По-нашему, это вот что: сидят за столом «он» и «она», «она» глупая жена, а «он» ламиделамезон, вот, стало быть, под столом при муже наступил на ножку ей «он», и вышел без проволоки телефон! (Картина.) Ловко, задави их машиной, придумали! Чтобы выдумать такие штуки, не нужно и науки.

Не только мы русские да жители французские, но и всякая живущая в Москве нация знает, что у нас везде и всюду фальсификация. К примеру, московский дешевый трактирный чай вы возьмите да его хорошенько рассмотрите. Чего только там нет? Там и липовый цвет, и мякина, и навоз, и солома – словом, все, что есть в деревне у хорошего мужика, хозяина дома.

А попробуйте попить винца или пивца? Дадут вам французского портвейну с русским ярлыком, сразу делается болезнь не только с языком, но и с брюхом, можно умереть единым духом! А пиво? С глицерином, с кукельваном; как выпьешь, сразу сделаешься болваном!

Так-то-с!

А вот идет к нам, братцы, скоро винная монополия. Не видать больше водочным торговцам и кабатчикам своего раздолья. У иного денежки наживать есть большой аппетит, а изволь продавать водку, как казна велит. Впрочем, кабатчики не дураки, всегда обойти закон сумеют и мало и прежних порядков пожалеют. Захотите вы выпить «жулика» за пяточок, вам подадут его в трактире, и – молчок! А когда будете платить, вам не преминут заявить: за салфетку – пяточок, за закуску – четвертачок, тридцать копеек итого, отдадите и – больше ничего!

Так-то!

А вот теперь за границей погоржусь, вот вам, господа, картинка: Дрейфус! Его дело шло не одну неделю, несмотря на то что он выбрал в защитники Золю-Емелю. Дела хоть и не проиграл, а на Чертовом острове побывал!

А вот господин Дерулед, который причинил Франции немало бед, за что его не приласкали и из Франции в шею погнали!

А вот картинка, как воевали американцы и испанцы и как первые последним насыпали в ранцы, после чего испанцы потеряли все шанцы!

А вот картинка новая с разными фигурами: война англичан с бурами.

А вот отрадная картина для русских взоров: наш родной герой Суворов переходит Чертов мост. Ура! Бери в штыки!

А вот и Ломоносов, первый наш ученый, в русской школе испеченный, прежде был архангельский мужик, а потом стал разумен и велик. О нем много нечего объяснять, каждый из вас должен о нем хорошо знать.

Для поклонников моего райка и этого довольно пока, а то надоест боюсь!

Адью-с!

«ТРАКТИРНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ» КАК ФАКТ БЫТА И ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ СТАРОГО ПЕТЕРБУРГА⁴⁵¹

Вере и Саши Окунь

К истории «трактирных заведений»

В очерке «Русская ресторация» (1843) Фаддей Булгарин писал:

Русский трактир есть место столкновения старинной Руси с Европой. Вы помните знаменитые слова Великого Князя Владимира, *краснаго солнышка*, когда он, будучи еще в язычестве, отвечал послам Хазарским, предлагавшим ему принять магометанскую веру: «*Руси веселие есть пити!*»⁴⁵² Образованная Европа решила, что порядочный человек должен есть хорошо – и вот из этих двух стихий, старинного русского *пити* и европейского *есть*, составилось одно целое, которое, впрочем, не примыкает плотно ни к старине, ни к новизне, ни к древней Руси, ни к Европе, а приняло уже свой собственный характер под именем *русского трактира, герберга*⁴⁵³ и *ресторации*. Для новой вещи надобно было и новое слово!

В старинной Руси, при царях, не было трактиров, рестораций и гербергов. Простой народ пил зелено вино⁴⁵⁴ в царских кабаках, а мед и пиво в кружалах⁴⁵⁵. <...> Простой народ, подобно всем древним народам, трапезничал под открытым небом, в *обжорных рядах*. <...> Горячее, т. е. щи, похлебку, жареного гуся под подливую едали в харчевнях, куда ходили только приезжие купцы. <...> Постоялые дворы и харчевни служили приютом только для иногородних. <...> В харчевни не ходили тогда угощать друг друга, а угощали дома, и купец лишился бы доброй славы, если подгулял в кабаке или кружале. Пили дома в кругу приятелей, приглашая их на *попойку*.

Трактирная жизнь в России начала развиваться со времен Петра Великого <...> особенно при построении Петербурга. <...> Иноземцы начали смешиваться с русскими, и все отношения содействовали к распространению и укоренению иноземных обычаев»⁴⁵⁶.

Первый «питейный дом» был устроен Петром I для своих приближенных и знатных гостей. Историк города Андрей Богданов называет его «Австерией»⁴⁵⁷. «Австерия была на Санктпетербургской стороне на Троицкой пристани у Петровского мосту. Сия Австерия была торжественная, пред которою Государь Петр Великий отправлял почасту фейерверки и тор-

⁴⁵¹ Впервые: «Трактирные заведения» как факт быта и литературной жизни Старого Петербурга // *Europa Orientalis*. 1998. № 1. С. 19–42. Публ. по: «Трактирные заведения» как факт быта и литературной жизни Старого Петербурга // *Петербургские трактиры и рестораны* / Сост., вступ. ст., примеч. А. М. Конечного. СПб.: Азбука-классика, 2006. С. 3–57. Дополненный и исправленный вариант.

⁴⁵² «Руси есть веселие пити, не можем без того быти» («Повесть временных лет»).

⁴⁵³ Герберг (от нем. Herberge) – постоялый двор.

⁴⁵⁴ Зелено вино – крепкий напиток, перегоняемый из заквашенного хлеба.

⁴⁵⁵ Кружало – (от нем. Krug – кружка) – питейный дом.

⁴⁵⁶ *Булгарин Ф. В.* Русская ресторация // *Булгарин Ф. В.* Очерки русских нравов, или Лицевая сторона и изнанка рода человеческого. СПб., 1843. С. 32–33.

⁴⁵⁷ Австерия (вероятно, от *итал.* osteria) – таверна.

жества»⁴⁵⁸. Вспоминают это заведение также иностранцы, посетившие Петербург в петровское время: «У самого моста в [Петропавловскую] крепость, слева от входа, расположен наилучший каба́к, или пивная, где на счет его царского величества продают вино, карты, пиво, водку и табак, поскольку торговля этим по всей стране принадлежит ему одному»⁴⁵⁹, «главный каба́к, или большая императорская таверна, стоит по дороге к мосту, ведущему в крепость»⁴⁶⁰. Уже при Петре I в городе работали пивоварни⁴⁶¹, были открыты винные погреба, в которых иностранные и российские купцы торговали «заморскими виноградными напитками»⁴⁶².

Трактирные заведения в XVIII веке находились в центре городе, в районе слободы морских служителей. «Адмиралтейская площадь, Невский проспект до Полицейского моста, перекресток Морской и Невского являлись излюбленным местом для трактирщиков. Большинство содержателей трактиров были иностранцы, к этим последним принадлежали и посетители, русский человек, особенно среднего класса, вообще не привык к трактирной жизни, к трактирным обедам»⁴⁶³.

Для простонародья («подлых людей», как именовался народ в правительственных актах в XVIII веке) предназначались «казенные питейные дома, прежде сего называемые кружалами, в которых продаются в мелкие чарки вино, водка, пиво и мед для простого народа»⁴⁶⁴. Питейные дома размещались в центре города (несмотря на многократные попытки перевести их на окраину), у городских застав при въезде в Петербург, около рынков, гостиных дворов и торговых площадей. В 1746 году было предписано у входа в заведение на специальной доске иметь вывеску «Питейный дом, именуемый казенным», однако многие владельцы предпочитали наименование «Каба́к». И только в 1779 году в договор на аренду был включен пункт, обязывающий иметь вывеску «Питейный дом» вместо вывески «Каба́к». В царствование Александра I, когда была введена казенная продажа вина, к словам «Питейный дом» присоединили изображение герба – двуглавого орла. У горожан каба́к имел свою кличку по фамилии владельца («Чичерин») или места («Мало-Охтинский»); иногда такое прозвание официально закреплялось за заведением, хотя чаще давали прозвища: «Матрешкин питейный дом», «Костыль», «Дункин каба́к» и пр.⁴⁶⁵

Следует заметить, что многие топонимы произошли от названий каба́ков: Теряева улица – от «Теряева питейного дома»; Барочная улица – от каба́ка «Барка называемый»; Гулярная улица – от «Гулярного каба́ка»; Полозова и Шамшева улицы – от «питейных домов», носящих фамилии их владельцев; Поцелуев мост – от каба́ка «Поцелуй»; Глазов и Кокушкин мосты – от одноименных заведений⁴⁶⁶ и т. д.

⁴⁵⁸ Богданов А. И. Историческое, географическое и топографическое описание Санктпетербурга, от начала заведения его, с 1703 по 1751 год... со многими изображениями первых зданий; а ныне дополненное и изданное В. Рубаном. СПб.: [Тип. Воен. коллегии], 1779. С. 153.

⁴⁵⁹ Беснятых Ю. Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л.: Наука, 1991. С. 112–113.

⁴⁶⁰ Там же. С. 220.

⁴⁶¹ Там же. С. 217, 218 и др.

⁴⁶² Богданов А. И. Историческое, географическое и топографическое описание Санктпетербурга... С. 154–155.

⁴⁶³ Столянский П. Н. Старый Петербург: Адмиралтейский остров. Сад трудящихся: Историко-художественный очерк. М.; Пг.: ГИЗ, 1923. С. 140.

⁴⁶⁴ Богданов А. И. Историческое, географическое и топографическое описание Санктпетербурга... С. 151.

⁴⁶⁵ Столянский П. Н. Зеленый змей в старом Петербурге: (Материалы к истории петербургских каба́ков) // ОР РНБ. Ф. 741, арх. П. Н. Столянского. Оп. 2. Ед. хр. 221. Л. 3–4.

⁴⁶⁶ Столянский П. Н. Петербург: Как возник, основался и рос Санкт-Петербурх. СПб.: Науч.-изд. центр «НеГА», 1995. С. 108; Петров П. Н. История Санкт-Петербурга с основания города до введения в действие выборного городского управления по учреждениям о губерниях. 1703–1782. СПб.: Тип. Глазунова, 1885. С. 321, 62 (2-я паг.).

В Петербурге питейные дома чаще всего располагались в подвалах зданий, стоящих на перекрестке⁴⁶⁷, и практически не меняли своего адреса (как и бани), переходя от одного владельца к другому⁴⁶⁸.

«По указу Петра в 1724 году в Петербурге было открыто 15 трактиров или гербергов» – специальных заведений, которые должны были «удовлетворить иноземных гостей, нуждавшихся по приезде в Россию прежде всего в пристанище, в постели и в столе»⁴⁶⁹.

Согласно указу 1750 года, «ради приезжающих из иностранных государств иноземцев и всякого звания персон и шкиперов и матросов, також и для довольства российских всякого звания людей, кроме подлых и солдатства, быть гербергам и трактирам – в Санкт-Петербурге 25 и в Кронштадте 5, в которых содержат, кто пожелает, квартиры с постелями, столы с кушаньями, кофе, чай, шеколад, бильярд, табак, виноградные вина и водку». В этом указе «мы впервые встречаемся с учреждением, кроме гербергов, трактиров, которые в сущности были полноправны с гербергами и отличались от последних лишь тем, что в них, за небольшим исключением, отсутствовали комнаты с постелями (номера современных гостиниц), тогда как герберги все имели комнаты для ночлега»⁴⁷⁰.

Указ 1750 года разделил герберги, в зависимости от уплаты акциза в казну, на пять классов или номеров: «№ 1, в котором герберге содержатся будут квартиры с постелями, столы с кушаньями, кофей, чай, шеколад, бильярд, табак, виноградные вина, французская водка, заморский элбир и легкое полпиво; № 2, кроме стола с кушаньями, все вышеписанное; № 3, кроме квартиры с постелью, все вышеписанное; № 4, кроме квартиры с постелями и стола с кушаньями, все вышеписанное; № 5, одно кофе, чай, шеколад и табак»⁴⁷¹.

Здесь определены будущие формы «трактирных заведений»: гостиницы с рестораном, меблированные комнаты, трактиры, рестораны, кафе.

Первоначально держателями гербергов были купцы, при Екатерине II трактиры стали сдавать в аренду и мещанам. Количество гербергов и трактиров в Петербурге быстро увеличилось. Так, например, в 1783 году их было 94, а в 1785-м – 129⁴⁷².

«Со второй половины царствования Екатерины II, – сообщает Булгарин, – когда везде и во всем развилась роскошь, русские трактиры принарядились, изукрасились и сделались, так сказать, лейкою, чрез которую переливалось в чужие руки достояние молодых купчиков и дворянчиков. Прежде, т. е. в старину, русский трактир вмещал в себе все, что только составляет порок от *преувеличения*, все, что ведет к разврату и разорению. Тут, в одной комнате, плясали с дикими воплями цыганские баядерки, в зале танцевали под звуки немецкой музыки, в боковых комнатах пили насмерть и играли в азартные игры – в горку, гальбе-цвельв, в квинтич, в штос и банк. <...> Но в Петербурге была только тень того, что делалось в Москве. <...> Там трактирная жизнь была в полном разгаре... <...> Император Павел Петрович оказал величайшую услугу общественной нравственности, положив предел этому трактирному беснованию»⁴⁷³.

Нужно сказать, что безуспешная борьба с азартными карточными играми началась буквально с первых лет существования Петербурга. Уже в 1717 году появилось первое распоряжение о запрещении играть в карты на деньги. Затем подобный указ вышел в 1733 году. Позднее,

⁴⁶⁷ Медико-топографические сведения о С. Петербурге. С. 320.

⁴⁶⁸ Столянский П. Н. Старый Петербург: Адмиралтейский остров. Сад трудящихся. С. 157.

⁴⁶⁹ Душин А. А. К истории трактира на Руси // Наша старина. 1915. № 5. С. 448.

⁴⁷⁰ Там же. С. 449.

⁴⁷¹ Столянский П. Н. Зеленый змий в старом Петербурге. Л. 15 об.

⁴⁷² Душин А. А. Указ. соч. С. 450.

⁴⁷³ Булгарин Ф. В. Русская ресторация. С. 34–36.

в указе 1761 года, позволялось играть только «на самые малые суммы в знатных дворянских домах»⁴⁷⁴.

Первый загородный трактир «Красный кабачок» появился на Петергофской дороге в 1713 году. Петр I пожаловал дом на тракте «толмачу Семену с правом в нем устроить вольный дом (трактир) по немецкому обычаю и торговать водкой и табаком». Трактир посещался светской публикой, которая проводила там время за картами. По дороге в Петергоф в нем останавливались Петр I, Екатерина II, Александр I и Николай I. Позже, с 1830-х годов, трактир «славился своими вафлями, музыкой, ледяными горами», в нем устраивались танцевальные вечера; деревянное здание кабачка было разобрано после 1917 года⁴⁷⁵.

В начале XIX века на Петергофской дороге владельцы именитых дач стали сдавать свободные помещения под трактиры. На даче «англоманки Дашковой» в 1805 году открылся «Великобританский трактир». А в 1810-х на Петергофской дороге находились трактиры: «Берлин», «Золотой орел», «Надежда» и – в подражание «Красному кабачку» – «Желтый кабачок» и «Соломенный кабачок»⁴⁷⁶.

⁴⁷⁴ *Высоцкий И. П.* С.-Петербургская столичная полиция и градоначальство. С. 42.

⁴⁷⁵ *Пыляев М. И.* Забытое прошлое окрестностей Петербурга. СПб., 1994. С. 114, 126–129. О «Красном кабачке» см. также: *Городской вестник // Северная пчела.* 1845. 21 июля.

⁴⁷⁶ *Столянский П. Н.* Петергофская перспектива: Исторический очерк. СПб.: ГИЗ, 1923. С. 20–21.

В. Ф. Тимм. Русская ресторация. Литография. 1843

К этому времени относятся трактиры в Екатерингофе и на Крестовском острове, где наибольшей популярностью пользовались «Немецкий трактир» (хотя его содержал местный купец) и «Русский трактир». «Кроме катания с гор, в трактирах устраивались балы, давались представления фокусниками, играла роговая музыка, пели русские песенники», «кочующие примадонны» исполняли «арии из новейших немецких опер», выступали перед трактирами за скромный заработок труппы бродячих актеров⁴⁷⁷. Рядом с загородными трактирами обяза-

⁴⁷⁷ Столянский П. Н. Старый Петербург: Аптекарский, Петровский, Крестовский острова. Пг.: Тип. С. Л. Кинда, 1916. С. 50–51.

тельно сооружались зимние катальные горы, а на Крестовском острове возводились и летние горы.

«В загородных трактирах – в Красном кабачке, в Желтеньком [кабачке], в Екатерингофе, на Крестовском острове происходили настоящие оргии! – вспоминает Булгарин. – Зимой туда катят, бывало, сотни саней, запряженных тройками, лихими рысаками, иноходцами. Летом разъезжали по островам на катерах с музыкою и песенниками. Заехав в трактир, шампанского спрашивали не бутылками, как ныне, а целыми корзинами! Вместо чаю молодцы пили пунш! Музыка, песенники, плясуны и плясуньи, крик, шум и мертвая чаша! Тогда это почиталось молодецкою забавою!»⁴⁷⁸.

Ресторанная жизнь цыган началась в загородных трактирах. В «Красном кабачке», который «первым стал культивировать в Петербурге цыганские хоры», в 1824 году был дан бал с участием московских цыган⁴⁷⁹. В 1840-х цыгане пели в трактире «Марьяна роща» на Петергофской дороге⁴⁸⁰.

«Постоянное пребывание цыганских хоров в ресторанах существует с 1860-х годов, – свидетельствует знаток цыган журналист Александр Плещеев. – Знаменитыми цыганскими хорами считались хоры братьев Ильи и Петра Соколовых, имевшие пребывание в Москве, но приезжавшие и в Петербург. <...> Цыганщина вошла в нашу кровь и плоть, в нашу психологию. Под струны гитары мечтали, влюблялись. В С. Петербурге на Черной речке в маленьком деревянном домике приютился и долго существовал ресторан „Самарканд“, который держали татары. Сюда столица ездила слушать цыган... <...> Существует старое мнение, что цыганщина процветала в России исключительно как спутница кутежей. Бывало, конечно, но цыгане с 1884 года перебрались из ресторанов на театральную эстраду, давали свои собственные концерты и нашли успех у многочисленных зрителей»⁴⁸¹.

Венгерский музыкант Леопольд Ауэр, побывавший в 1860-х годах на Елагином острове и в Новой Деревне, вспоминает: «Главной приманкой служили ресторанчики в парижском стиле, чрезвычайно изысканные и известные лишь посвященным. Туда-то направлялись гастрономы и богатые купцы из провинции насладиться вкусным обедом в веселом обществе. Каждый кабачок имел собственный цыганский хор в главной зале, но и в отдельных кабинетах цыгане, мужчины и женщины, в их богатых национальных костюмах нередко пели хором»⁴⁸².

Разделение «гербергов» по номерам обезличивало заведения и упорно не приживалось. С 1770-х годов наименование «Герберг № 1» (гостиница со столом) стало вытесняться вывеской «Трактирный дом».

В 1770 году на набережной Мойки, вблизи Полицейского (ныне Зеленого) моста, открывается знаменитый «Демутов трактир», владельцем которого был Филипп-Якоб Демут. Он сдавал комнаты внаем и торговал столовым вином. Удачное расположение гостиницы привлекало постояльцев, и в 1796 году Демут построил новое каменное здание на Большой Конюшенной улице. После смерти Демута в 1802 году заведение перешло к его дочери – Елизавете Тиран, жене адъютанта петербургского военного губернатора Палена; с 1822-го гостиницей владела внучка Демута⁴⁸³.

⁴⁷⁸ Булгарин Ф. Театральные воспоминания моей юности // Пантеон русского и всех европейских театров. СПб., 1840. Ч. 1. С. 89–90. См.: Савельева Ю. В. Праздники, танцы и музыка в трактирных заведениях // Савельева Ю. В. Зрелищный Петербург: музыка и развлечения в первой трети XIX века. СПб.: Гиперион, 2013. С. 41–51.

⁴⁷⁹ Столянский П. Н. Петергофская перспектива. С. 23.

⁴⁸⁰ Пыляев М. И. Забытое прошлое окрестностей Петербурга... С. 126.

⁴⁸¹ Плещеев А. А. «Под сению кулис...». Париж, 1936. С. 64, 70–71.

⁴⁸² Ауэр Л. Среди музыкантов / Пер. с англ. [М.], 1927. С. 68.

⁴⁸³ Подробнее см: Яцевич А. Г. Пушкинский Петербург. СПб.: Петрополь, 1993. С. 351–361.

На углу Невского и Большой Морской в 1770-х годах в четырехэтажном доме был открыт «Гейденрейхский трактир, город Лондон имянуемый», а чуть позже появился трактирный дом «Город Париж» на Миллионной улице⁴⁸⁴, ⁴⁸⁵.

В 1805 году «Герберг № 1» (на Офицерской улице) именовался «Ресторасьон»⁴⁸⁶. «Первое время рестораны у нас звались „ресторасьон“ или ресторации, – пишет Петр Столпянский, – а на вывесках вплоть до конца 30-х годов XIX столетия неизменно красовались ресторасьоны, и только с 1840 года было приказано изменить „ресторасьон“ на ресторан»⁴⁸⁷.

В александровское время в начале Невского проспекта появляются первые кондитерские (кофейные дома), которые посещались светской и состоятельной публикой.

«С 1810-х годов стали здесь (в Петербурге. – А. К.) разводиться кондитерские и „кондитореи“. В 1822 году уже блистали на Невском проспекте сладкою славою некоторые кондитерские; появились особые залы с фортепианами, с газетами»⁴⁸⁸.

В начале XIX века на Невском, у Полицейского моста, открывается кондитерская Саломона Вольфа, а позже совладельцем кафе становится Тобиас Беранже.

Булгарин в очерке «Прогулка по тротуару Невского проспекта» (1824) упоминает любимую им кондитерскую «честного швейцарца Вольфа» (в доме Котомина под колоннадою), который «с лишком 15 лет занимается своим ремеслом». При этом Булгарин утверждает, «что в Петербурге нет обыкновения обедать и завтракать в кофейных домах и трактирах, как, например, в Париже, Лондоне и прочих столицах»⁴⁸⁹.

Спустя десять лет, в 1834 году, Владимир Строев писал о знаменитой кофейне Вольфа: «Кто не помнит прежней лавки Вольфа? Бывало войдешь в нее – низко, тесно, душно... только амуры и нимфы, пляшущие на потолке, говорили, что рука живописца давно не касалась до заветных стен, в которых издавна собираются любители газетного и журнального чтения. Зато фланеры, не читающие газет, и дамы, привыкшие к роскоши, никогда не заглядывали к Вольфу. Это и принудило Вольфа преобразовать свой магазин в *Café Chinois*, в *Kитайскую кофейню*. <...> Прежде было две комнаты, теперь четыре. Одна из них определена для курильщиков, которые не будут беспокоить *почтенных покупателей* нескромным дымом сигар. Комната, в которой будет сидеть Вольф, испещрена разными побрякушками, украшениями и арабесками в китайском роде; на прилавках из белого дерева красуются китайцы всех полов, возрастов и состояний. В других комнатах богатые канапе, обитые бархатом, на которых с удовольствием может покоиться самый причудливый *данди*; огромные зеркала, в которые не побрезгует посмотреться самая причудливая кокетка; на стенах красивые обои; на потолках живопись; на дверях бронза и позолота»⁴⁹⁰.

На следующий год газета сообщала: «Нынешним летом произошла новая перемена в одной из отличнейших кондитерских, или, лучше, кофейных домов здешней столицы. Мы упоминали уже о том (в Прибавлении к „Северной пчеле“ 1834), что известные кондитеры наши, Вольф и Беранже, возобновили, переделали, разукрасили свой магазин (на Невском проспекте, у Полицейского моста, в доме Котомина) и назвали его, по главному характеру украшений, Китайскою кофейнею (*Café Chinois*). Теперь они придумали к нему очень умное

⁴⁸⁴ Столпянский П. Н. Зеленый змей в старом Петербурге. Л 18–18 об.

⁴⁸⁵ «Лондон» (1781 – 1820-е) – одна из первых и самых знаменитых гостиниц города, находилась на Невском проспекте (в первом доме по правой стороне). Вигель вспоминает: в 1802 году «мы остановились в „Лондоне“, в одном из двух только известных тогда трактиров и заезжих домов, из коих другой, Демутов, принадлежащий к малому числу древностей столетнего Петербурга, один еще не тронут с места и не перестроен» (Вигель Ф. Ф. Записки. М.: в Универ. тип., 1892. Ч. 2. С. 3).

⁴⁸⁶ Там же. Л. 18 об., 20.

⁴⁸⁷ Там же. Л. 20 об.

⁴⁸⁸ [Расторгуев Е. И.]. Прогулки по Невскому проспекту. СПб.: Тип. Карла Крайя, 1846. С. 85.

⁴⁸⁹ Литературные листки. 1824. Ч. 1. № 6. С. 225.

⁴⁹⁰ В. В. В. [Строев В. М.] Петербургские заметки. Роскошь в столичных магазинах // Северная пчела. 1834. 4 нояб.

прибавление, превратив небольшую галерею, под колоннами пред входом, в палатку, с зеркалами, цветами, диванами, столиками и пр., где можно, сидя на чистом воздухе, прохладиться мороженым, лимонадом, оржато и т. п. Эта перемена имела те хорошие следствия, что теперь и дамы могут пользоваться этим удобством, не входя в самую кофейню. И в самом деле, там найдете каждый вечер множество посетителей и посетительниц из лучшего общества»⁴⁹¹.

В 1843 году Вольф «вошел в компанию с г-ном Домиником и они вместе превратили кондитерскую в доме Петропавловской церкви (на Невском. – А. К.) в кафе-ресторан, великолепно убранный и прекрасно устроенный. <...> Новая ресторация г. Беранже, на углу Вознесенского проспекта и Адмиралтейской площади, в доме Щербакова, переменила свое название. Вверху устроены комнаты для приезжих, а внизу ресторация, особенно славящаяся своими горячими пирожками»^{492, 493}.

Москвич, посетивший столицу в 1818 году, делится впечатлениями о кондитерской лавке Лареды на Невском проспекте (первый дом по левой стороне): «Комнаты в лавке хорошо убраны, есть фортепиано», газеты. «Пью шеколад. <...> Прекрасное изобретение кондитерские лавки! Сюда стекается множество людей разных состояний, чтоб отдохнуть, позавтракать, прохладиться, поговорить»; в лавке «подают рюмку мороженого»⁴⁹⁴.

В 1824 году «Дюбуа, французский уроженец, завел на Невском проспекте в доме Л. Вебера (начало Невского, правая сторона. – А. К.) кофейный дом, совершенно вроде парижских. Комнаты убраны не только со вкусом, но даже с великолепием, освещены газом и представляют все удобства для подобного заведения. <...> Мраморные столики, шашки, домино, камин с пылающими угольями, всевозможные роды конфетов, ликеров и плодов в спиртах и ликерах, все прохладительные напитки и лакомства»^{495, 496}.

«Я тебе еще ничего не сказал о здешних кондитерских, – писал в провинцию из столицы 28 февраля 1831 года анонимный автор. – Там отлично готовят кофе. Известнейшие здесь кондитерские: Амбиела⁴⁹⁷, Малинари, А-ла-реноме и О-берже-фидель; об одной из них упоминает Загоскин (в „Рославлеве“). Тыходишь, тебя приветствием встречает миленькая французенка, немка или италианка, требуешь стакан кофе, берешь журнал, без всякого принуждения рассядешься себе; иногда собирается человек тридцать и больше и если нету какого-нибудь чичероне, то всяк занят своим делом; хочешь, садись за фортепиано, если отлично играешь, тебя будут слушать; тебе приносят кофе, на особом блюдечке сахар, молочник крошечный со сливками и пенкою, бисквиты, и все это стоит 50 коп. Потребовавши стакан кофе, ты можешь просидеть целый день. Трубок здесь и заведения нету, а цыгары употребляются, но во второклассных кондитерских»⁴⁹⁸.

«В каждой кондитерской куча сахарных, шоколадных и бумажных изделий. Целые флоты из сахара, целые армии из шоколада, всевозможные предметы жизни, прихоти и моды из марципана, – сообщала 2 апреля 1838 года „Северная пчела“ в заметке „Где весна?“. – Пойдем от Адмиралтейства по Невскому проспекту и заглянем, по дороге, во все кондитерские, где так усердно стараются угождать нашему вкусу, без особенного отягощения кармана. У *Вольфа* (на

⁴⁹¹ Смесь // Северная пчела. 1835. 18 июня; в заметке приводятся стихи, посвященные этому кафе.

⁴⁹² Смесь // Северная пчела. 1843. 5 июня.

⁴⁹³ В 1842 году в доме Щербакова Беранже открыл кафе-ресторан с общим столом (Смесь // Северная пчела. 1842. 27 июня).

⁴⁹⁴ [Яковлев П. Л.]. Чувствительное путешествие по Невскому проспекту. М., 1828. С. 10, 45.

⁴⁹⁵ Новое заведение // Литературные листки. 1824. Ч. 1. № 5. С. 155–156.

⁴⁹⁶ В 1830 году Дюбуа открыл ресторан в доме Руча, на углу Невского и Малой Морской (Заведение г. Дюбуа // Северная пчела. 1830. 22 апр.).

⁴⁹⁷ В 1839 году кондитерская Амбиела (в доме Армянской церкви на Невском проспекте) перешла к Излеру (Невский проспект и кондитерские // Северная пчела. 1839. 16 дек.).

⁴⁹⁸ Петербург в 1831–1832 годах: По письмам провинциала // Русская старина. 1900. Т. 101. Февр. С. 487–488.

углу Полицейского моста) приемная комната так установлена разными разностями, что в три часа не рассмотришь всех диковинок. Все подарки заготовлены из опер Скриба, – что новое явление, то превращение. Из пастушки выходит Арлекин, из змей сыплются конфеты, из старушек выходят прелестные дамочки, из скромных хижин – великолепные дворцы. Чудо, да и только! *Доминик* перебрался в новое и великолепное помещение в доме Петропавловской церкви. Комнаты отделаны и убраны с невероятной роскошью: везде золото, зеркала, мрамор. <...> *Апорта* (против Аничковского дворца) не отстает от других, и заготовил огромное количество марципанных штучек, но у него лучше всего – баварауз с сиропом из исландского моха. стакан такого баварауза прогоняет простуду и кашель. <...> ... За Аничковым мостом – *Излер* (против Троицкого переулка) вылил целый мир в миниатюре из шоколада, и изобрел сладкую азбуку... <...> *Пфейфер* (у Александринского театра. – А. К.) первый начал делать вещицы из шоколада, и был распространителем прелестных шоколадных игрушек».

В 1840 году газета рекомендовала приезжим: «Утром пейте кофе у Адмиралтейского угла Невского проспекта, завтракайте у Полицейского моста, обедайте подальше Казанского, кушайте мороженое за Аничковым мостом. Таким образом, желудок ваш совершит полную прогулку по Невскому»⁴⁹⁹.

Открываются и «кухмистерские» – специальные заведения для дешевых обедов. Упомянутый выше москвич не обошел своим вниманием и кухмистерскую. Над входом в подвал «надпись „Кухмистерский стол“. <...> В кухмистерских столах запах самый неприятный, тяжелый, столы накрыты сальными скатертями; там нельзя достать ни одной бутылки хорошего вина»; из еды предлагают ветчину, поросенка, щи, ботвинью⁵⁰⁰.

Писатель Евгений Гребенка описывает кухмистерскую 1840-х годов на Петербургской стороне, где «берут обеды» недавно переехавшие сюда или приезжие. «Жилище кухмистера – деревянный бревенчатый домик в два этажа. Хозяин, т. е. кухмистер, встретит вас в приемной комнате в два окна на двор; над окнами висят клетки, в клетках чиликает чижик и поет датский жаворонок; между окнами стоит стол, накрытый скатертью не в первой чистоте; подле стола два стула, обтянутые кожей; против – кожаный диван, над ним – зеркало. <...> При конце месяца кухмистер дает кушанья лучше, порции больше; иногда изумляет неожиданно курицей или вычурным пирожным, или майонезом из дичи, который он называет галантиром. Сейчас видно, что кухмистеру хочется завербовать вас на другой месяц»⁵⁰¹.

К середине XIX века в городе было около 150 кухмистерских, предназначенных «удовлетворять потребности в столе класса низших чиновников и других недостаточных лиц»⁵⁰². В кухмистерских устраивались семейные обеды и вечера, купеческие свадебные торжества, а гимназисты снимали в них зал для любительских спектаклей.

Самыми доступными заведениями были харчевни, которые «могли помещаться только в нижних подвальных этажах домов; в харчевне могли торговать съестными припасами, исключая индеек, каплунов, цыплят, дичи всякого рода, из числа живой рыбы в харчевнях нельзя было торговать стерлядями, осетриною и белугою, а из напитков для харчевен разрешалось: чай, полпиво, обыкновенный квас и кислые щи»^{503, 504}. Право на содержание харчевен было «предоставлено исключительно мещанам и крестьянам»⁵⁰⁵.

⁴⁹⁹ Альфа и омега Петербурга // Северная пчела. 1840. 17 янв.

⁵⁰⁰ [Яковлев П. Л.]. Указ. соч. С. 40–41.

⁵⁰¹ Гребенка Е. Петербургская сторона // Физиология Петербурга / Сборник под ред. Н. А. Некрасова. М.: Сов. Россия, 1984. С. 119–121.

⁵⁰² Проект нового Положения о трактирных заведениях в столицах, губернских, портовых и уездных городах. [СПб., 1852]. С. 7.

⁵⁰³ Столянский П. Н. Зеленый змий в старом Петербурге. Л. 26 об.

⁵⁰⁴ Полпиво – брага, сваренная из солода и хмеля. Кислые щи – «род шипучего кваса» (В. И. Даль).

⁵⁰⁵ Проект нового Положения о трактирных заведениях... С. 5.

В 1821 году выходит высочайше утвержденное «Положение о гостиницах, ресторанах, кофейных домах, трактирах и харчевнях», где были узаконены новые «трактирные заведения». «В С.-Петербурге полагаются следующие заведения: 1) Гостиницы; 2) Рестораны; 3) Кофейные дома; 4) Трактиры; 5) Харчевни. Число гостиниц, ресторанов, кофейных домов и харчевен не ограничивается. Трактиров же полагается 50»⁵⁰⁶. Таким образом, вместо прежнего деления заведений на пять «гербергов» вводятся новые наименования.

«С начала XIX века трактирная жизнь стала развиваться, – утверждает Петр Столпянский, – посетителями перестали быть только иностранцы и в 1805 г. во вновь открытом „Полуденном“ трактире или герберге на Невском проспекте, идя от Адмиралтейства к Полицейскому мосту, можно получить кушанье постное и скоромное». Это заведение не пользовалось успехом и вскоре исчезло. «Года через три предприимчивый купец Палкин открыл на том же самом месте 1 февраля 1808 года свой русский трактир – трактир Палкина⁵⁰⁷, но тоже должен был перевести его сначала на угол Невского проспекта и Садовой улицы, затем на угол Невского и Екатерининского канала и наконец на Вшивую биржу – угол Невского и Владимирской»⁵⁰⁸.

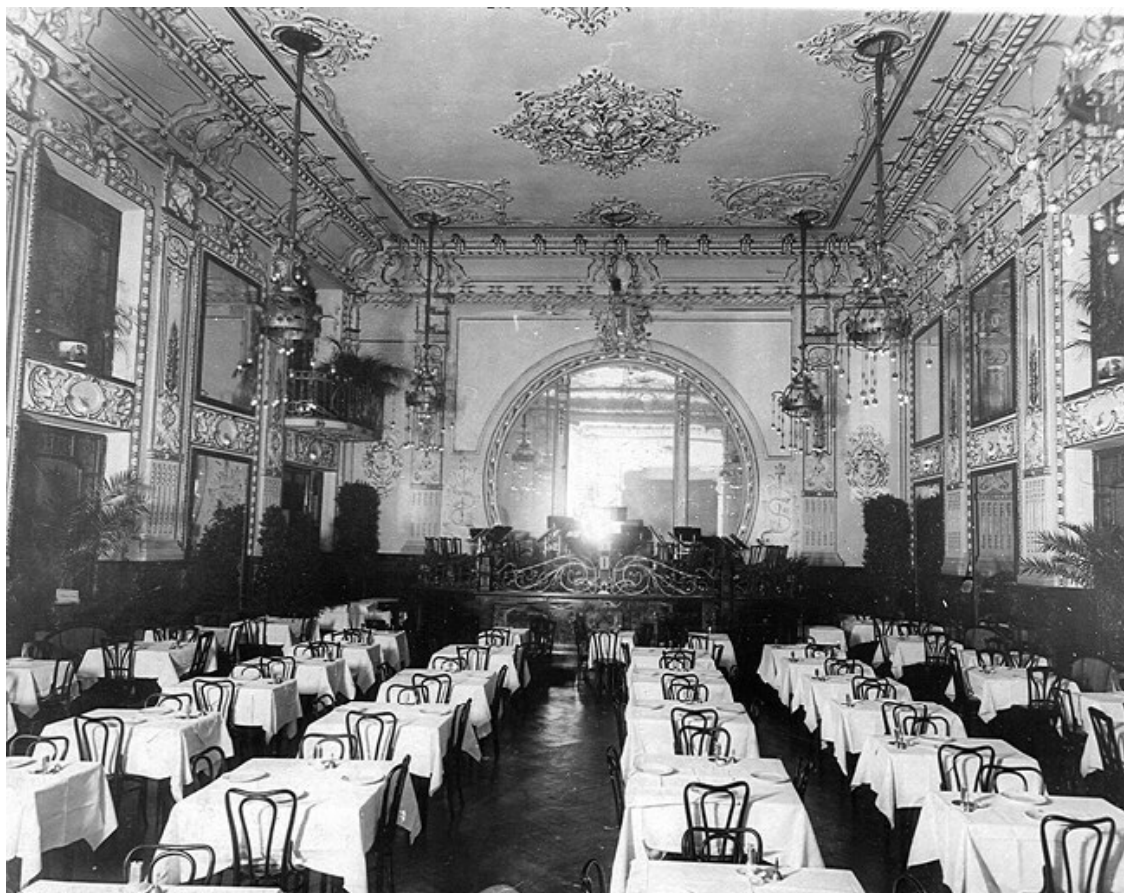
Трактир «Палкин» (позже – один из известнейших ресторанов Петербурга; существовал до начала 1920-х годов) предназначался для состоятельных посетителей, был первым в городе и единственным заведением до середины XIX века, где предлагали блюда только русской кухни⁵⁰⁹.

⁵⁰⁶ Божерянов И. Н. «Невский проспект». 1703–1903: Культурно-исторический очерк двухвековой жизни С.-Петербурга: В 2 т. [СПб., 1903]. Т. 2. С. 369.

⁵⁰⁷ В 1808 году выходец из Ярославля Анисим Палкин открыл у Полицейского моста русский трактир. В 1830-х годах купец П. В. Палкин (1792–1855) держал ресторан «Старопалкин» в доме на углу Невского и Б. Садовой (против Гостиного двора); в 1850-х купец К. П. Палкин (1820–1886) основал ресторан «Новопалкин» (Невский, 76), а 1874 году открыл одноименный ресторан в собственном доме (Невский, 47). После смерти К. П. Палкина в 1890 году заведение перешло к В. И. Соловьеву, а в 1925-м было закрыто.

⁵⁰⁸ Сколько лет, сколько зим! или Петербургские времена. СПб., 1849. Старый Петербург: Адмиралтейский остров. Сад трудящихся. С. 140.

⁵⁰⁹ «Если вы хотите покушать народного кушанья, – сообщала газета, – милости просим в русский трактир, прославившийся под именем Палкина на Невском проспекте, против Гостиного двора» (Смесь // Северная пчела. 1843. 5 июня). «Для постного и русского кушанья первое заведение – так называемый *Палкин трактир*. Тут и в скоромные дни можно лакомиться удивительной рыбою (осетриной и стерлядями), получаемые прямо с Волги. Замечательно, что даже иностранцы ходят туда кушать русские щи, ботвиньи, кулебяки, блины и поросенка под хреном» (Указатель Петербурга. Гастрономия // Северная пчела. 1846. 4 апр.).

Ресторан «Палкин». 1900-е годы

Светская публика предпочитала европейскую кухню. «В то время, – вспоминает чиновник Осип Пржецлавский 1820-е годы, – ресторационная часть в Петербурге была еще в детстве. В лучших русских трактирах почти нельзя было обедать. Кроме дурного приготовления, постоянно дурного масла, там строго еще держались разделения кулинарных продуктов на допетровские категории. И так даже у пресловутого Палкина вы читали, например, следующую карту обедов: *горячее* – ботвинья и окрошка; *холодное* – бифштекс и бёв-ламод; *соус* – раки; *жаркое* – всегда нечто вареное; *пирожное*, компот. Единственное спасение холостякам, не имеющим, как я, своей кухни, были французский *table d'hôte* у Андрие, на углу Малой Морской и Гороховой, и так называемые *pensions bourgeoises* (хозяйские столы) у нескольких француенок и немок на главных улицах»⁵¹⁰.

Булгарин поясняет причины столь медленного внедрения ресторанных обедов в повседневную жизнь горожан:

Впрочем, как Петербург и все прочие города России уступали всегда иностранным столицам и городам первенство в гостиницах, так равно и наши ресторации и трактиры никогда даже не приближались не только к французским и английским, но даже к германским, и всегда были ниже их, даже без всякого сравнения. Причина сему находится в наших нравах. Гостеприимство есть наследие наших предков, а тщеславия мы позаняли у других народов, со времени скороспелой нашей образованности. У нас каждый хочет жить домом, принимать гостей, потчевать у себя, хвалиться

⁵¹⁰ *Цитируется* (О. А. Пржецлавский). Калейдоскоп воспоминаний. М.: Тип. Грачева и К, у Пречист. в. Д. Шиловой, 1874. Вып. 1. С. 15–16. 2-я паг.

своим столом, и если не винами, то по крайней мере наливками. Холостому человеку не нужно искать обеда – ему всюду рады, если он любезен, а особенно, если может составить партию в вист. К тому же, как наше общество состоит из дворянства, то большая часть из живущих в городе имеют своих родных или коротких знакомых, где могут всегда обедать запросто, и весьма многие холостяки имеют своего повара и хозяйство. Для кого же у нас заводить великолепные рестораны, как в Париже, где почти все ведут жизнь трактирную, где толпится множество иностранцев из всех концов Земного шара, и где даже дамы-путешественницы обедают в трактире!»⁵¹¹

В начале 1820-х француз Андрие открыл для своих приезжих соотечественников ресторан на Малой Морской, но, по словам Булгарина, русские быстро «завладели ею».

В это время поселился в Петербурге г. Андрие, бывший чиновник по части продовольствия (*officier de bouche*) в корпусе принца Понте-Корво (нынешнего шведского короля), и завел ресторан в доме Клоссена, где начали собираться сперва одни французы, более капитаны купеческих кораблей, и комиссионеры купеческих домов (*commis voyageurs*); после того примкнули к ним путешественники других наций, а наконец, когда ресторан вошла в славу, русские завладели ею. Г. Андрие ввел в славу свою ресторан не столько изяществом яств, сколько собственною особою. Это был человек добродушный, веселый, ласковый, простой, но приятный в обхождении. В четыре часа с половиною гости садились за стол, за которым председательствовал сам хозяин. Обед был не вычурный, но вкусный, изобильный, изготовленный из свежих припасов лучшего качества. За шесть рублей вы имели закуску перед обедом, шесть отличных блюд, бутылку столового вина и чашку кофе. За столом приятели и знакомые потчевали друг друга лучшими винами, и веселие, возрастая постепенно, одушевляло целое общество. Ресторан сия существовала более десяти лет, и в ней не случилось ни одного неприятного происшествия. Люди высшего общества и лучшего образования обедали там часто, для развлечения, а летом, когда семейства жили на дачах, а служба призывала главу семейства в город, у г. Андрие обедали высшие чиновники, русские и иностранные министры⁵¹².

В 1829 году Андрие уехал во Францию и передал свое заведение Дюме. «Обед у Дюме. По качеству обеда, это самый дешевый и самый лучший из всех обедов в петербургских ресторанах, – сообщила 15 июня 1840 года „Северная пчела“ в заметке „Петербургские обеды“. – Дюме имеет исключительную привилегию – наполнять желудки петербургских львов и денди».

В начале 1820-х годов состоятельная публика посещала также ресторан Дебиле (в начале Невского), где предлагался «прекрасный французский легкий и вкусный стол», а в ресторане Талона (в доме Косиковского у Полицейского моста) можно было, как отметил Булгарин, «в полной мере удовлетворить ваши гастрономические потребности»⁵¹³. В 1825 году Талон уехал за границу, и заведение закрылось.

«В Петербурге нет загородных трактиров, в которые бы мещане и народ ходили потанцевать или поплясать в праздничные дни, – писал Булгарин в 1839 году в очерке „Петер-

⁵¹¹ Ф. Б. Петербургские записки. Толки и замечания сельского жителя (прежде бывшего горожанина) о Петербурге и петербургской жизни // Северная пчела. 1833. 13 мар.

⁵¹² Ф. Б. Петербургские записки... Северная пчела. 1833. 14 мар.

⁵¹³ Ф. Б. Прогулка по тротуару Невского проспекта // Литературные листки. 1824. Ч. 1. № 6. С. 227.

бург летом“. – Летом семейные, богатые и даже значительные люди, проведя утро в городе за делами, не стыдятся обедать в трактирах. <...> У нас, в Петербурге, немного таких трактиров, где порядочный человек может пообедать. В 5½ часов можно иметь сытный и чистый обед за общим столом у Дюме, в хорошем обществе, за шесть рублей с персоны, с столовым вином, закуской и кофе. Это чрезвычайно дешево! <...> Многочисленное общество собирается в ресторации г-на Леграна, в доме Жако, в Большой Морской, от трех до пяти часов. Здесь вы можете обедать как угодно. Цена обеда (без вина) три рубля, пять, шесть, десять и двадцать пять рублей с персоны, если вы не желаете выбирать блюда по карте. Обед, по большей части, весьма хороший. <...> Прислуга у г-на Леграна вся из татар. До сих пор татары были у нас лучшими кучерами и фореиторами. Фельет⁵¹⁴ (уступивший заведение Леграну) вздумал обзавестись *непьющим народом*, и набрал татар. <...> Обеды у Дюме и у Леграна весьма веселы. Встреча старых товарищей, приятелей или коротких знакомых, новые знакомства, доставляют приятные минуты. Можно сказать, что петербургский летний день разделяется на три важные эпохи: утром – дело, обед – веселье, вечер – тихое наслаждение в семейном кругу или на прогулке»⁵¹⁵. В ресторации Леграна (угол Большой Морской и Кирпичного переулка) угощали черепашным супом и омарами^{516, 517}.

Итальянские обеды – «макарены и стофато (говядина с чесноком)», а также свежая дичь и салат (ломтики апельсина, посыпанные сахаром и политые ликером и шампанским) – можно было отведать в ресторации Alessandro на Мойке, у Полицейского моста. Недалеко от Alessandro находилось заведение Дамианта, напоминающее маленький парижский трактир, в котором предлагались «страсбургские пироги, паштеты и ветчина»⁵¹⁸.

В 1841 году в Петербурге, как сообщает Иван Пушкарев, было «55 трактиров, 45 гостиниц, 19 кофейных домов, 37 кондитерских, 56 рестораций и 74 харчевни»⁵¹⁹.

⁵¹⁴ О заведении Фельета Булгарин писал: «Ныне французские повара завели в Петербурге множество паштетных магазинов, в которых можно также обедать и завтракать весьма хорошо и притом за умеренную цену, заказывать самые роскошные обеды на дом, и угощать приятелей великолепно в самом заведении. Первое и лучшее заведение в сем роде есть ресторация Фельета, в доме Чаплина, на углу [Б.] Морской и Невского проспекта, в которой можно доставать кушанье во всякое время дня и ночи. <...> Весьма искусный повар, г. Фельет, завел ресторацию и паштетный магазин в доме гг. Чаплиных, и кормит превосходно своих многочисленных посетителей, жалующихся ежедневно на одно неудобство – на тесноту помещения. У Фельета вы можете обедать по карте или велеть подать себе обед, которого цена возвышается от 3 до 25 рублей с персоны. За 3 рубля вы имеете прекрасных *пять* блюд. Почти непостижимо, как можно угощать так хорошо и дешево! <...> Ресторация г. Фельета, достойная мраморных стен и позлащенных мебели, помещается в двух небольших низких комнатах, всегда набитых битком посетителями» (Ф. Б. [Булгарин Ф. В.] Петербургские записки. Толки и замечания сельского жителя (прежде бывшего горожанина) о Петербурге и петербургской жизни // Северная пчела. 1833. 14 мар.).

⁵¹⁵ Северная пчела. 1839. 7 июля.

⁵¹⁶ Гастрономические известия // Северная пчела. 1841. 22 окт.

⁵¹⁷ «Обед у Леграна, – говорилось в заметке „Петербургские обеды“, – за три рубля ассигнациями, прекрасный и разнообразный. Сервизы и все принадлежности – прелесть. Прислуживают исключительно татары, во фраках» (Северная пчела. 1840. 15 июня).

⁵¹⁸ Петербургские обеды // Северная пчела. 1840. 15 июня.

⁵¹⁹ Пушкарев И. И. Николаевский Петербург. С. 627. Приводим мнение Пушкарева о состоянии «трактирных заведений» в конце 1830-х – начале 1840-х годов: «Но роскошным и прелестнейшим украшением Петербурга можно назвать некоторые из здешних кондитерских. Не только для приезжего, даже и для коренного обитателя Петербурга они представляют прекрасное место для отдохновения; лучшие кондитерские получают почти все русские и иностранные газеты, и приятно за чашкой шоколада или кофе, в беседе хорошего общества провести свободный час. Многие содержатели не щадят никаких издержек для улучшения своих кондитерских во всех отношениях; превосходнее всех кондитерские Вольфа и Беранже, у Полицейского моста, Доминика, на углу Коношениной, и другие. Нынешнею весною (в 1841 году. – А. К.) в кондитерской Доминика открыт Cafe-restaurant, на парижский образец. Здесь вы можете выкушать чашку бульона и рюмку хорошего вина или позавтракать. Каждое утро перед гуляньем собирается сюда весьма много посетителей, прочие содержатели кондитерских начинают также в этом подражать Доминику. Так называемые русские кухмистерские столы не отличаются гастрономической затейливостью, но эти столы имеют обычных, невзыскательных своих посетителей – большую часть небогатых чиновников присутственных мест. Лучшие французские повара, поселившись на житье в Петербурге, завели здесь множество паштетных магазинов или рестораций, подобных иностранным, в которых можно обедать и завтракать хорошо и притом за умеренную цену, заказывать самые роскошные обеды на дом и угощать приятелей в самом заведении. Некоторые из этих рестораторов снискали себе славу, и старожилы верно не забыли знаменитых обедов у Гюге, у Тардифа и великолепной ресторации Дебуа. Впоследствии

«В Санкт-Петербурге ужасное множество трактиров всякого звания и рода, – писал анонимный автор в 1842 году. —

Русские трактиры по справедливости заслужили свой жребий, – и не только люди высшего круга, но и обыкновенная чиновность туда не ходит. Одни стремятся в рестораны без вывесок, исключительно французские, а другие в маленькие немецкие трактиры без претензий или гастгаузы⁵²⁰. <...> Французские рестораны Леграна, Дюме, С. Жоржа⁵²¹... для роскошников, для сибаритов, иногда и для людей, которые раз в году любят объесться, а маленькие немецкие трактиры для среднего класса прекрасное заведение⁵²². Немного, но хорошо. Три, четыре кушанья, да зато все свежее. В медицинском отношении эти трактиры заслуживают особенное одобрение. <...> Правда музыки нет, масляных картин также, жирандолей⁵²³ с салеными свечами также, но зато все белье чистое, пол вымыт, три, четыре комнаты с простою мебелью, а кажется, что сидишь дома»⁵²⁴.

В 1843 году Булгарин пишет:

В наше время русские трактиры уже совершенно изменились и хотя сохраняют еще свою оригинальность, но в существе своем благопристойнее даже парижских загородных трактиров... <...> ...Теперь в трактирах не позволяют пить до заглуженья рассудка; теперь нет в трактирах карточной игры, нет песен, плясок и музыки... <...> ...Трактиры запираются в одиннадцать часов ночи. Прекрасный пол не смеет теперь переступить чрез порог русского трактира. <...> В Москве еще прислуга в русском трактире называется *половыми*, и прислуживает в русских рубахах. <...> У нас в первостатейных заведениях уже не *половые*, а *лакеи* – не

славилась также ресторация Фельета и Андрие, переданная и содержимая ныне Дюме (на углу [М.] Морской и Гороховой, в доме Полозова). <...> Но немногие из содержателей этих заведений избежали банкротства; сохранился до нашего времени в первоначальном виде только Дюме, а прочие все почти разорились. Легран (в [Б.] Морской, в доме Жако) принял от Фельета ресторацию и сначала старался также поддержать ее со славою. За три рубля медью вам подадут у Леграна обед из пяти блюд, приготовленных из свежих припасов, а за пять рублей ассигнациями – обед с полубутылкою вина и чашкою кофе. Прислуживают татары во фраках. Наилучшими рестораторами ныне считаются: 1. Сен Жорж; его заведение по Мойке, близ Полицейского моста, в особом на дворе домике, со вкусом убранным. При доме хороший тенистый сад. Каждый посетитель, с знакомыми, может занять особую для себя комнату. Сервизы превосходные, вино отличное. Обыкновенные обеды за 3 и 5 руб. ассиг. Летом нигде нельзя отобедать с большим удовольствием, как у Жоржа. 2. Simon-Grand-Jean, в Большой Конюшенной. 3. Кулон, в гостинице на Ново-Михайловской улице. 4. Дюме, в Большой Морской. 5. Отто, на Невском проспекте, над Милютинскими лавками. 6. Гейде, в гостинице на Васильевском острове, в Кадетской линии. Здесь русских не видно, все иностранцы, более англичане. Обед по 2 руб. медью; пирожного никогда и не за что не подадут. 7. Александр, по Мойке, у Полицейского моста. Обеды приготовляются в итальянском вкусе и большею частию для отпуска на дом. Из маленькой лавки Дамианта, по Мойке, у Полицейского моста можно получать отличные страсбургские пироги, пастеты, ветчину и пр. Прочие заведения, как то: русские трактиры, рестораны и харчевни, так удачно переименованные на вывесках в растерянии, тряхиры и съестные харчевни, предназначены собственно для простого народа: извозчиков, мастеровых и дворников, которые стекаются туда толпами пить чай. Замечательно, что потребление чая распространяется повсеместно с каждым годом все более и более, и можно думать, едва ли не заменит после для простолюдинов самое вино. Это подтверждается даже тем, что ныне многие трактиры и харчевни получают весьма важный доход от потребляемого крестьянами чая» (Пушкарёв И. И. Николаевский Петербург. СПб.: Лига Плюс, 2000. С. 627–629).

⁵²⁰ Гастгауз (от нем. Gasthaus) – гостиница.

⁵²¹ «Превосходный обед у Сен-Жоржа, по Мойке, – сообщила 15 июня 1840 года „Северная пчела“ в заметке „Петербургские обеды“. – Домик на дворе, деревянный, просто, но со вкусом отделанный. Каждый посетитель или каждая компания занимает особую комнату. При доме сад, с прекрасную тенью. На балконе обедать прелесть. Сервизы превосходные. Вино отличное. Обыкновенные обеды в *три* и *пять* рублей ассигнациями. Заказные обеды в разную цену».

⁵²² «Лет за тридцать, и даже за пятнадцать, в многих петербургских немецких трактирах, например, в доме Варварина (противу Коммерческого банка), в трактире *Мыс доброй надежды* (в доме, где Детский театр) (в Кирпичном переулке – А. К.), в трактире в доме Косиковского, на углу Малой Морской и Невского проспекта, в трактире *Благопристойность* (в доме бывшем Калмыкова) у Каменного моста прислуживали женщины» (Смесь // Северная пчела. 1844. 19 февр.).

⁵²³ Жирандоль – фигурный подсвечник для нескольких свечей.

⁵²⁴ Т-в. Петербургские заметки // Дагерротип: Издание литературно-дагерротипных произведений. СПб.: В типографии А. Бородина и Ко, 1842. Тетрадь 9–11. Отд. V. С. 109–111. См. также: Заграничные и петербургские трактиры // Северная пчела. 1840. 30 мар.

в русских рубахах, а во фраках, в сертуках и только для памяти есть еще лакеи, остриженные по-русски, в сибирках, с усами и с подстриженной бородкой. <...> Только буфетчик бодрствует за рядами перцовок, травничков и ерофеичей – в полном вооружении старинного русского подносчика, с бородой, в сибирке или русской ферязи⁵²⁵. Буфетчик... командует и слугами, и бутылками, и штофами, и стаканами и гостями! <...> Буфетчик в русском трактире для гостя и прислуги важнее самого хозяина и, обыкновенно, от буфетчика зависит успех *заведения*. <...> В Петербурге в голове трактиров: Палкин, Балабинский и Отель-дю-Норд⁵²⁶. <...> ...В русских трактирах варят французские бульоны, немецкие супы и разные соусы! <...> Привычка в русском человеке так сильна к русскому трактиру, что он предпочитает его французской ресторации, зная даже, что он у Леграна или в кафе-ресторанах может пообедать и дешевле и лучше. Но в русском трактире русский человек – дома! Тут он командует, тут он имеет свой вес и почет, и может говорить по-русски... <...> Русский пьет чай при всяком случае, в каждую свободную минуту... <...> ...Без сливок, *вприкуску*. Русские люди пьют по десяти чашек с одним куском сахару и, держа его во рту, разговаривают не картавя!

Булгарин отмечает русскую привычку пить вино «залпом» и вместе с водкой заказывать трубку с табаком⁵²⁷.

Что касается «прекрасного пола», то он смог «переступить через порог трактира» только в 1860-е годы. «Вход в гостиницы, ресторации, кофейные дома и трактиры дозволяется всем в пристойной одежде. Солдат, людей в ливрее и женщин в трактиры впускать запрещено. Кроме бильярдных запрещены всякие игры, музыка, пляска и пение»⁵²⁸. По действующему в середине XIX века Положению о трактирных заведениях женщинам был «дозволен вход только в гостиницы к общему столу»; в 1852 году им разрешили посещать «трактирные заведения, которые устроены для приюта приезжающих (гостиницы, постоялые дворы и подворья)»⁵²⁹. И только в новом положении, которое вышло в 1861 году, запрет на посещение заведений распространялся лишь на «нижних чинов» – солдат и матросов⁵³⁰.

Если трактирное заведение имело право на торговлю табаком, то в нем разрешалось курить. И подобные заведения были единственным публичным пристанищем для курильщиков, так как курение на улицах и в общественных местах строго преследовалось полицией до 1865 года⁵³¹.

В 1841 году в городе (и впервые в России) по инициативе итальянского кондитера Доминика Риц-а-Порта открываются заведения под названием «кафе-ресторан»⁵³² – «для удовольствия публики высшего класса», в которых «можно завтракать, обедать, ужинать. <...> Тут

⁵²⁵ Ферязь – «мужское долгое платье, с длинными рукавами, без воротника и перехвата» (В. И. Даль).

⁵²⁶ Трактир Балабина и «Отель дю Норд», как и Палкин, «отличались *русскими* обедами» (см. раздел «Обед» в кн.: Греч А. Н. Весь Петербург в кармане. СПб.: в Тип. Н. Греча, 1851. С. 407–408).

⁵²⁷ Булгарин Ф. В. Русская ресторация. С. 36–39.

⁵²⁸ Башицкий А. П. Указ. соч. Ч. 3. Ближайшее знакомство с С.-Петербургом. С. 310–311.

⁵²⁹ Проект нового Положения о трактирных заведениях... С. 44.

⁵³⁰ Алфавитный указатель к приказам по С.-Петербургской полиции. СПб., 1870. С. 434.

⁵³¹ 14 июня 1865 года было высочайше утверждено «мнение» Государственного совета в департаменте законов «Относительно дозволения курить табак на улицах в столицах и прочих городах» (Северная почта. 1865. 3 (15) июля). Однако старый запрет сохранился для солдат и матросов. «Нижним чинам всех наименований курение табаку на улицах безусловно воспрещается» (Алфавитный сборник распоряжений по С.-Петербургскому градоначальству и полиции, извлеченных из приказов за 1891–1901 гг. СПб., 1902. С. 227). Запрещалось также «курение табаку на тротуаре, облегающем Зимний дворец» (Алфавитный указатель к приказам С.-Петербургской полиции. С. 227).

⁵³² Божерянов И. Н. «Невский проспект». Т. 2. С. 248.

можно иметь кушанья порциями, иметь отменных доброт вина, ликеры и прочее по *prix-fixe*⁵³³. Тут к услугам любителей билиард, домино, шахматы, шашки. <...> В простых кондитерских и трактирных заведениях берут рубль, зато здесь возьмут пять, шесть и еще более»⁵³⁴.

А вскоре появляется кафе-ресторан обрусевшего купца Ивана (Иоганна) Излера⁵³⁵. «Любимец публики г. Ислер открыл новый кафе-ресторан за Аничковым мостом, где была прежде его кондитерская – сообщила „Северная пчела“ 17 октября 1842 года в разделе „Смесь“. – Там замечательна одна небольшая комнатка, называемая Талионинскою, потому что установлена мебелью, принадлежащими г-же Талиони». На следующий год купец «устроил два кафе-ресторана: один в доме Армянской церкви, другой – за Аничковым мостом, противу Владимирской улицы (на Невском проспекте). Устройство этих кафе-ресторанов настоящее парижское, а именно – отдельные кабинеты»^{536, 537}.

Это новшество – отдельные кабинеты (*cabinets particuliers*) сразу «заслужили большое одобрение»⁵³⁸. Благодаря кафе-ресторанам бильярд и кабинеты стали обязательным атрибутом ресторанов и трактиров «для чистой публики».

Портерные (пивные) лавки появляются в середине 1840-х. Первоначально они предназначались для иностранцев, а позже стали непременной принадлежностью окраинных улиц. «Пивные распивочные лавки заведены в Петербурге с недавнего времени, – сообщает Алексей Греч в 1851 году. – В них собираются обыкновенно немецкие ремесленники»⁵³⁹.

К середине XIX века «трактирная жизнь» становится привычной для различных слоев горожан.

«При наступлении осени заметнее наполняются посетителями и разнообразные публичные места: кондитерские, кафе-рестораны, гостиницы, трактиры и проч. Но сколько общезытен, развязан и словоохотен столичный житель в домашнем кругу, столь же молчалив и неприступен в публичном месте. Так большею частию он молчаливо закусывает газетные известия бутербродами и пирожками у Вольфа; у Доминика по тому же способу завтракает; у Излера в молчании обедает; у Апорта под вечер втихомолку дремлет за газетой и сигарою; у Лерхе молчаливо оканчивает день за ужином и бильярдом. Впрочем, в этом поведении столичного жителя бывает не без исключений. Так, например, на классических обедах у Сен-Жоржа, у Дюме, у Луи, у Дюссо и еще кое-где замечается совершенно другой тон, так сказать *высший тон*, потому что там говорят не женируясь, громко и свысока. В некоторых местах, именно в так называемых *съестных заведениях*, господствует даже тон *музыкально-машинный*, издающийся из более или менее беспокойных органов или *машин*, как их величают туземцы. Из этих съестных консерваторий более других посещаются: Мало-Ярославский, Палкин, Салтыковский, Балабин, Отель-де-Норд и проч.»⁵⁴⁰.

Позже путеводитель Владимира Михневича «Петербург весь на ладони» (1874) отмечал: «Русские порядочные обеды дают в трактирах: „Малоярославец“, „Балабинский“, у Палкина»; «хорошие обеды французской кухни, но по высокой цене, можно иметь в заведениях: Дюссо,

⁵³³ *Prix fixe* – постоянная, твердая цена (*фр.*).

⁵³⁴ [Расторгуев Е. И.]. Указ. соч. С. 87.

⁵³⁵ Выходец из Швейцарии купец Иван (Иоганн Люциус) Излер (1810–1877) в 1830–1840-х годах владел на Невском проспекте лучшей кондитерской и двумя *café-restaurants* (см.: Северная пчела. 1838. 2 апр.; 1839. 16 дек.; 1840. 17 янв.; 1843. 5 июня; 1844. 24 мар.; Литературная газета. 1840. 20 янв.). «Кондитерская-кофейня г. Излера вошла в моду русскими пирожками, называемые расстегайчиками» (Северная пчела. 1841. 24 дек.). Об Излере см. также в наст. изд. примеч. 21 к статье «Петербургские общедоступные увеселительные сады в XIX веке».

⁵³⁶ Смесь // Северная пчела. 1843. 5 июня.

⁵³⁷ Излер «выписывает вина из Франции, а сигары – из Гаваны» (Указатель Петербурга для приезжих и иногородних // Северная пчела. 1844. 24 мар.).

⁵³⁸ Столянский П. Н. Зеленый змий в старом Петербурге. Л. 23.

⁵³⁹ Греч А. Н. Указ. соч. С. 438.

⁵⁴⁰ Сколько лет, сколько зим! или Петербургские времена. СПб., 1849. С. 41.

Бореля, Донона, Демут», отмечая при этом, что «Дюссо» и «Борель» – «любимые рестораны великосветских денди»⁵⁴¹.

Ресторан «Доминик» (в доме Лютеранской церкви на Невском) посещала публика среднего достатка. Поклонники ресторана даже выпустили в 1881 году специальное издание «Ресторан Доминика в полдень», где в очерке «Посетители ресторана» характеризуется «общая физиономия ресторана»:

Кто, господа, не знает ресторана Доминика? Кто, хотя раз в жизни, в так называемый адмиральский час, когда в желудке *девятый вал ходит*, не забегал туда – выпить рюмку популярной очищенной и съесть горячую кулебяку или пирожок-пышку на *французском* масле? Последнее обстоятельство нисколько, впрочем, не мешает посетителям уничтожать эти произведения доминиковской кухни с большою старательностью и поистине волчьим аппетитом.

Интересно смотреть, как толпа, человек в пятнадцать-двадцать, стоит у буфета и вперебой, с толчками, сопровождаемыми поминутными: «pardon», «виноват», «извините» – расхищает, в каких-нибудь полчаса, весь запас дымящихся кулебяк, груды бутербродов и прочих съедобностей, выставленных гостеприимным хозяином для заморения желудочного червячка публики.

Кого-кого только в это время не встретишь здесь? Встаньте в сторону и наблюдайте несколько минут. Вот перед вами: гвардейский офицер в чине не выше поручика (гвардейцы прочих рангов почти не посещают Доминика); скромненький армеец в потертом пальто и потемневших погонах; жид-гешефтмахер с глубокомысленной физиономиею финансиста; купец из Гостиного двора, преимущественно книгопродавец; гласный Думы либерального лагеря, большой говорун и абсурдист; солидный чиновник с портфелем подмышкой, должно быть, начальник отделения; юркий адвокат; дисконтер; закладчик; биржевой заяц; конторщик из банка или магазина; газетный репортер; литератор средней руки; доктор; фланер-хлыщ, гранящий мостовую Невского проспекта или Большой Морской; представитель мелкого шантажа, жаждущий закусить на даровщину; восточный человек с собственным запахом; господин с вздернутым кверху и как бы что-то нюхающим носом и отталкивающей физиономией, без которого нельзя представить себе ни одного общественного места – одним словом, люди всевозможных занятий, специальностей, профессий. Все это метется, суетится, снует туда-сюда, пьет, ест, эксплуатирует друг друга, просит, обещает, слушает, приглядывается, болтает из пустого в порожнее – словно дело делает.

Вот, в кратких словах, общая физиономия ресторана в полдень⁵⁴².

«За Казанским мостом, – указывал путеводитель в 1892 году, – идет не особенно видный снаружи и довольно скромно отделанный внутри, но очень любимый публикою средней руки и охотно ею посещаемый *ресторан Доминика*. Здесь, около полудня, всегда можно застать массу разнокалиберной публики. Тут и биржевые дельцы, и аферисты, и невские франты, и люди неопределенных профессий, и пр. и пр. Это своего рода сборный пункт или клуб, где один приходит повидаться с „нужным ему человеком“, другой выпить чашку кофе, третий сыг-

⁵⁴¹ Михневич В. О. Петербург весь на ладони. СПб.: К. Н. Плотников, 1874. С. 484, 486.

⁵⁴² Ресторан Доминика в полдень: Типы и сцены с приложением юмористических стихотворений «Всем сестрам по серьгам». СПб., 1881. С. 2.

рать на бильярде, или в шахматы, четвертый просто почитать газеты. Кухня не „французская“, но дешевая и сытная»⁵⁴³.

Заведения, где проводила досуг состоятельная публика, предпочитали именоваться на иностранном языке. На Невском проспекте, свидетельствует очевидец в 1846 году, «...множество кондитерских, кафе-ресторанов, трактиров, гостиниц... <...> Не только на Невском проспекте, но и по всем главным улицам всего Петербурга, все вывески, все надписи на французском языке»⁵⁴⁴.

Пивные лавки, трактиры и винные погреба для простонародья заманивали к себе живописными вывесками. «На Сенной [площади] была пивная лавка, на вывеске которой было изображение бутылки, из которой пиво переливалось шипучим фонтаном в стакан. Под этим рисунком была лаконичная надпись: „Эко пиво!“ <...> Над простыми трактирами рисовали мужиков, чинно сидящих вокруг стола, уставленного чайным прибором или закускою и штофами; живописцы обращали особое внимание на фигуры людей: они заставляли их разливать и пить чай в самом грациозном положении, совсем непривычном для посетителей таких мест. На вывесках иногда людские фигуры были заменены предметами: чайный прибор, закуска и графин с водкой, – последнее изображение еще красноречивее говорило за себя. <...> На вывесках винных погребов изображали золотые грозди винограда, а также нагих правнучат и потомков Бахуса верхом на бочках, с плющевыми венками на голове, с чашами, с кистями винограда в руках. Также рисовали прыгающих козлов, полагая, что греки этому четвероногому приписывали открытие вина»⁵⁴⁵.

«Веселей были вывески чайных и небольших трактиров, – вспоминает Сергей Горный. – Там из носика чайника шел лазурный пар, какими-то полукольцами, которые уменьшались, чем дальше от носика. Кольца были беловатые и голубоватые. Но еще веселей были чайники: они были совсем пузатыми, и на них были нарисованы праздничными мазками розаны, и меж них зеленые, узкие завитушки, похожие на вьюнов или на усики растений, тех, что взбегают по стенам. Эти вьюны извивались и корчились спиралью. Фон был ярко-красный, и вывеска была видна издали: не надо было искать вдоль улицы. Такие вывески, яркие и заботливо нарисованные, появились лишь недавно; обычнее были старые, бурые, зеленоватые. Они висели криво на дверных створках; низ их был изъеден ржавчиной дырчато и ажурно. Наверху была надпись: „Горячие закуски“. Иногда надпись не вся помещалась, тогда было видно только „закус“, а конец слова нельзя было втиснуть. В новых вывесках этого не бывало; они были сделаны расчетливо и с блеском: иногда даже оставался вдоль букв тоненький карандашный след или линеечка мела: видно было, что буквы размерялись»⁵⁴⁶.

В 1890-х годах газеты предлагали «убрать прочь с глаз долой огромные красно-сизые вывески, которыми теперь обозначаются заведения, где торгуют крепкими напитками. Но всего ужаснее... кабачные вывески, до половины синие, а верх красный»⁵⁴⁷. В начале XX века вышло распоряжение, по которому у питейных заведений, продающих «навынос», вывески «должны быть зеленого цвета», у торгующих «распивочно» – «должны быть наполовину зеленые, наполовину желтые»⁵⁴⁸.

Попытка урегулировать число «трактирных заведений» оказалась безуспешной. В Положении 1852 года предписывалось: «не ограничивается число кафе-ресторанов и гостиниц; про-

⁵⁴³ Зарубин И. Альманах-путеводитель по С.-Петербургу. СПб.: паровая типо-лит. Муллер и Богельман, 1892. С. 41.

⁵⁴⁴ [Расторгуев Е. И.]. Указ. соч. С. 29, 41.

⁵⁴⁵ Пыляев М. И. Замечательные чудачки и оригиналы. М.: Орбита, 1990. С. 335, 338.

⁵⁴⁶ Горный С. Указ. соч. СПб., 2000. С. 38–39.

⁵⁴⁷ Питейные вывески // Петербургская газета. 1892. 9 февр.

⁵⁴⁸ Руководство для изучения обязанностей городского С.-Петербургской полиции. СПб., 1902. С. 18. Здесь же говорится: «Городовой должен сличить вывеску с утвержденным рисунком ее и разрешить прибавку вывески лишь при соответствии ее рисунку» (С. 20).

чим трактирным заведениям определен следующий комплект: трактиров – 40; рестораций – 56; кофейных домов – 46; харчевен – 72»⁵⁴⁹. Однако, к примеру, в 1872 году в городе насчитывалось: трактиров, ресторанов и кухмистерских – 590; питейных домов – 1475⁵⁵⁰.

И наконец, Положение от 4 июля 1861 года окончательно сформулировало понятие «трактирное заведение». «Трактирное заведение есть открытое для публики помещение в котором либо отдаются внаем особые покои *со столом*, либо производится продажа кушанья и напитков. Считаются трактирными заведениями: а) гостиницы; б) подворья; в) меблированные квартиры (в столицах), отдаваемые со столом, если у одного хозяина отдается более шести комнат; г) собственно трактиры; д) ресторации; е) кофейные дома; ж) кафе-рестораны и кухмистерские столы для приходящих; з) харчевни; и) буфеты при театрах, клубах, станциях железных дорог и пр.»⁵⁵¹

В этом положении содержатся и требования, предъявляемые к «трактирным заведениям». «Содержатели гостиниц, трактиров, кофеен, портерных лавок и винных погребов не должны допускать в означенных заведениях: игры в карты и кости, разврата и притона для людей подозрительных»⁵⁵², «портерные и пивные лавки воспрещается открывать ближе 20 саж. от христианских храмов, монастырей и часовен»⁵⁵³; «не дозволяется открывать питейные дома и ренсковые погреба с распивочною продажей» в центре города⁵⁵⁴. При этом разрешалось «содержателям трактирных заведений иметь бильярды и дозволенные законом игры, а равно музыку»⁵⁵⁵, но с оговоркой, что «содержатели трактирных заведений, коим полиция разрешает иметь в заведениях своих музыку, песенников и др. увеселения, должны также иметь от Театральной Дирекции на эти увеселения свидетельства»⁵⁵⁶. «Увеселения, как-то: оркестры музыки, пение тирольцев, хоры цыган и т. п. будут разрешаемы только тем [заведениям], которые помещаются в парках и садах, покрытых зеленью и деревьями, не менее как на пространстве 250 саж. и в загородных местах; зимою же подобные увеселения на тех же основаниях будут разрешаемы в тех только садах при трактирных заведениях, в черте города находящихся, где будут устроены катки и ледяные горы»⁵⁵⁷.

Существовал ряд законодательных распоряжений о питейных заведениях для простонародья. «В казенных винных лавках должны находиться икона, часы» и правила о торговле. «Воспрещается вывешивать на стенах лавок всякого рода картины и портреты. <...> Покупатели напитков обязаны при входе в казенную винную лавку снимать шапку, вести себя благопристойно, не курить и оставаться в лавке не более того времени, сколько нужно для покупки напитков. <...> Воспрещается закрывать окна трактирных заведений и чайных наглухо непроницаемыми занавесками. <...> Воспрещается в трактирных заведениях приспособлять при органах автоматические куклы, изображающие различные личности, дирижирующие и танцующие под такт музыки». Торговля крепкими напитками в заведениях разрешена с семи утра до десяти часов вечера⁵⁵⁸.

Губительное наступление так называемого «квасного патриотизма» (выражение Петра Вяземского) в 1890-е годы коснулось даже меню заведений и изменило внешний облик Петер-

⁵⁴⁹ Проект нового Положения о трактирных заведениях... С. 9.

⁵⁵⁰ Михневич В. О. Петербург весь на ладони. С. 16.

⁵⁵¹ Алфавитный указатель к приказам по С.-Петербургской полиции. С. 584–585.

⁵⁵² Там же. С. 136.

⁵⁵³ Там же. С. 364.

⁵⁵⁴ Там же. С. 565.

⁵⁵⁵ Там же. С. 586.

⁵⁵⁶ Там же. С. 593.

⁵⁵⁷ Там же. С. 594.

⁵⁵⁸ [Высоцкий И. П.] Алфавитный сборник распоряжений по С.-Петербургскому градоначальству и полиции, извлеченных из приказов за 1891–1901 гг. СПб., 1902. С. 371–373, 375.

бурга. «В ресторанах и гостиницах меню должны быть напечатаны или написаны исключительно на русском языке, и в случае желанья против названий кушаний, напечатанных на русском языке, допускается печатать или писать таковые же и на иностранном языке»⁵⁵⁹. В декабре 1897 года вышел циркуляр, обязывающий «утверждать на вывесках текст исключительно на русском языке, переводы же могут быть допущены только на языки иностранных государств: немецкий или французский, и отнюдь не должны быть допускаемы на инородческие языки, как-то: малороссийский, польский, финский, латышский, эстонский и проч.»⁵⁶⁰.

Опубликованные в 1897 году сведения о санитарном состоянии города дают представление об устройстве трактиров, которые разделялись на три разряда: «для чистой публики», «простонародные с чистой половиной», «исключительно простонародные»⁵⁶¹. «Чистые трактиры и даже второклассные рестораны – все занимают большие помещения, состоящие из 7, 8 и более, иногда до 15 комнат, высоких, просторных; общие комнаты и часть кабинетов имеют окна на улицу, так что света в них достаточно; меблированы они хорошо; мебель как в общих комнатах, так и в кабинетах, преимущественно мягкая; на окнах занавеси из такой же материи, какой крыта мебель. Полы большей частью паркетные; потолки хорошо выбелены, к ним привешены люстры; стены оклеены хорошими обоями и содержатся довольно чисто; на стенах зеркала, картины и бра. Освещаются они керосином или газом»⁵⁶². «Всякий трактир состоит из двух отделений: чистой и черной половины. Первая помещается во втором этаже, вторая – чаще в первом. В первой комнате чистой половины устроен буфет. В этой комнате, как и во всех остальных, стоят столы, покрытые белыми скатертями и мягкая мебель. В одной комнате устроен орган. <...> Чистая половина состоит из 3–4 столовых общих и 2–4 отдельных кабинетов. <...> Черная половина состоит из 2–4 комнат и из отдельного угла для булочника; здесь мебель простая, столы покрыты цветными скатертями, обои проще»⁵⁶³. «Простонародные трактиры помещаются в подвалах, хотя встречаются и в первых этажах, и занимают 5, 6 комнат». Полы в них «деревянные, некрашенные, загрязненные. Стены оклеены дешевыми обоями, которые покрыты жирными пятнами». Освещаются помещения керосиновыми лампами⁵⁶⁴.

Портерные «занимают помещение из двух-трех комнат, большей частью светлых, в подвальных, иногда и в первых этажах. <...> Обстановка состоит из столиков, чаще всего мраморных, и венских плетеных стульев». Питейные дома «находятся в первых этажах, реже в подвалах» и «размещаются в местностях, населенных чернорабочими. Помещение с двумя ходами на улицу, состоит из одной комнаты, окрашенной масляной краской или оклеенной обоями»⁵⁶⁵.

Питейное заведение для народа в кругу семинаристов именовалось «капернаум». В рассказе «Спевка» (1862) Василий Слепцов описывает репетицию приходского хора на квартире регента, которая завершилась застольем. Когда не хватило водки, регент отправляет дисканта за новой бутылкой. «Петя! – шептал он [регент] в передней, расталкивая заснувшего дисканта. – Петя, стремись! Во мгновение ока. Понял? В капернаум. Действуй!»^{566, 567} Возможно, что с легкой руки Слепцова «капернаум» в значении питейного заведения стал достоянием

⁵⁵⁹ Там же. С. 375.

⁵⁶⁰ Там же. С. 85.

⁵⁶¹ Город С.-Петербург с точки зрения медицинской полиции. СПб., 1897. С. 156.

⁵⁶² Там же. С. 156.

⁵⁶³ Там же. С. 345–346.

⁵⁶⁴ Там же. С. 158.

⁵⁶⁵ Там же. С. 168, 169, 346, 347.

⁵⁶⁶ Слепцов В. А. Сочинения: В 2 т. М.: ГИХЛ, 1957. Т. 1. С. 103. Слепцов также указывает («На железной дороге»), что семинаристы называли штоф (посуда определенного размера, четырехугольная, с коротким горлом – В. Даль) «монахом» (Там же. С. 68). На воровском языке («блатной музыке») трактир – канна (Попов В. М. Словарь воровского и арестантского языка. Киев, 1912), от поселения Кана в Галилее, где Христос сотворил первое чудо – претворение воды в вино.

⁵⁶⁷ Капернаум – древний город на берегу Галилейского моря, где проповедовал и творил чудеса Иисус Христос.

русской литературы. Дмитрий Ломачевский в книге «С квартиры на квартиру» (1868) приводит «Беседу в Капернауме» двух приятелей, которая происходила в «питейном доме» на углу Малого проспекта и Безымянной улицы на Петербургской стороне⁵⁶⁸. Владимир Михневич в очерке «Наш известный любимец публики» (1884) описывает похождения своего героя в ресторане «Капернау», не называя адреса заведения⁵⁶⁹. Прозвище питейного заведения «капернау» получило распространение и среди горожан. Л. И. Кинг вспоминает: «На том месте у Знаменья, где теперь громадный дом Знаменской гостиницы, как раз против вокзала Николаевской железной дороги, в [18]30-х годах стоял двухэтажный домик берг-гешворена Гребенкина. Вверху была аптека с разноцветными (по обычаю) шарами, а низ занимался веселым и народному сердцу милым капернаумом, попросту кабаком»⁵⁷⁰.

«Трактиры в столице имеют громадное значение в быте населения, – писала газета в 1892 году, – посетителями трактиров является 1/6 населения, т. е. 150–160 тысяч, состоящая из торговцев, ремесленников, различных служащих, рабочих. <...> Трактиров же, за исключением первоклассных ресторанов, насчитывается в Петербурге около 600». Газета напомнила владельцам заведений, которые увлечены прежде всего продажей крепких напитков, что, согласно Положению 1861 года, «назначение трактиров – именно кушанье и что они могут держать спиртные напитки как приватно к кушанью»⁵⁷¹.

Журналист Николай Животов, специально проработавший неделю официантом, в очерке «Среди шестерок» сообщал, что в 1895 году в городе было «644 трактирных заведений», из них «местных трактиров до двухсот и все они группируются около фабрик, заводов, рынков, присутственных мест, казенных учреждений и, вообще, в людных местах»⁵⁷². Как отметил Животов, для ресторана «надо нанять дорогое помещение, чуть не целый этаж дома на бойком месте, непременно фасадом на улицу, с подъездами и приличными антре⁵⁷³; надо омеблировать все комнаты, поставить мягкую мебель, зеркала, портьеры. Наконец, надо купить права (по старому положению), которые одно время доходили в цене до пяти, десяти тысяч рублей»⁵⁷⁴. Что касается трактирной прислуги, то, по наблюдению Животова, «чаще всего официанты – татары, французы, немцы и реже – петербуржцы; ярославцы официантами почти не встречаются, многие из них имеют кругленькие состояния». Он отмечает, что ярославцы «умеют отлично служить», «обладают особым тактом и чутьем» в распознавании посетителя и быстро становятся буфетчиками или владельцами трактиров⁵⁷⁵.

В конце XIX – начале XX века «ресторанная жизнь» достигла своего апогея.

В ресторане «Кюба» (Большая Морская улица, угол Кирпичного переулка) «за завтраками и обедами можно было встретить весь именитый, родовитый и денежный Петербург, тогда пиры и оргии чередовались ежедневно и не было ни одного провинциала, попавшего в столицу, который не мечтал бы позавтракать „у Кюба“ и глазком взглянуть, что там делалось по вечерам»^{576, 577}. У «Кюба» постоянно устраивались банкеты поклонников балета, который

⁵⁶⁸ Ломачевский Д. П. С квартиры на квартиру: (Этюды из жизни на Петербургской стороне). СПб., 1868. С. 55–56.

⁵⁶⁹ Михневич В. О. Картинки петербургской жизни. СПб.: Тип. Ф. С. Сушинского, 1884. С. 67, 70 и др.

⁵⁷⁰ Кинг Л. И. Рассказы об императоре Николае Павловиче // Исторический вестник. 1886. Т. 26. № 11. С. 414.

⁵⁷¹ Трактирная реформа // Петербургский листок. 1892. 26 мар.

⁵⁷² Животов Н. Н. «Петербургские профили»: «Среди шестерок». Шесть дней в роли официанта. СПб., 1895. Вып. 4. С. 41.

⁵⁷³ Антре (от фр. *entrée*) – вход.

⁵⁷⁴ Там же. С. 35.

⁵⁷⁵ Там же. С. 18–19.

⁵⁷⁶ Carlton. «Кюба» // Столица и усадьба. 1915. № 31. С. 31.

⁵⁷⁷ Ресторан «знаменитого повара» Жан-Пьера Кюба до 1886 года принадлежал «французскому ресторатору Борелю»; в начале XIX века на этом месте находился «любимейший петербургской золотой молодежью ресторан „Мыс Доброй Надежды“» (Carlton. «Кюба» // Столица и усадьба. 1915. № 31). «На углу Кирпичного переулка, – сообщал путеводитель в 1892 году, – излюбленный золотой молодежью, да и не одной только молодежью, шикарный ресторан Кюба с французской кухней и совершенно немилостивыми ценами» (Зарубин И. Альманах-путеводитель по С.-Петербургу. СПб., 1892. С. 79).

«к началу двадцатого века сделался любимейшим развлечением не только большого света, но и широкой публики всех слоев»⁵⁷⁸. Были любимые рестораны и у военных⁵⁷⁹.

Вошли в моду и ночные рестораны. Рассказывая о «ресторанной жизни» Петербурга начала XX века, Владимир Крымов утверждал: «Серьезные люди уверяли, что дела можно делать в России только в ресторане. <...> И шли в самое занятое время в ресторан. <...> У Кюба, у „Медведя“, у Донона⁵⁸⁰, – проводили полжизни»⁵⁸¹.

Однако мы коснемся лишь «литературных обедов» в ресторанах по воспоминаниям их участников.

«Литературные обеды» в трактирах и ресторанах

Историограф ресторана «Вена» Евгений Пяткин, писавший стихи и фельетоны под псевдонимом Венский (от названия ресторана), оставил запись: «Литератору с литератором встретиться, по душам поговорить, мыслями поделиться, никак невозможно, негде. <...> Еще и сейчас указывают на ресторанчик „Прадер“ на Вознесенском, куда любил ходить Достоевский. <...> Некрасов часами просиживал в первые годы своей деятельности в ресторане на Разъезжей. Но это посещение русскими литераторами трактирчиков средней и „повыше“ руки не объединяло писателей. Был у каждого свой любимый трактир, куда он и ходил»⁵⁸².

До середины XIX века литераторы проводили время в любимых заведениях, как правило, с русской кухней, в небольшой компании.

В 1860-х годах «любимыми кабачками сотрудников „Искры“, где они собирались, да и вообще пишушей братии того времени, были маленький ресторанчик Зееста, помещавшийся в деревянном одноэтажном домике на Александринской площади... затем ресторан Ефремова на Невском проспекте, а за городом „Хуторок“, существовавший, впрочем, недолго. При ресторане Зееста был кегельбан и по воскресеньям устраивались завтраки по 60 копеек с персоны с водкой, которые назывались „Krebs und Wurstessen“, так как в числе закусок всегда были сосиски и раки, а в „Хуторке“ и ресторане Ефремова по вечерам бывали танцклассы, танцевальные вечера. В ресторан Зееста ходили и критики: Аполлон Григорьев – истолкова-

О кутежах в ресторанах Бореля и Кюба см.: Плещеев А. А. Вакханалия (Из недалекого прошлого) // Столица и усадьба. 1915. № 42. С. 21.

⁵⁷⁸ Плещеев А. А. «Под сению кулис...». С. 90, 99–104.

⁵⁷⁹ На Васильевском острове, «недалеко от казарм, по 6-ой Линии, у Николаевского моста, был довольно сомнительный ресторанчик под названием „Золотой якорь“. Содержала его, в мое время, купчиха Аделаида Николаевна Орлова. Существовал он уже много десятков лет, и о нем упоминал в своих „Записках“ П. А. Федотов, знаменитый академик-художник 1830-х годов прошлого столетия, офицер нашего полка. Публика в нем бывала серенькая, обстановка не блистала ни богатством, ни изяществом. Но помню, нигде и никогда не едал я таких вкусных, жареных в сметане, порционных карасей – как в „Золотом якорь“! Не довольствуясь отличной кухней Офицерского собрания, не прочь бывали мы пообедать или поужинать у Кюба, Контана, „Медведя“, Донона, Эрнеста; позавтракать в „Отель де Франс“. Но должен сознаться, не забывался нами и наш сосед, исторический для полка – „Золотой якорь“, где любителя вкусно поесть привлекали рассольник и караси в сметане. Умели там в меру („чрезмерно“) заохладить и графинчик водки» (Ходнев Д. «Караси» (Из полковых воспоминаний) // Часовой / Брюссель. 1961, № 416. Январь. С. 23–24; сообщил Д. Б. Азиатцев).

⁵⁸⁰ В 1897 году в протоколе обследования медицинской полиции отмечалось, что к первоклассным ресторанам относятся «Донон» и «Медведь». При «Дононе» имеется «сад, в котором находятся одно- и двухэтажные беседки и открытые павильоны, где летом публика обедает и отдыхает на открытом воздухе. В левом боковом флигеле устроено 11 отдельных кабинетов, 2 зала на 70 человек и один двухсветный большой зал с хорами на 100 человек. Все столовые и кабинеты прекрасно отделаны, с бархатной мебелью, коврами, картинами, зеркалами, бронзой, люстрами и прочее. <...> Все помещения ресторана освещаются электричеством» (Город С.-Петербург с точки зрения медицинской полиции. СПб., 1897. С. 159). Ресторан «Медведь» «занимает весь первый этаж и подвал, выходящие на Большую Конюшенную и на набережную Мойки». В столовой «бассейн с гrotтами для живой рыбы». Кроме столовой (на двадцать столов) еще три больших зала. Первый зал на триста персон «служит для устройства балов и вечеров», при зале «зимний сад с большими венецианскими стеклами». «При ресторане еще пять богато меблированных кабинетов с каминами». Освещается ресторан электричеством (Там же. С. 160–161).

⁵⁸¹ Крымов В. П. Хорошо жили в Петербурге! Берлин: Петрополис, [1933]. С. 6.

⁵⁸² Десятилетие ресторана «Вена»: Литературно-художественный сборник. СПб.: Типо-лит. «Якорь», 1913. С. 8.

тель Островского, Эдельсон, А. Головачев. Очень часто бывали Мей, Всеволод Крестовский, П. И. Якушкин, А. И. Левитов. После спектакля в Александринском театре ресторан переполнялся публикой, бывало много актеров. Вообще ресторан Зееста имел характер клуба, так как добрая половина посетителей была знакома друг с другом. <...> И пили в этом ресторане, много пили»⁵⁸³

⁵⁸³ Лейкин Н. А. Мои воспоминания. С. 164–165.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.